

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 100

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2026

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент Е.С. Болтанова,
канд. юрид. наук, доцент Н.Г. Галковская,
канд. юрид. наук, доцент Н.В. Демидов,
канд. юрид. наук, доцент М.П. Имекова

П68 **Правовые проблемы укрепления российской государственности** : сб. статей / ред. Е.С. Болтанова, Н.Г. Галковская, Н.В. Демидов, М.П. Имекова. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2026. – Ч. 100. – 180 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-908040-43-3 (отд. кн.)

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 30 января – 1 февраля 2025 г.).

Статьи посвящены актуальным проблемам различных отраслей права и юридической науки, содержат предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-908040-43-3 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2026

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

М.А. Александрина

ВЫБОР ПРИМЕНИМОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ

Традиционно термин «автономия воли» относится к выбору применимого права в сфере международных частноправовых отношений. Категория «автономия воли» имеет несколько дискуссионных аспектов. В связи с этим возникают некоторые вопросы.

Следует ли под «автономией воли» понимать именно выбор применимого права и, наоборот, выбор права обозначать через «автономию воли»? Логического объяснения применению термина «автономия воли» в данном контексте нет. В частном праве он имеет более широкое значение, а в доктрине международного частного права предполагает лишь выбор применимого права, если это допускается законом. Выбор применимого права – одно из проявлений автономии воли в широком смысле. Из содержания нормы п. 1 ст. 1210 ГК РФ следует, что выбранное право будет применяться к правам и обязанностям по договору. Кроме того, допускается выбор применимого права к отношениям, не основанным на договоре (п. 6 ст. 1210 ГК РФ). Важно отметить, что законодатель использует выражения: «выбор подлежащего применению права», «определение права» (ст. 1210, 1186 ГК РФ).

Выбор применимого права следует рассматривать в качестве отраслевого принципа или коллизионной привязки? Во-первых, выбор применимого права (автономия воли) практически безоговорочно признается принципом международного частного права, поскольку допускается именно в рамках частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Суть данного принципа состоит в гарантии права выбора либо отказа от выбора субъектами правоотношения при заключении договора или впоследствии в период его

действия (а при определенных условиях – и правоотношений внедоговорной природы) определенной правовой системы: той, к которой принадлежит один из субъектов; либо права, с которым связано правоотношение; либо негосударственных источников для регулирования их взаимоотношений. Это означает узкую, условно говоря, отраслевую направленность указанного принципа. Во-вторых, выбор права рассматривается и как особый коллизионный институт, одна из коллизионных норм¹. Более того, в соответствии с некоторыми теориями автономии воли она наделяется материально правовой природой и рассматривается как одно из условий договора (условие о выборе применимого права). Очевидно, прослеживается договорная природа, а значит – участники международных частнопроводных отношений в большинстве случаев свободны в осуществлении такого выбора и в формулировании волеизъявления относительно конкретного выбора. Этим и отличается автономия воли от любого иного коллизионного правила. Поэтому в литературе небезосновательно утверждается, что не бесспорна коллизионная трактовка автономии воли². В ст. 1186 ГК РФ, в которой закреплены основные начала регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, нет четко сформулированного понятия автономии воли и не раскрывается его содержание как принципа.

Выбор применимого права следует определять через «возможность» или «необходимость»? Для международных источников характерна обязательность выбора применимого права³. Но если выбор применимого права рассматривать как обязательное требование,

¹ См. об этом: Нам К.В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с регламентом ЕС № 864/2007 от 11 июля 2007 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательственным отношениям» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 76–84.

² См. об этом: Малкин О.Ю. Правовое регулирование выбора права сторон договора. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 9–12.

³ Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров 1955 г. (Гаага, 15 июня 1955 г.; вступила в силу с 3 мая 1964 г.). URL: <https://assets.hcch.net/docs/a0c9d124-4c31-48cb-baf3-3903ff0d1fe4.pdf> (дата обращения: 30.01.2025); Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров (не вступила в силу) от 22 декабря 1986 г. URL: <https://base.garant.ru/135386/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/> (дата

то об автономии воли речь можно вести условно, т.е. лишь в контексте выбора одного из нескольких указанных правопорядков, либо нейтрального права, либо нескольких правопорядков в рамках одного договора. Возможности же отказаться от выбора применимого права стороны частного правоотношения будут лишены. Но в том и ценность принципа выбора применимого права (автономии воли) – в праве выбора.

В заключение можно привести следующие выводы.

Буквальное толкование термина «автономия воли» не соответствует наполняемому содержанию согласно доктрине международного частного права, поскольку имеет более широкое значение в частном праве. Поэтому следует избавить автономию воли от двойственности в ее понимании и разграничить категории «автономия воли» в частном праве и «возможность выбора применимого права» в международном частном праве.

«Выбор применимого права» следует рассматривать как возможность и выделить в качестве принципа. Представляется целесообразным дополнить пункт 1 ст. 1186 ГК РФ абзацем 3: «Стороны гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, свободны в выборе применимого к данным отношениям права, если такой выбор не ограничен международными договорами Российской Федерации, Конституцией Российской Федерации и настоящим Кодексом».

обращения: 30.01.2025); Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 21.12.2024); Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам от 17 марта 1994 г. URL: <https://uristinfo.net/dogovornoe-pravo/99-dogovornoe-pravo-v-mezhdunarodnom-oborote/2510-mezhamerikanskaja-konventsija-o-prave-primenimom-k-mezhdunarodnym-kontraktam.html> (дата обращения: 17.01.2025); Проект принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах (Гаагские принципы) от 19 марта 2015 г. URL: <https://www.cisg.info/haag-principles-international-contracts.php> (дата обращения: 30.01.2025).

Н.В. Багрова

КРУПНЫЕ СДЕЛКИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ПОДХОДЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Российское законодательство о крупных сделках хозяйственных обществ сформировалось благодаря рецепции соответствующих категорий из правовых систем США и Великобритании. Однако, как отмечается в правовой доктрине, появление соответствующих норм не сопровождалось глубоким осмыслением института экстраординарных сделок, целей и задач, которые перед ним ставились¹. Возможно, поэтому первоначальная редакция федеральных законов «Об обществах с ограниченной ответственностью»² (далее – ФЗ «Об ООО») и «Об акционерных обществах»³ (далее – ФЗ «Об АО») в этой части потребовала дальнейшей корректировки.

В первую очередь стоит отметить, что в российском законодательстве, как и в большинстве законодательств иных стран постсоветского пространства, отсутствуют единые нормы о совершении крупных сделок. Правовая регламентация устанавливается для каждой организационно-правовой формы хозяйственных обществ (ст. 46 ФЗ «Об ООО», ст. 78–79 ФЗ «Об АО»), хотя в целом нормы специальных законов имеют существенное сходство. Иной подход воплощен в законодательстве Республики Беларусь, где для всех хозяйственных обществ создана единая правовая основа функционирования, в том числе единые правила совершения крупных сделок⁴.

¹ Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М. : Статут, 2020. С 7.

² Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

³ Федеральный закон от 26.12.1995г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁴ Статья 58 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП «О хозяйственных обществах» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19202020> (дата обращения: 12.03.2025).

На заре формирования норм о крупных сделках российский законодатель ограничился установлением количественного (стоимостного) критерия и видов совершаемых сделок, правил об их одобрении и правовых последствиях несоблюдения этих правил. В процессе применения указанных норм обнаружился ряд проблем, потребовавших новых законодательных решений. В частности, необходимо было обеспечить баланс интересов, с одной стороны, хозяйственных обществ, с другой стороны, его участников, с третьей – иных участников гражданского оборота. Кроме того, судебная практика была весьма противоречивой, поскольку оказалось, что ряд сделок, формально подходящих по количественному критерию под категорию крупных, совершается в тех или иных сферах предпринимательской деятельности постоянно, охватывается категорией предпринимательского риска, а необходимость одобрения таких сделок приводит к существенным затруднениям в деятельности предпринимателей. Все это привело к существенным изменениям норм о крупных сделках, в частности, установлению в законодательстве препятствий для удовлетворения исков об оспаривании крупных сделок (п. 5 ст. 46 ФЗ «Об ООО», п. 6.1 ст. 79 ФЗ «Об АО»), а также введению дополнительного критерия отнесения сделок к крупным. Таким критерием является выход за пределы обычной хозяйственной деятельности при совершении сделок, т.е. совершение сделки (или нескольких взаимосвязанных сделок) приведет к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов¹. В доктрине и правоприменительной практике он получил название «качественного» критерия².

Совершенствование законодательства о крупных сделках, несомненно, привнесло большую определенность в гражданский оборот и правоприменительную практику. Вместе с тем в сентябре 2024 г.

¹ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. 06.07.2018. № 145.

² Там же.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение¹, которое в некоторой степени, можно назвать революционным. Согласно изложенной в Определении позиции, основным при оценке характера сделки должен быть именно качественный критерий. Количественный критерий не имеет столь существенного значения: «сделка может быть признана крупной, даже если формально балансовая стоимость выбывших активов не превысила 25 процентов общей балансовой стоимости активов... но отчужденный актив являлся ключевым для общества – его утрата не позволяет юридическому лицу вести свою деятельность или ее отдельные виды»². Анализ указанного судебного акта позволяет сделать вывод, что выход за пределы обычной хозяйственной деятельности предполагается не только тогда, когда совершение сделки повлечет прекращение основной деятельности общества, но и в тех случаях, когда хозяйственное общество лишается возможности вести один из относительно самостоятельных видов деятельности, не связанных с его основной деятельностью.

Таким образом, Верховный Суд РФ признал, что для отнесения сделки к числу крупных достаточно лишь одного – качественного критерия, что, несомненно, послужит новым витком в судебной практике об оспаривании крупных сделок. Возможно, позиция Верховного Суда станет отправной точкой и для новых изменений в правовой регламентации совершения крупных сделок.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 по делу № А53-16963/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Т.Ю. Баришпольская

ОБЪЕКТЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Категория «объекты гражданских прав» является фундаментальной для всего гражданского права. Законодатель уделяет значительное внимание данной категории, поэтому правовое регулирование оборота различных объектов в последние годы претерпело существенные изменения. Такой вывод можно сделать, имея в виду содержание ст. 128 ГК, появление в ГК гл. 6.1, § 2 гл. 16 об общем имуществе собственников недвижимости и другие новеллы.

Базовое значение в данном контексте, несомненно, имеет ст. 128 ГК, где содержится перечисление видов объектов гражданских прав. Причём норма сформулирована таким образом, что перечень объектов исчерпывающий. Каждая из указанных в ст. 128 категорий объектов, в том числе и «новые» (цифровой рубль, цифровые права), были и остаются предметом исследования в цивилистической теории.

Разнообразие объектов гражданских прав обуславливает многоаспектность их анализа. Один из аспектов выступает предметом рассмотрения в данной статье.

Представляется, прежде всего надо исходить из тезиса, что категория «объекты гражданских прав» по содержанию совпадает с категорией «объекты гражданских правоотношений», поскольку гражданские права могут существовать только в рамках гражданских правоотношений. Поэтому можно утверждать, что объекты гражданских прав – это объекты гражданских правоотношений.

Также для последующих рассуждений необходимо иметь в виду одну из основных классификаций гражданских правоотношений: деление их на вещные и обязательственные, а также то, что и те и другие имеют «свои» объекты.

В цивилистической теории применительно к обязательствам существует понятие «объект обязательства». Легальное определение данного понятия отсутствует. При этом в доктрине под объектом обязательственного правоотношения традиционно понимаются те действия, которые должник обязан совершить в пользу кредитора, и

тогда обязательство будет считаться исполненным¹. «Наиболее распространённые» действия должника указаны в ст. 307 ГК. Конечно, возможны и другие действия в зависимости от вида обязательства. Эти действия в соответствии с традиционным представлением являются объектом обязательственного правоотношения, а значит, должны рассматриваться и в качестве объекта субъективного права (прав), входящего(их) в содержание соответствующего обязательства (права требования).

Но действия как таковые не указаны в качестве объектов гражданских прав в ст. 128 ГК (кроме оказания услуг). При этом перечень категорий объектов здесь исчерпывающий. А обязательствами по оказанию услуг далеко не ограничивается типовое и видовое разнообразие обязательств.

Таким образом сложившиеся положения доктрины в этом вопросе расходятся с законодательным регулированием и даже противоречат ему. Это означает, что следует скорректировать доминирующий теоретический подход или внести изменения в закон. Предпочтительным представляется отступление от традиционных доктринальных представлений.

В качестве дополнительных аргументов в пользу отказа от понимания объекта обязательства как действий по его исполнению можно высказать следующие соображения.

Первое из них связано с сопоставлением объектов вещных и обязательственных правоотношений. Если действия должника в обязательственном правоотношении можно считать объектом правоотношения, то что мешает признать действие объектом любого гражданского правоотношения, в том числе и вещного. Однако объектом субъективного вещного права, несомненно, выступает индивидуально определённая вещь (вещи), но не действия субъекта вещного права по владению, пользованию, распоряжению вещью.

Следующий аргумент связан с тем, что обязательство может быть сложным, предполагающим совершение многих разнообразных действий в течение длительного времени. Что будет охватываться понятием «объект обязательства» в таких случаях?

¹ См., например: Гражданское право. Общая часть : учебник / под ред. Е.С. Болгановой. М. : Инфра-М, 2021. С. 364–366.

Наконец, действия сторон обязательства могут не соответствовать их правам и обязанностям. Тогда что должно рассматриваться в качестве объекта обязательства: фактические или желаемые, требуемые действия?

Представляется, правильный подход к определению понятия «объект обязательства» должен базироваться на положениях ст. 128 ГК. Законодательное регулирование приводит к выводу, что объектами обязательственных правоотношений следует считать вещи, иное имущество, в том числе имущественные права, результаты работ, оказание услуг. Если проанализировать типовое и видовое разнообразие обязательств, можно усмотреть в каждом из них то или иное из названных благ в качестве объекта.

Предлагаемый подход к категории «объект обязательства» можно найти в ряде источников, в том числе и в учебной литературе¹. Но такая позиция в теории обязательственного права не является преобладающей, доминирующей, а понимание объекта обязательства как действия (действий) должника преподносится в качестве утверждения, не нуждающегося в обосновании и сопоставлении с другими подходами.

Представимый аргумент против признания объектом обязательственного правоотношения вещей (например, в купле-продаже, аренде) может быть связан с вопросом – как разграничивать обязательственные и вещные правоотношения, в которых объектом всегда выступают вещи. Думается, главное различие вещных обязательственных отношений заключается в способе реализации права. В вещных правоотношениях субъект вещного права удовлетворяет свой интерес в отношении индивидуально определённой вещи посредством своих собственных действий по владению, пользованию и распоряжению имуществом. А в обязательственных правоотношениях кредитор реализует своё право требования и удовлетворяет свой интерес лишь посредством встречных действий со стороны должника.

¹ Гражданское право. Часть общая : учеб. пособие / под ред. Н.В. Багровой. Томск : Издательство Томского университета, 2023. С. 151.

Д.А. Белецкий

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА ИЛИ ДОГОВОРА ОБ ОТЧУЖДЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АВТОРСКОГО НАДЗОРА

Исследование гражданско-правовой конструкции авторского надзора неизбежно ставит нас перед необходимостью установления договора, на основании которого он осуществляется. Ответ на обозначенный вопрос позволит установить договорную модель, по типу которой строятся отношения по осуществлению авторского надзора, и как следствие придать ясность правовому положению сторон.

В связи с тем, что авторский надзор тесно связан с правом интеллектуальной собственности, возникает вопрос о его соотношении с договором об отчуждении авторского права и лицензионным договором.

Так, на первый взгляд можно прийти к заключению, что данные конструкции имеют схожие черты, но при более детальном изучении обнаруживаются существенные различия. В целях облегчения восприятия и избегания дублирования информации мы рассмотрим эти договорные конструкции вместе.

Первое отличие, на которое следует обратить внимание, наблюдается в предмете. Так, И.В. Воробьевой было отмечено, что «предметом договора об отчуждении исключительного права является исключительное право в полном объеме, т.е. целиком»¹. Относительно лицензионного договора в литературе отмечено, что его предмет заключается «в действиях сторон, направленных на предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации»².

¹ Воробьева И.В. Правовая природа договоров об отчуждении исключительных прав // Юридические науки. 2010. № 2. С. 32.

² Дугова Н.В. Лицензионный договор и договор коммерческой концессии: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. 2018. № 8. С. 62.

Следует отметить, что предметом договора авторского надзора выступает деятельность автора реализуемого произведения по контролю за тем, чтобы в процессе практической реализации не был искажен его творческий замысел¹.

Отсюда вытекает следующее отличие, которое заключается в том, что по договору об отчуждении исключительного права и по лицензионному договору происходит переход прав на результат интеллектуальной деятельности.

Следует отметить, что в ходе заключения договора авторского надзора переход (предоставление) исключительных прав не происходит. Переход исключительного права к приобретателю (или права на использование результата интеллектуальной деятельности к лицензиату) происходит, по общему правилу, до момента заключения договора авторского надзора.

Следующее отличие, на которое следует обратить внимание, состоит в том, что заключение договора авторского надзора невозможно без предшествующего предоставлению (передачи) исключительных прав на произведение. В то же время заключение договора об отчуждении исключительных прав и лицензионного договора без предшествующего заключения договора авторского надзора допустимо.

Данное заключение основывается на тех соображениях, что основная цель авторского надзора заключается в придании дополнительной защиты права автора произведения от его неправомерного искажения, которое возможно лишь в случае его использования. Вместе с тем использование произведения допускается по общему правилу в случае приобретения исключительных прав на него.

Очередное отличие мы наблюдаем в субъектном составе данных договорных конструкций. Так, договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор могут заключаться не только автором отчуждаемого (передаваемого) произведения. На практике распространены ситуации, когда правообладатель и автор произведения не совпадают в одном лице, например, в случае

¹ См. подробнее: Белецкий Д.А. Существенные условия договора авторского надзора // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2024. № 6. С. 19–25.

изготовления служебного произведения или предшествующего отчуждения исключительного права. Ввиду личного неимущественного характера авторского надзора только лишь автор реализуемого произведения имеет право на заключение договора авторского надзора.

Выявленные нами отличия позволяют прийти к заключению о невозможности использования конструкции лицензионного договора или договора об отчуждении исключительных прав для целей осуществления авторского надзора. В данном аспекте мы не можем не согласиться с О.Г. Ершовым, считающим, что договор авторского надзора «не вписывается в модель договорных отношений, предложенных законодателем в связи с распоряжением исключительным правом»¹.

Е.С. Витовская

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ НУЖДЫ»

Отношения в сфере государственных и муниципальных закупок отличаются сложностью и противоречивостью, имеют длящийся характер и регулируются нормами различных отраслей права. Государственные и муниципальные нужды – категория, имеющая существенное значение для научного осмысления и решения самых разнообразных задач при осуществлении функций и полномочий органов государства и местного самоуправления. С одной стороны, здесь просматривается сочетание публичных и частных интересов. С другой стороны – это неотъемлемая составная часть процесса государственного управления и реализация национальных стратегических интересов.

¹ Ершов О.Г. Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та. 2012. С. 333.

Ключевым нормативным правовым актом, регламентирующим осуществление закупок, является Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Чем более четко, однозначно сформулирован текст закона, тем более выверенной и взвешенной будет практика применения правовой нормы. Поэтому уместно некоторое замечание.

Новый закон стал во всех отношениях большим шагом вперед. Не касаясь анализа включенных в него положений, подчеркнем лишь то, что он не содержит термина «государственные (муниципальные) нужды». Данное обстоятельство приводит к мысли об ущербности закона в правовом отношении.

В ныне утратившем юридическую силу Федеральном законе «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 № 94-ФЗ была дана принципиально иная установка, определяющая важность категории «государственные (муниципальные) нужды». Обратим внимание на ее конструкцию: краткий исчерпывающий перечень тех субъектов, которые включены в эти отношения (государственные органы, муниципальные образования, государственные заказчики, муниципальные заказчики); содержание нужды (потребность в товарах, работах, услугах); конкретная цель (реализация функций и полномочий). Очевидно, что в основу такой конструкции положены не только содержательные, но и формально-юридические признаки таких нужд. Во-первых, потребность, необходимость в чем-то, недостаток в необходимом, общественная необходимость, общественный интерес должны рассматриваться как некая целостность и единство. Общая природа этих терминов позволяет говорить о нужде. Во-вторых, когда речь идет о финансировании таких нужд, становится самоочевидным, что нужды обеспечиваются за счёт средств бюджета или внебюджетных источников финансирования. В-третьих, осуществление закупок – деятельность, которую осуществляют государственные (муниципальные) заказчики. В-четвертых, субъекты взаимодействуют на основе четко сформулированных в законе норм. В-пятых, в правовых нормах обозначены обязательные способы размещения заказов и исключительная договорная модель – государственный (муниципальный) контракт.

На наш взгляд, под государственными (муниципальными) нуждами имеются в виду множество самых разнообразных потребностей, удовлетворение которых фактически дает возможность органам государственной власти и местного самоуправления реализовывать возложенные на них функции и задачи.

В дальнейшем целесообразно было бы дополнить Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ понятием «государственные и муниципальные нужды», указав в нем, что это обеспечит достижение целей заключения государственного (муниципального) контракта как средства самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных (муниципальных) нужд и определенность регулируемых отношений.

Н.А. Высоцкая

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА В СПОРАХ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

За последние семь лет ежегодно увеличивается количество судебных споров, связанных с воспитанием детей. Согласно данным статистики, ежегодный прирост составляет порядка 1 500 дел в год¹. Родители занимают активную позицию в защите своих прав и прав несовершеннолетнего. Ребенок в указанной категории споров становится «заложником» конфликта взрослых, свидетелем и участником выяснения отношений между родителями, родителями и другими близкими родственниками. В 2024 г. в Госдуму внесли проект закона, предлагающий введение обязательных консультаций у семейного психолога перед разводом для семейных пар, имеющих несо-

¹ Судебная статистика РФ. Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел. URL: <https://stat.api-прссс.рф/stats/gr/t/22/s/0>

вершеннолетних детей, или в случае, если один из супругов не согласен на расторжение брака¹. Считаем актуальным рассмотреть вопрос об обязательном участии психолога во всех категориях судебных споров, связанных с воспитанием детей. Должность психолога в общеобразовательной школе была введена в 1989 г. Более 30 лет идет интенсивное развитие и изучение теоретического и практического аспектов подготовки психологов. На сегодняшний день обсуждается проблема принятия закона о регулировании психологической деятельности в Российской Федерации². Назрела необходимость актуализации проблемы определения спектра педагогических работников, обладающих достаточными компетенциями для участия в судопроизводстве и, в частности, в разрешении гражданских споров, затрагивающих права несовершеннолетних. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», к спорам, связанным с воспитанием детей, относятся: «споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ); о лишении родительских прав (п. 1 ст. 70 СК РФ); об ограничении родительских прав (п. 1 ст. 73 СК РФ) и другие»³. Согласно ст. 179 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), педагогический работник вызывается в суд для участия в проведении допроса свидетелей, не достигших 14 лет, а по усмотрению суда и свидетелей, не достигших 16 лет. Помимо этого, при необходимости на допрос несовершеннолетнего свидетеля вызываются родители или иные его законные представители. Данные лица имеют право задавать вопросы свидетелю только с разрешения пред-

¹ Герасименко Т.С., Лаврова М.Н. и др. Консультация психолога при разводе: мнение специалистов о законопроекте. URL: <https://psy.su/feed/12730/>

² Законопроект № 846497-8 «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/846497-8>

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8220/>

седательствующего, а также раскрывать содержание показаний свидетеля, высказывать и давать характеристику личности свидетеля. Педагогическим работником является физическое лицо, организующее образовательную и воспитательную деятельность в образовательной организации, на основании трудовых или служебных отношений с этой организацией. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 225 «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций» (с изменениями от 11 июля 2024 г.) определяет достаточно широкий перечень педагогических работников¹ (далее – Постановление). Согласно квалификационным требованиям, должностным инструкциям, программам подготовки в системе вузовского образования по указанным в Постановлении должностям педагогических работников не проводится их подготовка к участию в судебном процессе, не включено в программу подготовки изучение судебной психологии. Полагаем, такой широкий спектр педагогических работников необходимо скорректировать и уточнить норму процессуального права ст. 179 ГПК РФ, а именно в части того, какие педагогические работники могут участвовать при опросе детей от 10 до 16 лет в рамках судебного заседания ввиду следующих оснований – не все педагогические работники имеют знания, умения, навыки, сформированные компетенции в области детской и возрастной психологии, и непосредственно осуществляют трудовую педагогическую деятельность с детьми; не все педагогические работники обладают компетенцией в области психологической диагностики в отношении несовершеннолетних и могут объективно оценить психологическое состояние ребенка при его участии в судебном процессе, своевременно дать пояснения по психологическому состоянию ребенка участникам процесса, в том числе и суду. Таким образом, на наш взгляд, педагогическим работником,

¹ Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 г. № 225 «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/403566568/>

обладающим достаточными знаниями, умениями и навыками, сформированными компетенциями, является педагог-психолог. Участие психолога в судебном процессе при рассмотрении гражданских дел, связанных с воспитанием детей, с одной стороны, позволит создать условия для оказания помощи суду при проведении опроса ребенка, определения спектра вопросов в области психологических знаний при назначении судебной психологической экспертизы, разъяснении суду содержания документов (заключений школьных психологов, внесудебных заключений психологов и т.д.), с другой – позволит обеспечить условия защиты прав несовершеннолетнего, психологического комфорта участия ребенка в судебном процессе, оценки психоэмоционального состояния ребенка, установления фактов, не требующих проведения диагностического психологического исследования. Это позволит повысить качественные показатели реализации конституционной нормы по защите детства и семьи на уровне государства, создать условия для сохранения семьи.

В.А. Гончарова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УЧЕНИЯ О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГАХ

Анализ практики Верховного Суда РФ по делам, связанным с защитой нематериальных благ, свидетельствует о значительных проблемах в правовой регламентации данных объектов гражданских прав. Дело в том, что ст. 151 Гражданского кодекса РФ, определяя основание для компенсации морального вреда, указывает на то, что таковым является *нарушение личных неимущественных прав гражданина или посягательство на принадлежащие ему нематериальные блага*. В то же время ни законодательство, ни практика его применения не дают ответов на вопросы о том, что представляют собой личное неимущественное право, нематериальное благо, как соотносятся указанные понятия, чем ограничен перечень нематериальных благ и личных прав, посягательство на которые дает основания требовать указанной компенсации.

Исторический опыт развития отечественного гражданского права свидетельствует о различных подходах ученых и законодателя к осмыслению феномена охраноспособных личных благ и прав. Так, в дореволюционных кодификациях, впервые осмысленных в доктрине¹, законодатель допускал защиту чести и достоинства, иных, не ограниченных никакими критериями нематериальных *благ* за счет применения инструмента, близкого современной компенсации морального вреда (ст. 644, 667 Свода законов Российской империи), а также жизни, здоровья, свободы передвижения – за счет требований о возмещении убытков (ст. 657, 658, 660–666).

По иному пути пошла советская цивилистика, в рамках которой учение о нематериальных благах в развитие законодательства того времени стало частью учения о предмете гражданского права. Одной из первых работ, посвященных осмыслению феномена личных неимущественных отношений как правовой формы существования нематериальных благ, стала докторская диссертация Е.А. Флейшиц, в которой автором отстаивалось существование единого личного *права* на индивидуальность, защищать которое должен гражданский закон². На схожих позициях стояли С.Н. Братусь³, Ю.Х. Калмыков⁴, Н.С. Малеин⁵. Критически высказывался о подобных правах В.А. Тархов⁶, взгляды которого позже были поддержаны М.Л. Нохриной⁷.

¹ Об этом см., например: Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: Городец, 2005. 62 с.

² Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. М. : Статут, 2015. 512 с.

³ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963. 196 с.

⁴ Калмыков Ю.Х. Гражданско-правовое положение личности в условиях развитого социализма // Цивилистические проблемы правового статуса личности в социалистическом обществе. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. С. 3–6.

⁵ Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М. : Наука, 1985. 165 с.

⁶ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву // ред. Л.Л. Прозоровская. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 454 с.

⁷ Нохрина М.Л. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 372 с.

В истории новой России нематериальные блага и личные права нашли свое осмысление в работах Л.О. Красавчиковой¹ и М.Н. Малеиной², с опорой на актуальное им законодательство развивавших позиции советских авторов и отстаивавших идею неограниченности перечня личных *прав и благ*, принадлежащих гражданину, в также А.М. Эрделевского, фундаментально осмыслившего положения о защите этих прав компенсацией морального вреда³.

Анализ же литературы 12 последних лет, прошедших с момента реформирования положений о нематериальных благах, свидетельствует об отсутствии базовых исследований, посвященных современному осмыслению нематериальных благ и личных неимущественных правоотношений. Большинство диссертационных⁴ и монографических⁵ работ направлены на исследование структуры личных неимущественных правоотношений в русле советских традиций, проблем применения компенсации морального вреда.

В этой связи есть основания заключить, что в рамках российского права не сложилось оформленного учения о нематериальных благах. Отсутствие преемственности в правовом регулировании, традициях и методике доктринальных исследований, ставшее итогом постоянной смены исторического контекста, вылилось в отсутствие единого и четкого, сформированного и апробированного временем понятий-

¹ Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными, прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 44 с.

² Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М. : МЗ Пресс, 2000. 242 с.

³ Эрделевский А.М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 348 с.

⁴ Об этом см., например: Дюбко Е.Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.; Вешкурцева З.В. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 24 с.

⁵ Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. М. : Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 214 с.

ного аппарата, общих подходов к перечню и понятию нематериальных благ, их соотношению с личными правами. Фактически обозначенные ранее вопросы так и остаются не разрешенными, что негативно сказывается на защите прав субъектов гражданского права и не вносит определенности и предсказуемости в правоприменение.

Изложенное актуализирует потребность в проведении соответствующих времени исследований положений о нематериальных благах с целью пересборки законодательства и упорядочивания судебной практики. Перспективными направлениями для анализа видятся определение оснований защиты нематериальных благ; выработка единого подхода к соотношению понятий «благо», «право», «интерес», «свобода»; определение исчерпывающего перечня благ, посягательство на которые обуславливает возможность гражданско-правовой защиты, а также оснований построения этого перечня; формирование обновленного представления о структуре и особенностях личного неимущественного отношения. Важным представляется и переоценка роли компенсации морального вреда, а также личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, в предмете гражданского права.

Е.А. Дорожинская

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ СДЕЛОК В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Несмотря на то, что российское законодательство, регулирующее экстраординарные сделки, постоянно уточняется и развивается, этот процесс до сих пор не привел к оптимальному правовому регулированию. Причин тому можно выделить две. Первая причина: «разбросанность» по нескольким нормативным актам норм относительно признаков выявления и механизма согласования и совершения таких сделок. Проблема состоит не столько в приемах либо дефектах юридической техники, сколько в разных временных периодах закрепления в нормативных актах соответствующих норм, осуществленного без учета сформированной практики. Вторая причина: у хозяйственных обществ имеется возможность закрепления в своих уставах и внутренних регламентах недостающих правил совершения корпоративных процедур и т.д. Но стоит учесть, что при создании общества

как на основе типового устава, так и при составлении устава осознанной волей учредителей остается риск упущения некоторых нюансов, которые могут породить проблемы при непосредственном совершении экстраординарных сделок.

Далее рассмотрим примеры некоторых подобных коллизий, выявленных в результате анализа норм законодательства.

Согласно пп. 2 п. 2 ст. 81 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО), положения главы XI о сделках с заинтересованностью не применяются к обществам, в которых 100% голосующих акций принадлежит одному лицу, являющемуся одновременно единственным лицом, обладающим полномочиями единоличного исполнительного органа общества. Возникает вопрос: применимо ли это исключение также к ситуации, когда есть подобный единственный акционер, который является генеральным директором, но в обществе, согласно ст. 53 ГК РФ, определен также и второй единоличный исполнительный орган, при этом они действуют совместно. Несмотря на редкость подобных ситуаций на практике, в данном случае можно обнаружить явную недоработку законодателя. Воля директора-«неакционера» не имеет смысла без воли директора-акционера, следовательно, одобрение сделки с заинтересованностью не имеет никакого значения.

Несмотря на подход Постановления Президиума ВАС РФ от 12.04.2011 № 15749/10 по делу № А73-225/2009, до сих пор существует неопределенность в отношении выявления признаков взаимосвязанных сделок с заинтересованностью, поскольку суд «технически» может выявить наличие заинтересованности, только если во всех сделках эти взаимосвязи прослеживаются. Кроме того, подход судов активно меняется и в отношении определения критериев крупной сделки. В августе 2024 г. Верховный Суд РФ «корректированно» высказался по данному вопросу, указав, что приоритет имеет качественный критерий, поэтому сделка стоимостью менее 25% активов общества также может быть крупной и требовать одобрения¹.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС24-8216 по делу № А41-62370/2021.

Имеются расхождения в подходах к регулированию сроков исполнения обязанностей лиц при наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованными в совершении обществом сделок. Пункт 2 ст. 82 Закона об АО предусматривает, что в случае изменения данных сведений эти лица обязаны уведомить общество в течение 14 дней со дня, когда они узнали или должны были узнать о таких изменениях. Но данное требование избирательно, потому что оно формально не распространяется на участников обществ с ограниченной ответственностью. Такое различие в подходах к регулированию не имеет под собой оснований, поэтому такое условие о сроках стоит внести и в Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Закон об ООО).

Вызывает сомнения целесообразность нормы п. 1.1 ст. 81 Закона об АО по поводу обязанности общества извещать о сделках с заинтересованностью акционеров общества только в случае закрепления этой обязанности в уставе. Акционеры являются основными субъектами, заинтересованными в контроле за совершаемыми обществом сделками, но априори не имеют гарантированного информирования. Но, возможно, причиной такого подхода является конфликт между необходимостью получения информации и риском раскрытия излишней информации о готовящейся сделке. При регулировании стоит учесть баланс интересов разных субъектов.

Есть проблема в несовпадении перечня лиц, которые вправе отдельным требованием направить требование обществу о согласовании сделки советом директоров или общим собранием. Согласно нормам законов об обществах, это единоличный исполнительный орган, член коллегиального исполнительного органа, член совета директоров, участники/акционеры, обладающие не менее чем 1% долей/голосующих акций общества. Но не все указанные лица по умолчанию извещаются о факте наличия в сделке фактора заинтересованности. Возникает вопрос – откуда они могут о нем узнать? Ответ заложен только в возможности закрепления обязательного информирования об этом факте в уставе общества.

Представляет интерес избирательность законодателя, который установил в законах об обществах обязательность составления и предоставления отчета о заключенных обществом сделках с заинте-

ресованностью при подготовке к проведению годового общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью и публичных акционерных обществ (п. 3 ст. 45 Закона об ООО, п. 1.1 ст. 81 Закона об АО). Возникает вопрос о причине невключения в данный список непубличных акционерных обществ, ведь для аналогичных им непубличных обществ с ограниченной ответственностью правило обязательности предоставления отчета закреплено.

Таким образом, множественность пробелов и коллизий в регулировании процедур подготовки и совершения экстраординарных сделок очевидна и не всегда эти проблемы можно устранить изменением устава корпораций.

В.И. Калашикова

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Началом формирования в России высшего образования традиционно считается XVIII в.¹ Если европейские университеты создавались как результат естественного развития общества², то в России первые университеты и научные учреждения появились в силу прямого указания государства³. Создавались данные учреждения в период регламентации и бюрократизации всех сфер общества, в том

¹ См.: Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование университетского образования в России в XVIII – первой половине XIX века : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 19; Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 286.

² См.: Ящук Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) // Правоприменение. 2017. № 4. С. 15–16.

³ См.: Никифоров С.М. Юридические лица публичного права в России в XVIII–XIX веках : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 67.

числе науки и просвещения, и преподавательская деятельность являлась государственной службой¹. Анализ соответствующего законодательства XVIII в. показал отсутствие правовых форм совместной деятельности. Связано это с государственным характером научно-образовательной деятельности, с немногочисленностью субъектов и их зависимостью от государства.

В XIX в. законодательно закрепились следующие формы взаимодействия²: 1) университеты выпускали учителей и пособия для училищ подконтрольных учебных округов; 2) проводились особые собрания для обсуждения научных работ; 3) складывалось международное сотрудничество путем заграничных научно-учебных поездок и избрания почетных членов из иностранных академий или университетов; 4) появилась возможность членов Академии наук читать лекции в университетах без трудоустройства, что можно рассматривать как определенные задатки современной сетевой формы реализации образовательной программы.

Хотя вышеперечисленное нельзя отнести к гражданско-правовым формам совместной деятельности в силу отсутствия либо общей цели у субъектов, либо равенства или автономии воли, соответствующие правовые нормы впервые урегулировали общественные отношения между субъектами научно-образовательной деятельности. Вместе с тем законодательство XIX в. предусматривало право на создание научных (ученых) обществ. Они создавались при университетах (но не являлись их структурами) по инициативе самих ученых, действовали на основании отдельных уставов и, как правило, стремились создать собственный журнал для публикации научных работ³. По своей правовой природе данные общества являлись некоммерческими корпоративными юридическими лицами, а их создание и участие в них – первой гражданско-правовой формой совместной деятельности в сфере высшего образования и науки.

¹ См.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. С. 11.

² Устав Академии наук от 25 июля 1803 г.; Высочайше утвержденный устав Императорского Московского университета от 5 ноября 1804 г.; Высочайше утвержденный Общий устав Императорских российских университетов от 26 июля 1835 г.; от 18 июня 1863 г.; от 23 августа 1884 г.

³ См.: Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. Организация науки в университетах и научные общества в XIX – начале XX века // Симбирский научный вестник. 2011. № 1 (3). С. 173.

XX в. характеризуется директивным управлением и контролем за деятельностью научно-образовательных организаций, что привело к существенному ограничению их автономии¹. И хотя в данный период присутствовали определенные формы совместной деятельности², но они не определялись гражданско-правовым законодательством.

Например, Положение 1938 г.³ закрепляло обязанность вуза и предприятия заключать договор о проведении производственной практики студентов с указанием сроков и количества студентов, но без предварительного приказа народного комиссара о прикреплении предприятий к вузам для проведения практик заключения данного договора было недостаточно для возникновения соответствующих правоотношений. Кроме того, программы производственных практик утверждались главными управлениями учебных заведений наркоматов, что также подчеркивает административный характер совместной деятельности. Положение 1974 г.⁴ закрепило права вузов выбирать базы практик через подачу заявок в министерство и самостоятельно разрабатывать программы практик и согласовывать их с предприятиями при заключении договора о проведении производственной практики студентов. Так появились зачатки автономии воли вузов и свободы выбора контрагента, характерные для гражданского права.

¹ См.: Берлявский Л.Г. Правовая политика Советского государства в сфере регулирования научной деятельности (1917 – конец 20-х годов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 10–11; Захаров В.В. Основные этапы эволюции правового статуса университета в России (историко-юридический очерк) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). С. 7.

² См.: Витязь П.А. Институциональное развитие международной ассоциации академий наук: от научных советов к международным научно-технологическим консорциумам // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 2. С. 9.

³ Положение о производственной практике студентов высших учебных заведений Союза ССР (утв. Постановлением СНК СССР от 26 марта 1938 г. № 393).

⁴ Положение о производственной практике студентов высших учебных заведений СССР (утв. приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 18 июля 1974 г. № 600).

С конца 1980-х гг. научно-образовательные организации приобрели самостоятельность и автономность¹, и с того момента выросло количество закрепленных гражданско-правовых форм совместной деятельности: создание научно-образовательных объединений, заключение договоров о совместной деятельности, заключение прямых договоров с иностранными субъектами, сетевая форма реализации образовательной программы и т.д.

Итак, появление и развитие правовых форм совместной деятельности в сфере высшего образования и науки происходило постепенно, и именно современный период характеризуется как появлением разнообразных форм, так и гражданско-правовым опосредованием соответствующих отношений.

А.Ю. Копылов

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕВОЗЧИКА ЗА ПРОСРОЧКУ ДОСТАВКИ ГРУЗА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Действующие транспортные уставы и кодексы, за исключением Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации² (далее КТМ РФ), закрепляют однотипные меры ответственности в виде неустоек.

Нетрудно заметить, что нормы п. 11 ст. 34 Устава автомобильного транспорта и городского транспорта Российской Федерации (далее – УАТ и ГЭТ РФ)³, ст. 97 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации (далее – УЖДТ РФ)⁴, п. 1 ст. 116 Кодекса внутреннего

¹ О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 30 сентября 1987 г. № 1102.

² Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

³ Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

⁴ Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ РФ)¹ и ст. 120 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ)² характеризуются концептуальным единством.

В них закрепляется основная мера имущественной ответственности перевозчика в виде уплаты законной неустойки за каждый день просрочки исполнения соответствующей обязанности перевозчика и лишь по ст. 120 ВК РФ, учитывая специфику вида транспорта, за каждый час просрочки. Каждая из этих неустоек по способу начисления соответствующей денежной суммы представляет собой пеню.

Собственно сам термин «пеня» прямо закреплен в ст. 97 УЖТ РФ и п. 1 ст. 116 КВВТ РФ, но вот уже в п. 11 ст. 34 УАТ и ГЭТ РФ, а также в ст. 120 ВК РФ закреплен термин «штраф». Следует заметить, что штраф, в отличие от пени, взыскивается одновременно за «разовое» нарушение.

Это различие между пеней и штрафом является доктринальным положением в цивилистике³ и единой позицией, выработанной судебной практикой⁴. Поэтому использование в тексте п. 1 ст. 34 УАТ и ГЭТ РФ термина «штраф» в отношении неустойки, сумма которой исчисляется повременно, нарастающим итогом, является явной ошибкой разработчиков данного транспортного закона.

¹ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

³ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001. Кн. 1. С. 660–661 (автор раздела В.В. Витрянский); Бевзенко Р.С. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Архипова, В.В. Байбак, С.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 96–97.

⁴ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (п. 60) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Как уже сообщалось ранее, концептуальное единство вышеуказанных норм транспортных законов, закрепляющих одну и ту же меру имущественной ответственности, не исключает различие в отдельных деталях. Такое различие заключается прежде всего в ставке процента по отношению к сумме провозной платы и в законном ограничении суммы взыскания.

Основной же проблемой на сегодняшний день является трактовка правовой природы этих неустоек с точки зрения соотношения их с такой санкцией, как возмещение убытков.

Единство по данному вопросу отсутствует как в науке, так и в судебной практике. По традиции, заданной еще советской цивилистикой¹, значительное число исследователей в сфере транспортных обязательств утверждают, что данные неустойки относительно такой санкции, как возмещение убытков, носят исключительный характер². При этом должной аргументации своей позиции они не представляют. Другая группа исследователей, напротив, высказывает мнение о том, что данная неустойка не исключает предъявление получателем (отправителем) требования о возмещении убытков, причиненных просрочкой доставки груза³.

¹ См.: Смирнов В.Т. Права и обязанности участников договора грузовой перевозки. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1969. 110 с.; Изволенский В.Н. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. М. : Трансжелдориздат, 1951. 215 с.; Быков А.Г., Половинчик Д.И., Савичев Г.П. Комментарий к Уставам автомобильного транспорта союзных республик. М. : Юридическая литература, 1987. 232 с.

² См.: Егизаров В.А. Транспортное право : учебник. 9-е изд., доп. и перераб. М. : Юстицинформ, 2018. С. 330; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М. : Статут, 2003. Кн. 4. С. 254; Гречуха В.Н. Транспортное право: Правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта. М. : Юстиция, 2016. С. 145.

³ Абова Т.Е., Годовиков А.А., Егизаров В.А. и др. Комментарий к Транспортному уставу железных дорог Российской Федерации (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, В.Б. Ляндреса. М. : КОНТРАКТ, 1998. С. 200; Баукин В.Г. Ответственность железнодорожного перевозчика за ненадлежащее исполнение обязательства грузовой перевозки // Транспортное право. 2004. № 4. С. 24; Боровик И. Ответственность перевозчика за нарушение обязательств железнодорожной перевозки грузов // Транспортное право. 2007. № 1. С. 23; Штыков В.П.

Что касается судебной практики, то здесь наблюдаются положительные тенденции. В частности, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, неустойка, предусмотренная п. 11 ст. 34 УАТ и ГЭТ РФ, не является исключительной¹.

По общему правилу соотношения этих двух санкций, закрепленному в п. 1 ст. 394 ГК РФ, любая неустойка является зачетной, если иное не установлено законом или договором. Следовательно, все неустойки, установленные транспортными законами, являются именно зачетными.

А.Ю. Копылов

ТВОРЧЕСТВО В АВТОРСКОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В науке гражданского права тезис о творческом характере деятельности автора как условия охраноспособности произведения приобрел характер непререкаемой догмы². При этом действующее гражданское законодательство не содержит легального определения творческой деятельности, даже упоминания о нем отсутствуют в отличие от ранее действовавшего советского гражданского законодательства³.

Гражданско-правовая ответственность перевозчика по договору перевозки : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 88–89.

¹ О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 (п. 24) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² См.: Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М., 1957. С. 80; Иоффе О.С. Основы авторского права: Авторское, изобретательское право, право на открытие : учеб. пособие. М., 1969. С. 21; Он же. Советское гражданское право : (курс лекций). Л., 1965. Ч. 3: Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности; Семейное право; Наследственное право. С. 10.

³ См. ст. 475 ГК РСФСР 10964 // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; п. 1 ст. 134 ОГЗ СССР // Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // Ведомости СНД и ВС СССР. 26.06.1991. № 26. Ст. 733.

Из содержания норм п. 1 ст. 1228, п. 1 ст. 1257, п. 1 ст. 1258 ГК РФ прямо следует, что произведение как объект авторских прав создается творческим трудом гражданина или совместным творческим трудом нескольких граждан. При этом гражданское законодательство не раскрывает содержания понятий «творчество», «творческая деятельность» и «творческий труд».

Само творчество является многоаспектным понятием, суть которого раскрывается в рамках соответствующего контекста. Философы и психологи обычно трактуют творчество в русле эвристических исследований, суть которых сводится к установлению способности человека как субъекта действия к созидательному труду с той или иной степенью осмысления¹.

Что касается категорий «творческая деятельность» и «творческий труд», то относительно их соотношения в науке нет единства мнений. Одни исследователи отождествляют их², другие разделяют³, не поясняя, впрочем, с чем связано такое деление. Следует согласиться с первым подходом, поскольку любая продуктивная деятельность связана с приложением определенных усилий, как физических, так

¹ См.: Кант И. Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 5. М. : Мысль, 1966. С. 333; Гегель ГВФ. Эстетика : в 4 т. : [Перевод]. Т. 1. М. : Искусство, 1968–1973, 1968. XVI, 192 с.; Ярошевский М.Г. Психология творчества и творчество в психологии // Вопросы психологии : издается с 1955 года. 1985. № 6. Ноябрь–декабрь 1985. С. 14–18.

² См.: Красавчиков О.А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 4. С. 14–23; Осипян Б.А. Правовая охрана и защита интеллектуальных прав в российском гражданском праве // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 16–25; Шахназаров Б.А. Особенности выявления и определения объектов авторских прав в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 92–100.

³ См.: Артемова А.Н. Авторское право в эпоху нейросетей // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 47–53; Штенников В.Н. Понятия «творческий» и «творческий труд» в ГК РФ // Биржа интеллектуальной собственности. 2010. Т. IX, № 2. С. 15–18; Григорова Я.В. Творческий труд в постиндустриальном обществе: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2016. 135 с.; Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2009. 448 с.

и интеллектуальных. В этой связи мы и выделяем «интеллектуальный, умственный труд».

Поскольку творчество как свойство человеческой личности имманентно природе человека, любой автор стремится создавать интеллектуальные продукты, отличные от результатов, полученных другими авторами, независимо от сферы творческой деятельности. Участвуя в своеобразной «творческой конкуренции», авторы повышают свой «творческий рейтинг»: ученые – среди представителей научных сообществ, а художники, писатели и прочие деятели искусства – в глазах публики. В связи с этим в любом творчестве можно выделить три уровня: низкий, средний и высокий.

Низкий уровень творчества характерен для произведений, при создании которых задействуются стандартные технические средства и приемы. Результатами такой «малотворческой» деятельности являются произведения с незначительным творческим уровнем, которые с точки зрения оригинальности в глазах публики малозначимы. Например, два фотографа с одного ракурса могут запечатлеть один и тот же объект, при этом оба фотоснимка будут признаваться объектами авторских прав. Складывающаяся в последние несколько лет судебная практика идет по пути признания такого явления, как «параллельное творчество»¹, основываясь на субъективном подходе.

Средний уровень творчества проявляется в деятельности, направленной на упорядочивание и систематизацию тех результатов творческой деятельности, которые уже объективированы (ст. 1260 ГК РФ). Такая деятельность связана либо с творческой их переработкой (перевод, экранизация, аранжировка и т.п.), либо с систематизацией в рамках единого объекта (сборники, аннотации, базы данных).

Высокий уровень творчества являет собой умение и способность автора создать и представить в объективной форме интеллектуальный продукт такого качества, что аналогов в научном и культурном

¹ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. (п. 95) // СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

пространстве просто нет (абсолютная степень оригинальности). Если речь идет о сфере научного творчества, то ученый вырабатывает принципиально новую концепцию, облекая ее в соответствующую форму (отчеты о проведенных исследованиях, научные статьи и научные монографии), если же сфера творческой деятельности художественная, то на свет появляется шедевр искусства, неизвестный ранее в культурном пространстве.

Именно этот уровень творчества является следствием «сверходаренности» и способности творца выйти за границы стандартных установок. С точки зрения охраноспособности такие произведения имеют высокую степень защиты от плагиата (в том числе и скрытого), а любое «творческое заимствование» и «творческая переработка» становятся очевидными и подлежащими объективной внешней оценке.

С.В. Кузьмин

КОРПОРАТИВНЫЕ ЗАКУПКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОЛОЖЕНИЯ О ЗАКУПКЕ

С момента своего принятия Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» представлял собой рамочный нормативно-правовой акт с минимальной регламентацией закупочных правоотношений. Главным документом, который призван регулировать закупочную деятельность корпоративных заказчиков, согласно указанному закону, становится положение о закупке. Сам закон достаточно подробно регламентировал лишь правила и сроки размещения информации. Поэтому в какой-то степени Федеральный закон № 223-ФЗ называют «законом о размещении информации». Это мнение подтверждает и Кодекс об административных правонарушениях, согласно которому штраф за несвоевременное размещение или размещение информации стал самым применяемым административным наказанием.

Помимо Федерального закона № 223-ФЗ, вопросами правового регулирования закупочных отношений также занимается Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В отличие от Федерального закона № 223-ФЗ Федеральный закон № 44-ФЗ регламентирует весь цикл закупки с момента появления «мысли» у заказчика о приобретении товара, работы или услуги до момента приемки и оплаты, а также контроля по итогам исполнения обязательств. С другой стороны, Федеральный закон № 223-ФЗ не содержит требований ни к участникам закупки, ни к критериям оценки заявок, ни к основаниям проведения закупки у единственного поставщика. Все эти принципиальные моменты Законом № 223-ФЗ не урегулированы и отданы на регламентацию в положение о закупках конкретного заказчика.

Согласно закону № 223-ФЗ, положение о закупке является документом, который регламентирует закупочную деятельность заказчика и должен содержать требования к закупке, в том числе порядок определения и обоснования начальной (максимальной) цены договора, порядок подготовки и осуществления закупок способами, указанными в настоящем Федеральном законе, порядок и условия их применения, порядок заключения и исполнения договоров, а также иные связанные с обеспечением закупки положения.

Таким образом, единственной основой для проведения корпоративных закупок является положение о закупке.

Однако совершенно очевидно, что заказчик при формировании положения о закупке не должен применять правила, которые не соответствовали бы требованиям действующего законодательства (Конституции РФ, Гражданского кодекса и самого Закона № 223-ФЗ). Согласно сложившейся судебной практике, положение о закупке не является нормативно-правовым актом и не может изменять правовое регулирование, установленное федеральным законодательством¹. Право заказчиков устанавливать особенности проведе-

¹ Определение ВС РФ от 17.03.2021 по делу № А40-250588/2019.

ния закупочных процедур не освобождает их от необходимости соблюдения законодательства, прав и законных интересов участников как более слабой стороны в правоотношениях¹.

Указанный выше тезис работает только в «идеальных условиях», однако на практике нередко бывают случаи, когда положение о закупке вступает в противоречие с закупочным законодательством. Случайно это было сделано заказчиком или умышленно с целью обойти положение закона, суть проблемы от этого не меняется. А проблема заключается в следующем: на основании чего должна быть разработана документация о закупке?

Для ответа на этот вопрос следует помнить, что в закупках существует следующая последовательность действий: сначала норма закона, затем положение о закупке, после документация о закупке.

Таким образом, документация о закупке всегда разрабатывается на основании положения о закупке, даже если такое положение противоречит требованиям действующего законодательства. Такой процесс будет происходить до тех пор, пока заказчик самостоятельно не приведет положение о закупке к требованиям закона или его не обяжут это сделать предписанием контролирующие органы.

Согласно ч. 6, ст. 3 Закона № 223-ФЗ, заказчик определяет требования к участникам закупки в документации о конкурентной закупке в соответствии с положением о закупке.

В случае выявления каких-либо нарушений при проведении закупки, которые касаются того, что обжалуемые положения документации о закупке не соответствуют закону, но соответствуют положению о закупке, контрольный орган должен признавать такую жалобу необоснованной, поскольку документация не противоречит положению, а заказчику выдавать предписание о приведении текста положения о закупке к требованиям действующего законодательства.

В этой связи заказчику следуют более внимательно подходить к актуализации своего положения о закупках в соответствии с постоянным изменением закупочного законодательства. Грамотная ра-

¹ Постановление АС Московского округа от 30.09.2021 по делу А40-222844/20.

бота с формированием положения о закупке позволит заказчику избежать многих проблем при организации и проведении закупочной деятельности.

И.Д. Кузьмина

КАТЕГОРИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ВЕЩНОМ ПРАВЕ

Сформулированное ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в ст. 1 ГК РФ требование, обращенное к участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, было направлено на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, в том числе и в сфере вещных прав. При таком понимании требование добросовестности становится еще одним, наряду с законом, объективным, внешним критерием оценки поведения лица с точки зрения нравственного подхода как ожидаемого от любого участника гражданского оборота, правильного, правомерного, соответствующего нравственным началам.

Однако в отличие от правового регулирования большинства других видов гражданских отношений в сфере вещного права к моменту законодательного закрепления требования добросовестности уже сформировалось легально, доктринально и эмпирически совершенно иное понимание этой категории, а именно: в ее субъективном значении как «субъективной добросовестности», которая, по выражению Л.И. Петражицкого, не включает в себе «никакого нравственного ключа», «никаких нравственных элементов»¹, т.е. не выполняет роль объективного критерия характеристики поведения лица, а становится субъективным критерием, служит средством

¹ Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М. : Статут, 2002. 426 с. // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф.

оценки субъективного состояния лица, которое определяется его знанием или незнанием фактов, указанных в законе. Именно такое понимание добросовестности легально заявлено для сферы виндикационного иска, а также для возникновения права собственности путем добросовестного приобретения имущества от неуполномоченного отчуждателя. В указанных случаях добросовестность приобретателя понимается следующим образом: он не знал и не мог знать, что приобрел имущество от лица, которое не имело права его отчуждать. В судебной практике категория добросовестности для таких случаев истолковывается как проявление необходимой заботливости и осмотрительности. Такое поведение предполагает ознакомление приобретателя со всеми правоустанавливающими документами; выяснение оснований возникновения у продавца права собственности; обращение к Единому государственному реестру прав на недвижимое имущество и сделок для установления наличия записи о праве собственности отчуждателя имущества; осмотр недвижимости перед заключением сделки и т.д. (Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014; Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС-3996(6)). Добросовестность приобретателя в сочетании с прочими указанными в законе обстоятельствами является условием отказа собственнику имущества в защите и возникновения права собственности добросовестного приобретателя.

Аналогичным образом понималась добросовестность и как условие приобретения права собственности по давности владения. Несмотря на отсутствие легального определения понятия добросовестности владения в ст. 234 ГК РФ, в судебной практике оно воспринималось как субъективное состояние, когда «лицо не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности» (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). Однако в настоящее время в правоприменительной практике наблюдается, по сути, отрицание такого

понимания добросовестности владения. Оно не исключается и при осведомленности давностного владельца о наличии титульного собственника и об отсутствии основания приобретения права собственности (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2019 № 4-КГ19-55, 2-598/2018; Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова»). Значимым становится лишь «отсутствие целенаправленного завладения имуществом помимо воли титульного владельца», завладение чужим имуществом без совершения насильственных действий по отношению к собственнику (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 г. № 78-КГ19-29; Решение АС Красноярского края от 27.02. 2024 по делу № А33-20468/2023; Решение АС Красноярского края от 28.02. 2024 по делу № А33-26340/2023 и др.). Эта новая правовая позиция исключает понимание добросовестности в ее субъективном смысле и не предполагает замену на понимание добросовестности в объективном значении, поскольку завладение очевидно чужим для себя имуществом не может быть оценено как поведение желательное и ожидаемое с точки зрения позитивной морально-нравственной оценки, т.е. как добросовестное в объективном значении. Сложившееся положение дел с использованием категории добросовестности в вещном праве требует уточнения понимания добросовестности для этой сферы правового регулирования с позиции обеспечения справедливого баланса интересов, согласования фактического и правового положения и возвращения вещи в гражданский оборот.

А.Р. Сулейменова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК НА ВЕБ-САЙТЕ

При соблюдении определенных условий положения абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ допускают использовать электронные средства для совершения письменных гражданско-правовых сделок. Пункт 2

ст. 434 ГК РФ предусматривает перечень способов, с помощью которых договор в письменной форме может быть заключен: составление одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмен письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Совершение сделок на веб-сайте является одним из способов совершения письменных сделок, предусмотренных п. 2 ст. 434 ГК РФ. Веб-сайт состоит из таких компонентов как компьютерная программа, дизайн, информационное наполнение, текст¹. Особенности функционирования веб-сайта позволяют использовать его для размещения оферты и выражения акцепта: на веб-сайте осуществляется приобретение железнодорожных и авиабилетов, бронирование квартир и отелей, заказ и приобретение товаров в интернет-магазинах, маркетплейсах.

По правилам гражданского законодательства договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной (п. 2 ст. 432 ГК РФ). На веб-сайте оферта может быть представлена в виде информации о товаре или услуге с описанием характеристик товара, его изображения или видео. Для выражения акцепта на веб-сайте от пользователя (покупателя) требуется совершить одно или несколько действий (поставить необходимую галочку на выбранном товаре/услуге, кликнуть мышью на экране по иконке).

Особенность совершения электронных сделок на веб-сайте состоит в том, что от оферента зависит форма выражения акцепта пользователя (формулировка согласия, дизайн его размещения на всплывающем экране пользователя). Пользователь, в свою очередь, не имеет возможности повлиять на то, в каком виде выражается его акцепт. От пользователя требуется либо перейти по вкладкам, либо «покинуть» сайт, не воспользовавшись услугой. Тем самым в рассматриваемых электронных сделках существует риск недобросо-

¹ Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2016. С. 224.

вестной организации процесса совершения сделки со стороны oferента, нарушения общих гражданских принципов взаимодействия сторон: принципа добросовестности, свободы договора.

Предварительное установление согласия oferентами за покупателей в виде галочки на получение товаров или услуг, произвольное добавление в виртуальную корзину покупателя платных дополнительных услуг – нередкие случаи организации процесса заключения электронных сделок oferентами.

Представляется необходимым разработать дополнительные законодательные требования к процессу заключения электронных сделок на основе принципа добросовестности, а также сформировать признаки недобросовестного поведения применительно к заключению электронных сделок на веб-сайте. Перспективы использования принципа добросовестности в свете защиты интересов потребителей отмечаются в работах отечественных цивилистов. Выстраивание правового регулирования защиты интересов потребителей на основе недопущения принятия потребителем экономически необоснованных решений, которое включает в себя в том числе политику исключения недобросовестного психологического воздействия, отмечает в своей работе А.Ю. Зак¹. По замечанию А.А. Волос, в цифровую эпоху критерий добросовестности можно использовать как инструмент толкования намерений сторон на момент заключения договора².

Принцип добросовестности является значимым, позволяет защитить участников гражданских правоотношений³. В то же время бывает проблематично определить добросовестность поведения в том или ином правоотношении. Существует потенциальная вероятность как чрезмерно широкого, так и узкого толкования добросовестности.

¹ Зак А.Ю. Гражданско-правовые проблемы участия потребителей в дистанционных договорах в России и за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20.

² Волос А.А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex Russica. 2023. № 6. С. 134.

³ Плехова Ю.О., Шонгин М.А. Понятие, содержание и реализация принципа добросовестности в гражданском праве // Право и практика. 2023. № 4. С. 63.

Вышеуказанная проблема затрагивает и определение добросовестного поведения в электронных сделках.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23.06.2015, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота¹. Представляется, что определение дополнительных признаков недобросовестности поведения зависит от особенности конкретных общественных отношений.

К недобросовестному поведению оферента в электронных сделках на веб-сайте следует отнести следующие действия: электронный сайт содержит заранее установленное согласие в виде галочки пользователя на покупку/приобретение товара или услуги; электронная корзина покупателя перед оплатой содержит заранее автоматически добавленные дополнительные товары или услуги; электронный сайт перед покупкой товаров и услуг совмещает в одной графе одновременно обязательные и второстепенные условия сделки; неудобный интерфейс электронного сайта, затрудняющего ознакомление с полными условиями соглашения.

П.С. Таскаев

К ВОПРОСУ ОБ УДЕРЖАНИИ НЕУСТОЙКИ ИЗ СУММЫ ОПЛАТЫ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРАКТУ УЧРЕЖДЕНИЯМИ УИС РФ

Несмотря на то, что Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) ежегодно претерпевает значительные

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» № 25 от 23.06.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

изменения, направленные на унификацию и выработку единой практики его применения, некоторые его положения требуют дополнительного разрешения на законодательном уровне.

Так, с 01.01.2022 ч. 14 ст. 34 Закона о контрактной системе была дополнена п. 2, позволившим заказчику включать в контракт условие об удержании суммы неисполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) (далее – ППИ) требований об уплате неустоек (штрафов, пеней), из суммы, подлежащей оплате. Однако единая практика применения указанной нормы не сложилась до настоящего времени в связи с некоторыми пробелами в урегулировании данной процедуры.

В частности, формулировка ч. 14 ст. 34 Закона о контрактной системе предполагает *право* заказчика на включение в контракт условия об удержании суммы неустоек, но буквальное прочтение положений указанной части позволяет сделать вывод о том, что, воспользовавшись предоставленным правом, заказчик становится *обязанным* производить соответствующее удержание. Данной позиции придерживается Минфин России¹.

На наш взгляд, целесообразно изменить формулировку п. 2 ч. 14 ст. 34 Закона о контрактной системе, предоставив заказчику даже в случае включения в контракт соответствующего условия об удержании суммы неустоек из оплаты, право самостоятельно принимать решение о необходимости и целесообразности удержания в каждом конкретном случае.

Отсутствие данного законодательно закрепленного права заказчика на практике может привести к следующей проблеме.

И для удержания, и для списания суммы неустойки, учреждения и органы УИС обязаны начислить ППИ ее сумму и направить соответствующее требование об уплате. При этом может сложиться ситуация, когда срок ответа на претензию и срок уплаты неустоек не истек, а срок оплаты по контракту и возможность осуществить удержание суммы неустоек истекает ранее, чем будет получен ответ от нарушившего условия контракта ППИ.

¹ О списании неустоек (штрафов, пеней) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту в сфере закупок: Письмо Минфина России от 11.03.2024 № 24-06-06/21161 // СПС «КонсультантПлюс».

На законодательном уровне в настоящее время не регламентированы действия заказчика в данной ситуации. Принятие учреждением или органом УИС РФ решения о соответствующем удержании до получения письменного ответа от ППИ практически однозначно приведет к разрешению данного спора в судебном порядке.

Минфин России в настоящее время высказывает позицию о том, что положения Правил списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 (далее – Правила), *не применяются* к контрактам, по которым суммы не исполненных ППИ требований об уплате неустоек были удержаны из суммы, подлежащей оплате¹, обосновывая ее тем, что удержанная из оплаты по контракту сумма неустойки считается уплаченной.

Данная точка зрения представляется спорной ввиду отсутствия законодательного запрета на применение Правил в случае удержания суммы неустойки из оплаты по контракту и отсутствия в Законе о контрактной системе условий о возможности исполнения контракта зачетом встречного однородного требования, предусмотренного ст. 410 ГК РФ.

При этом положения Правил и судебная практика говорят о том, что списание начисленных и неуплаченных сумм неустоек является в настоящее время обязанностью заказчика, а не правом². Следовательно, если ППИ направит в адрес учреждения или органа УИС РФ соответствующие документы о списании суммы неустойки, заказчик будет обязан осуществить ее списание даже при условии произ-

¹ О списании неустоек, начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю) по контракту, предусматривающему удержание из сумм оплаты сумм неисполненных требований по уплате неустоек : Письмо Минфина России от 15.07.2024 № 24-06-09/65733 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.09.2024 № Ф09-4173/24 по делу № А34-3426/2023. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15837341-868e-4e5a-a3fe-cal1e125b7a3a/51613633-2f83-4bf8-8278-9163b70a85eb/A34-3426-2023_20240905_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.02.2025).

веденного удержания из суммы оплаты по контракту. Указанная позиция находит своё подтверждение и в складывающейся судебной практике¹. Возможен и случай, когда после удержания суммы неустойки от ППИ поступит информация о нарушении условий контракта не по его вине в соответствии с ч. 9 ст. 34 Закона о контрактной системе. Заказчик также будет обязан возвратить ППИ удержанную сумму неустойки, но только на основании судебного решения, с возмещением судебных расходов, так как после удержания суммы пени она в полном размере будет перечислена в федеральный бюджет, а не останется на счетах федерального казенного учреждения.

В целях исключения различных подходов к изложенному вопросу полагаем необходимым внести соответствующие изменения либо в ст. 34 Закона о контрактной системе, либо в Правила, закрепив условие о том, что удержание суммы неустойки из оплаты по контракту исключает возможность применения Правил и списания начисленной суммы неустойки и является правом, а не обязанностью заказчика.

Н.Д. Тутов

К ВОПРОСУ О ДОЗВОЛИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. В цивилистике по проблемам принципов, функций и метода гражданского права представлено немало фундаментальных исследований, в том числе и в постсоветский период. Добротной научной основой современных исследований указанных правовых феноменов являются труды ученых советского периода. Их работы по фундаментальным проблемам гражданского права и выводы оказывают

¹ О взыскании неправомерно удержанной суммы неустойки по государственному контракту на поставку корма для собак : Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.05.2019 № 306-ЭС18-23601 по делу № А55-26467/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

не только методологическое, но и, как представляется, мировоззренческое влияние на исследования, проводимые в постсоветский период, в том числе и в настоящее время. В отдельных исследованиях указанных гражданско-правовых феноменов в постсоветский период выдвинуты новые идеи, но в целом вряд ли можно утверждать, что они существенно продвинули и обогатили учение о функциях и методе гражданского права. Таких глубоких научных исследований с учетом нового гражданского законодательства, нового правоприменения, новых общественных отношений и потребностей, возникающих в недрах этих отношений, требующих оценки и ревизии (которая необходима на наш взгляд) данной правовой проблемы, пока, к сожалению, недостаточно.

2. Преобладающей в доктрине является так называемая теория полиэлементной структуры метода гражданско-правового регулирования общественных отношений. То есть метод раскрывается через ряд взаимосвязанных и взаимодействующих структурных элементов (признаков). Число элементов (признаков), их формулировки у различных авторов, как правило, не совпадают: кто выделяет их больше, кто меньше. В их числе некоторые авторы в содержании метода гражданского права указывают дозвоительность наряду с диспозитивностью либо только диспозитивность, либо не включают в содержание метода оба указанных признака.

3. Дозволения – основной способ правового регулирования общественных отношений по действующему гражданскому праву России. Дозвоительность как фундаментальный отраслевой признак является ключевой категорией современного правоведения, основное звено в научно-понятийном аппарате не только цивилистической доктрины, но и в целом в российском правоведении.

Анализ высказанных в литературе мнений о месте дозвоительности в юридическом режиме гражданского права дает основание для вывода, что «это корабль, не имеющий своего правового порта приписки». Дозвоительную направленность гражданско-правового регулирования следует закрепить в п. 1 ст. 1 ГК РФ в качестве ведущего принципа гражданского права, определяющего особенности действия иных принципов, влияющего на метод гражданского права и его содержание, на правоприменение.

4. По мнению В.Ф. Яковлева¹, дозволительная направленность гражданско-правового регулирования выражается прежде всего в первичности управомочивающих норм и не сводится только к праводелению. Она реализуется и через иные признаки метода гражданского права: правовую диспозитивность, инициативу, юридическое равенство, которым обладают субъекты гражданского права.

В связи с этим дозволительная направленность гражданско-правового регулирования общественных отношений является результатом действия не только дозволительно-управомочивающих и диспозитивно-управомочивающих норм, но и действием иных признаков метода гражданского права, принципов и функций гражданского права.

5. Понятие диспозитивной нормы является дискуссионным. Есть узкое и широкое понимание такой нормы. Задачей науки является определение сущности норм и границ действия управомочивающих (диспозитивных) норм и норм дозволительных, обеспечивающих дозволительную направленность гражданско-правового регулирования общественных отношений. Вызывает сомнение объяснение диспозитивной нормы через определение ее целей правового регулирования. Такой прием анализа свидетельствует о том, что норма должна квалифицироваться как дозволительная. Вопрос о соотношении дозволительности и диспозитивности является спорным. Как представляется, диспозитивность следует квалифицировать как определенную грань (сторону, черту) дозволительности. В связи с этим диспозитивную норму следует квалифицировать как разновидность дозволительных.

Немало в ГК РФ норм, устанавливающих запреты, позитивные обязывания, численно таких норм может быть даже больше, чем дозволений, но не это главное, главное в том, какие функции они (способы) выполняют в регулировании общественных отношений (предмета правового регулирования). Основная функция запретов, позитивных обязываний – обеспечить действие дозволений. То есть их функции – служебные, создать условия и обеспечить действие дозволений. Дозволение следует трактовать (толковать) как способ,

¹ Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. М. : МАИК «Наука» / Интерпериодика», 2003. С. 250.

имеющий основное (главное, существенное) значение в процессе правового регулирования. В связи с этим метод гражданского права следует квалифицировать как дозволительный, а не диспозитивный. Диспозитивность является одной из граней (признака) дозволительности. Если в правовом регулировании преобладают дозволительные нормы, правонаделяющие воздействие дозволений на субъектов отношений, то больше оснований квалифицировать метод гражданского права как дозволительный.

К.Е. Толмачева

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ст. 716 И 719 ГК РФ. ПОДХОДЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Договор подряда относится к той разновидности гражданско-правовых договоров, которые могут быть расторгнуты по инициативе заказчика во внесудебном порядке. Законодатель закрепляет за заказчиком несколько оснований для такого отказа.

Первое основание закреплено в ст. 717 ГК РФ, дающей заказчику право в любое время немотивированно отказаться от договора, второе установлено ст. 715, 723 ГК РФ и напрямую связано с виновными действиями подрядчика.

Принципиальное отличие указанных оснований заключается в последствиях такого отказа, а именно праве подрядчика на компенсацию убытков в случае немотивированного отказа и наоборот – праве заказчика требовать возмещения убытков, вызванных вынужденным прекращением договора.

Одному из наиболее спорных вопросов, возникающих на стадии судебного оспаривания подрядчиком отказа заказчика от договора, а именно факту приостановки выполнения работ, обеспечивающему подрядчику право заявления возражений, и посвящена настоящая статья.

На наш взгляд, правовая коллизия указанного вопроса кроется в соотношении ст. 716 и 719 ГК РФ.

Так, в силу п. 1 ст. 716 ГК РФ подрядчик обязан немедленно предупредить заказчика и до получения от него указаний приостановить

работу при обнаружении: непригодности или недоброкачественности предоставленных заказчиком материала, оборудования, технической документации или переданной для переработки (обработки) вещи; возможных неблагоприятных для заказчика последствий выполнения его указаний о способе исполнения работы; иных не зависящих от подрядчика обстоятельств, которые грозят годности или прочности результатов выполняемой работы либо создают невозможность ее завершения в срок.

Подрядчик, не предупредивший заказчика об указанных обстоятельствах либо продолживший работу, не дожидаясь ответа заказчика, не вправе при предъявлении к нему или им к заказчику соответствующих требований ссылаться на указанные обстоятельства (п. 2 ст. 716 ГК РФ).

Таким образом, исходя из буквального толкования указанных норм права, следует, что закон возлагает на подрядчика обязанность предупредить заказчика не о любых обстоятельствах, а только об обстоятельствах определенного рода, а именно тех, которые могут отрицательно повлиять на результат работ и о которых заказчику при этом не известно или может быть не известно.

Неисполнение заказчиком собственных договорных обязательств очевидно не является обстоятельством, о котором заказчику неизвестно или может быть неизвестно, и в предмет регулирования нормы ст. 716 ГК РФ не входит.

Последствия неисполнения заказчиком встречных обязанностей по договору подряда регламентированы ст. 719 ГК РФ.

Исходя из буквального толкования приведенной нормы права, приостановление работ в случае нарушения заказчиком его обязанностей, предусмотренных договором, является правом, но не обязанностью подрядчика и каких-либо негативных последствий для подрядчика, не приостановившего работы (например, в виде утраты права на возражения), нормы указанной статьи, в отличие от ст. 716 ГК РФ, не содержат.

Представляется, что в основе разграничения указанных норм права лежит, в первую очередь, осведомленность заказчика об обстоятельствах, которые могут воспрепятствовать получению нужного для него результата в согласованный срок. В ситуации, когда

заказчик не исполняет свои же договорные обязательства, он не может не осознавать связанные с этим неблагоприятные последствия.

В этой связи возложение на подрядчика неблагоприятных последствий в виде утраты права на возражения, как это предусмотрено ст. 716 ГК РФ, недопустимо.

Проведенный анализ судебной практики позволяет утверждать, что единство применения указанных норм права, в том числе последствий неприостановки подрядчиком работ, не сложилось.

С одной стороны, суды приходят к выводу о том, что к отношениям, урегулированным ст. 719 ГК РФ, нормы ст. 716 ГК РФ об обязанности подрядчика извещать заказчика об обстоятельствах, перечисленных в п. 1 ст. 716 ГК РФ, и приостанавливать выполнение работ не применяются. Поскольку об этих нарушениях и о последствиях таких нарушений заказчику, безусловно, известно¹.

С другой стороны, суды применяют нормы ст. 716, 719 ГК РФ совместно, указывая на обязательность уведомления заказчика о невозможности выполнения работ и их приостановки, даже если речь идет о нарушении заказчиком его встречных договорных обязательств².

¹ См., например: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2023 по делу № А26-9559/2022 // Тринадцатый арбитражный апелляционный суд. URL: [A26-9559-2022_20230912_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf](#) (дата обращения: 15.01.2025); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.03.2023 по делу № А56-62678/2022 // Арбитражный суд Северо-Западного округа. URL: [A56-62678-2022_20230329_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf](#) (дата обращения: 15.01.2025); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 октября 2017 г. по делу № А40-125336/2016 // Арбитражный суд Московского округа. URL: [A40-125336-2016_20171023_Reshenija_i_postanovlenija.pdf](#) (дата обращения: 15.01.2025); Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31 октября 2024 г. по делу № А53-20567/2023 // Арбитражный суд Северо-Кавказского округа. URL: [A53-20567-2023_20241031_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf](#) (дата обращения: 15.01.2025).

² См., например: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.07.2024 по делу № А19-3662/2023 // Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа. URL: [A19-3662-2023_20240716_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf](#) (дата обращения: 15.01.2025); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.07.2023 по делу № А56-23835/2022

Таким образом, на первый взгляд вполне понятные и очевидные положения ст. 716 и 719 ГК РФ на практике толкуются и применяются абсолютно по-разному.

Приведенные примеры противоречивости выводов одних и тех же судебных инстанций свидетельствуют об очевидной необходимости разъяснений Верховным Судом РФ вопроса о соотношении ст. 716 и 719 ГК РФ.

И.А. Тюменцев

САНКЦИОННАЯ ОГОВОРКА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

Экономические санкции как механизм, направленный на создание негативных воздействий для определенного круга лиц (государств в целом и их резидентов в частности) и санкционированный Советом Безопасности ООН, известны правовой доктрине давно. Между тем в настоящий момент наиболее распространено применение иных мер ограничительного характера, которые вводятся государствами и их сообществами в одностороннем порядке. При этом подобные ограничительные меры оказывают существенное влияние не только на международные публично-правовые, но и на частно-правовые отношения, связанные в том числе с исполнением договорных обязательств.

Несмотря на вполне однозначную позицию российского правоприменителя о незаконности односторонних ограничительных мер и необходимости защиты публичного порядка¹, в деловом обороте был выработан самостоятельный механизм преодоления негативных воздействий, вызванных такими мерами.

// Арбитражный суд Северо-Западного округа. URL: A56-23835-2022_20230731_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2018 года № 8-П // Российская газета. 2018. № 39.

Все чаще в гражданско-правовые договоры включаются санкционные оговорки. Учитывая принцип свободы договора, санкционные оговорки в зависимости от намерения сторон могут предусматривать различные правовые последствия на случай возникновения неблагоприятных экономических обстоятельств.

К примеру, сторонами договора может быть согласована санкционная оговорка, предполагающая адаптацию условий договора под изменившиеся экономические обстоятельства, а также закрепляющая правомерность отказа от исполнения договорных обязательств в случае невозможности такой адаптации¹.

Отечественная правоприменительная практика показывает, что ссылки иностранных резидентов на введенные в «домашнем» порядке ограничительные меры нередко признаются необоснованными по причине их противоречия публичному порядку Российской Федерации². Полагаем, использование соответствующих санкционных оговорок при возникновении спора не позволяет сторонам ссылаться на неприменимость ограничительных мер, введенных иностранным государством, к правоотношениям, вытекающим из договора. В таком случае у правоприменителя отсутствует необходимость проверки соответствия этих мер публичному порядку Российской Федерации, поскольку правовые последствия их введения определены не нормой иностранного права, а конкретным условием договора.

Кроме того, на практике распространены случаи, когда при введении односторонних ограничительных мер одна из сторон намерена отказаться от исполнения договора, квалифицируя их в качестве обстоятельств непреодолимой силы, в то время как суды не всегда

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.09.2024 № Ф09-4107/24 по делу № А07-37814/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.09.2024 № 09АП-47074/2024 по делу № А40-137855/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.08.2023 № Ф05-17894/2023 по делу № А40-97631/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

признают их таковыми по различным причинам¹. Между тем санкционная оговорка, предусматривающая возможность отказа от договора, может позволить избежать названной неопределенности.

Отметим, что далеко не всегда при включении в текст договора санкционной оговорки сторонами может преследоваться цель определения условий для изменения обязательств или отказа от их исполнения в силу новых обстоятельств.

Так, сторонами договора может быть согласована антисанкционная оговорка. Поскольку легальные определения санкционной и антисанкционной оговорок отсутствуют, мы полагаем, что данное договорное условие может быть рассмотрено в качестве варианта санкционной оговорки, предусматривающей сохранение прав и обязанностей сторон в неизменном виде в случае возникновения заранее предусмотренных сторонами обстоятельств. Будучи включенной в тот или иной договор, антисанкционная оговорка обеспечивает стабильность правоотношений, не ставя исполнение обязательств в зависимость от введения односторонних ограничительных мер, и позволяет считать его достаточно эффективным для их преодоления, что подтверждается в том числе и правоприменителем². При этом в таком случае стороны фактически лишаются возможности ссылаться на ограничительные меры как обстоятельства непреодолимой силы.

Таким образом, санкционные оговорки различного содержания, включенные в текст гражданско-правового договора, являются действенным способом преодоления неблагоприятных экономических последствий, который позволяет урегулировать отношения сторон после применения односторонних ограничительных мер. Более того,

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.05.2023 г. № Ф03-1539/23 по делу № А51-15300/2022; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 05.11.2023 г. № 04АП-4040/23 по делу № А58-802/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.03.2023 г. № Ф06-1235/23 по делу № А55-20412/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2023 г. № 11АП-18852/23 по делу № А55-13603/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19.12.2023 г. № 03АП-6757/23 по делу № А33-14343/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

учитывая непрекращающуюся тенденцию к применению мер экономического воздействия, на современном этапе развития экономики видится обоснованным все большее распространение в договорах санкционной оговорки наравне с арбитражной оговоркой.

А.В. Хлебников

О ПОРЯДКЕ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ПРИБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

Как разъяснено в абзаце третьем п. 16 совместного постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в силу п. 4 ст. 234 ГК РФ течение срока приобретательной давности в отношении вещей, находящихся у лица, из владения которого они могли быть истребованы в соответствии со ст. 301 и 305 ГК РФ, начинается не ранее истечения срока исковой давности по соответствующим требованиям.

Данное разъяснение касалось редакции п. 4 ст. 234 ГК РФ, действовавшей до 01.01.2020.

Федеральным законом от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ в указанную норму внесены изменения, вступившие в силу 01.01.2020, следствием которых применительно к давностному владению стал учет трехлетнего срока исковой давности в сроке давностного владения². Установлен иной момент начала течения срока приобретательной давности в случае, когда вещь может быть винди-

¹ Далее – Закон № 430-ФЗ.

² Помимо изменений п. 4 ст. 234 ГК РФ, ст. 302 ГК РФ дополнена п. 4, установлены особые правила в части условий удовлетворения виндикационного иска, предъявленного публично-правовым образованием к добросовестному приобретателю, не являющемуся публично-правовым образованием, в отношении жилых помещений.

цирована. Срок начинается с момента, когда добросовестный приобретатель начал открыто владеть вещью. Если вещь является недвижимой и приобретатель зарегистрировал право на нее, срок начинает течь не позднее момента государственной регистрации.

Рассматриваемые изменения, исходя из содержания заключений, входящих в паспорт проекта Федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)», направлены на избежание ситуаций, при которых добросовестный приобретатель жилого помещения лишается принадлежащего на праве собственности жилого помещения, и были обусловлены сложившейся практикой Европейского суда по правам человека¹ и Конституционного Суда РФ².

Под условиями приобретательной давности следует понимать обстоятельства, которые служат основанием приобретения права собственности в силу давности³. К одному из обязательных условий давностного владения относится и его непрерывность, т.е. постоянное пребывание имущества во владении лица⁴ или обязанность владеть имуществом каждый день в течение всего срока⁵. Владение непрерывно, если оно не прекращалось ни на один момент в течение всего срока, чтобы оно было без пробелов⁶.

¹ Далее – ЕСПЧ.

² Постановления ЕСПЧ от 06.12.2011 «Дело «Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации» (жалоба № 7097/10), от 13.09.2016 «Дело «Кириллова (Kirillova) против Российской Федерации» (жалоба № 50775/13); Постановление КС РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца».

³ Воронова Ю.В. Приобретательная давность в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 76.

⁴ Рясенцев В.А. Приобретательная давность // Советская юстиция. 1991. № 10. С. 21.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: научно-практический комментарий / Рубанов А.А. (и др.) ; отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М. : БЕК, 1996. С. 387.

⁶ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права : учебник. М. : Спарк, 1995. С. 189.

Таким образом, приобретательная давность представляет собой совокупность юридических фактов, порождающих определенные права и обязанности, что всегда подразумевает фактические действия давностного владельца в течение определенного давностного срока, которые направлены на возникновение и установление права собственности у владельца с последующим превращением этих фактов в субъективное вещное право на основе судебных актов и регистрационных действий уполномоченных органов (фактический состав).

По смыслу Постановления Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П действию любого нового порядка, в том числе определению начала течения сроков, может быть придана обратная сила лишь в ситуации, когда не происходит ухудшение правового положения субъекта регулируемых отношений и ему обеспечивается возможность защитить в судебном порядке свои нарушенные права и охраняемые законом интересы.

Поскольку отношения по давностному владению имеют длящийся характер, значимым является каждый день срока такого владения. Именно поэтому изменение законодателем позиции давностного владельца в сторону ее улучшения, пусть и не предусмотревшим распространение новой редакции п. 4 ст. 234 ГК РФ на существующие к этому моменту отношения, должно применяться ко всем имеющимся к 01.01.2020 отношениям владения для давности. Это соответствует самой сути давностного владения по обеспечению нормального функционирования оборота имущества.

По приведенным основаниям представляется разумным при исчислении срока приобретательной давности по п. 4 ст. 234 ГК РФ в редакции Федерального закона от 16.12.2019 № 430-ФЗ в отношении владения, возникшего до 01.01.2020, учитывать направленность воли законодателя и исходить из применения положений закона к указанным отношениям в новой редакции, а не исчислять срок давностного владения не ранее истечения срока исковой давности по соответствующим требованиям (т.е. по прежней редакции нормы).

К ВОПРОСУ О СУРРОГАЦИИ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Суррогация (эластичность) рассматривается в отечественной доктрине, учебной литературе и судебной практике прежде всего в контексте вопросов о залоге, обычно именуется эластичностью¹, вещной суброгацией², а в последнее время все чаще стала называться именно суррогацией³.

Вещная суррогация (эластичность) залога определяется современными учеными следующим образом: «в связи с тем, что залог – это право на ценность заложенного имущества, то, как бы ни изменялась внешняя форма, в которой существовала в момент установления залога эта ценность, залог сохраняется до тех пор, пока будет существовать фактический или юридический заменитель этой ценности»⁴.

Можно предположить, что идея суррогации берет свои корни из древнеримского правила: «вещь занимает место цены, а цена – место вещи» (*res succedit in locum pretii et pretium in locum rei*), которое создает суждение о том, что вещь ценна не сама по себе, а в силу заключенной в ней ценности. Данное правило применялось как в случае с вещью, так и с совокупностью вещей разных видов, определяемых в момент его применения⁵.

Суррогация фактически закрепляется в нормах действующего ГК РФ.

¹ Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 32 (СПС «КонсультантПлюс»).

² Репин Р.Р., Госс А.А. Залог движимости и *lex commissoria*: описание действия. По мотивам Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 10 августа 2021 года № 302-ЭС21-4332 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 28.

³ Зикун И.И. Продажа утраченного предмета залога. Часть 2: Реализация утраченного предмета залога // Вестник гражданского права. 2024. № 4. С. 14.

⁴ Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 245 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Азаревич Д.И. Система римского права. СПб., 1887. Т. I. С. 133–134.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 334 ГК РФ, залогодержатель вправе получить преимущественное удовлетворение перед другими кредиторами также за счет страхового возмещения; изъятия (выкупа) для государственных или муниципальных нужд, реквизиции или национализации; доходов от использования заложенного имущества третьими лицами; имущества, причитающегося залогодателю при исполнении третьим лицом обязательства, право требовать исполнения которого является предметом залога.

В соответствии с п. 3 ст. 336 ГК РФ, залогодержатель вправе рассчитывать на полученные в результате использования заложенного имущества плоды, продукцию в случае, если это предусмотрено законом или договором.

Кроме того, в случае замены самого предмета залога, в соответствии с п. 2 ст. 345 ГК РФ кроме указанных в п. 2 ст. 334 ГК РФ суррогатов залогодатель вправе получить преимущественное удовлетворение в случае, если новое имущество, принадлежащее залогодателю, является результатом преобразования (переработки или иного изменения); в случае залога права (требования); в форме иного имущества, в случаях, установленных законом.

В приведенных нормах ГК РФ перечислены суррогаты (заменители) предмета залога. Развитие римского правила «вещь занимает место цены, а цена – место вещи» показывает, в чем именно заключается интерес кредитора – не в самой вещи, а в стоимостном эквивалентном выражении, в том числе и в случае замены вещи как предмета залога.

Одним из ярких примеров проявления идеи вещной суррогации является правило распределения в банкротных спорах средств, полученных в результате реализации единственного жилья, обладающего исполнительским иммунитетом, между кредиторами, в случае, когда такое жилье является предметом ипотеки.

Верховный Суд Российской Федерации в рамках одного из таких споров указал: «поскольку иные кредиторы не имеют права претендовать на стоимость единственного жилья, то в силу принципа эластичности (суррогации) режим исполнительского иммунитета должен быть распространен и на заменившую квартиру ценность – оставшиеся денежные средства, которые следуют судьбе заменен-

ной ими вещи. В результате этого находящиеся в иммунитете средства передаются только тому лицу, на которое иммунитет не распространяется – залоговому кредитору»¹.

Таким образом, суррогация является важным явлением в гражданском праве как праве частном, и его осмысление помогает развитию как научной правовой мысли, так и защите интересов участников гражданского оборота.

Осмысление содержания вещной суррогации как правового явления дает основание для предположения о существовании и обязательственной суррогации как вида суррогации (родового понятия), которая может быть проиллюстрирована на следующем примере: в рамках договора застройщик обязался осуществить строительство жилого дома и передать публичному органу после завершения строительства квартиру без встречной обязанности по оплате. В случае невозможности предъявить требование об исполнении обязательств в натуре публичный орган должен иметь право потребовать исполнения в денежной форме. Согласно классическим представлениям и сложившейся судебной практике, у кредитора есть право обратиться с внедоговорными требованиями о взыскании убытков или неосновательного обогащения. Именно такая позиция изложена в Определении ВС РФ по одному из дел с подобными описанным выше обстоятельствами².

Однако, как мы полагаем, подобно ценности, заложенной в вещи, ценность заложена и в обязательстве. Таким образом, возможность предъявления денежного требования вместо требования об исполнении обязательства в натуре есть еще одно из проявлений такого правового явления, как суррогация, в данном случае – суррогация обязательственная или суррогация обязательств.

¹ Определение СКЭС ВС РФ от 26.06.2023 г. № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение СКЭС ВС РФ от 21.08.2017 г. № 305-ЭС17-1467 по делу № А40-229083/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В научной литературе много внимания уделяют не только характеристике персональных данных, но и праву физического лица на данный объект. Отсутствует единство как в наименовании, так и в понимании его природы. Возможно, его следует именовать «правом на неприкосновенность персональных данных»¹. В содержании права на неприкосновенность персональных данных, как и в содержании других субъективных прав, выделяют правомочия. В доктрине нет единого подхода к тому, из каких правомочий должно состоять субъективное право. Представляется наиболее обоснованной позиция тех авторов, которые выделяют три правомочия в составе субъективного права (В.П. Грибанов, С.Н. Братусь, Б.М. Гонгало и др.), а именно, правомочие на собственные действия, правомочие требовать соответствующего поведения от обязанного лица, правомочие на защиту. Из указанных правомочий состоит и право на неприкосновенность персональных данных.

1. Правомочие субъекта персональных данных на собственные действия проявляется в:

1.1. **Правомочии на удаление (право быть забытым)**: субъект персональных данных (далее – субъект) в случае отзыва своего согласия на обработку может требовать удаления персональных данных, если их обработка больше не нужна для исходных целей (ч. 5 ст. 21 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ² (далее – Закон о персональных данных)), а также требовать их уничтожения, если они являются неполными, устаревшими,

¹ Швец Л.В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 21(4). С. 579–595.

² Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006 г. № 31 (часть I). Ст. 3451.

неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки (ч. 1 ст. 14 Закона о персональных данных).

1.2. **Правамочи на перенос данных:** возможность получения данных, предоставленных субъектом, в структурированном, общепринятом и машиночитаемом формате (ч. 7 ст. 14 Закона о персональных данных) и последующая передача этих данных другому оператору без препятствий со стороны первоначального оператора данных для обеспечения большей защиты.

1.3. **Правамочи на отказ от принятия решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных,** включая профилирование (ст. 16 Закона о персональных данных). Уже существует цифровая платформа для предпринимателей¹, где могут быть использованы персональные данные для предоставления услуг, мер поддержки и сервисов без дополнительной верификации со стороны обладателя и (или) источника таких сведений, что вызывает риск необоснованных решений со стороны органов власти. Поэтому у субъекта должно быть право на отказ от автоматизированного принятия решений, а не только возможность возражать относительно уже принятого решения (п. 3 ст. 16 Закона о персональных данных).

2. Правамочи требовать соответствующего поведения от обязанного лица зависит от характера правоотношений, в которых участвует субъект. Особенностью абсолютных правоотношений в сфере информационной приватности является то, что все противостоящие субъекту неопределенные обязанные лица должны воздерживаться от совершения действий, нарушающих право субъекта, в соответствии с отмеченным ранее интересом. В относительных правоотношениях, где обязанным лицом является конкретный оператор, субъект имеет право требовать соблюдения установленных законодательством или добровольно взятых на себя требований и

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 2371 «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (часть I). Ст. 96.

условий обработки его данных. В случае же, если субъекта не устраивают условия обработки, например при высокой степени риска утечки его данных, то он может реализовать правомочие на удаление или на перенос данных, таким образом прекратив относительные правоотношения. А если условия обработки были не соблюдены оператором данных, то «просыпается» право на защиту.

3. Правомочие на защиту проявляется в использовании общих (ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и специальных способов защиты для восстановления (признания) нарушенных прав и интересов субъекта. Под специальными мерами следует понимать непоименованные в ст. 12 ГК РФ способы защиты, в частности, возможность ограничения обработки данных и прекращения передачи (распространение, предоставление, доступ) данных. Среди общих способов защиты, безусловно, следует выделить компенсацию морального вреда и возмещение убытков. Они прямо установлены в ст. 24 Закона о персональных данных. В Общем регламенте по защите данных Европейского союза (GDPR) даже поименовано самостоятельное субъективное право на компенсацию (статья 82(1) GDPR)¹.

Таким образом, можно выделить 5 правомочий в содержании права на неприкосновенность персональных данных, объединенных в традиционную триаду правомочий – на активные действия, на требования определенного поведения и на защиту. Крайне важно корректно определять содержание исследуемого права для увеличения эффективности частно-правовых мер восстановления нарушенных прав субъектов персональных данных, а также повышения гарантий свободной реализации своих возможностей на активные действия управомоченными субъектами в гражданских правоотношениях.

¹ Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных)» [рус., англ.] // СПС «КонсультантПлюс».

Т.В. Шепель

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЛИКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ

Гражданские кодексы России всегда закрепляли правила не только об общих, но и о специальных условиях возмещения причиненного вреда (специальных деликтах). В *Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.* устанавливались специальные условия ответственности за вред, причиненный: деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих (ст. 404); недееспособным причинителем вреда (ст. 405); действиями должностного лица (ст. 407) и т.д. В *ГК РСФСР 1964 г.* регламентация отдельных деликтов стала более подробной. Был расширен перечень специальных условий ответственности за вред, причиненный: должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 447); в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости (ст. 448); несовершеннолетними (ст. 450 и 451); появились правила о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья (ст. 459–466), и др.

В части второй *действующего ГК РФ* увеличилось количество статей о специальных случаях причинения вреда: о предупреждении причинения вреда (ст. 1065 ГК РФ), об ответственности за вред, причиненный ограниченно дееспособным (ст. 1077 ГК РФ). Нормы о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, были конкретизированы и закреплены в отдельном параграфе. Впервые были предусмотрены условия возложения на неделиктоспособных граждан обязанности по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Появились новые параграфы, не существовавшие ранее: о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг, и о компенсации морального вреда.

При реформировании гражданского законодательства в 2013–2015 гг. подверглись значительному изменению общие нормы обя-

зательственного права и нормы договорного права. Однако деликтное право не подверглось существенному обновлению. Новеллы гл. 59 ГК РФ после введения в действие части второй ГК РФ носят фрагментарный характер. Традиционный перечень специальных деликтов не изменялся долгие годы.

Такое состояние деликтного права не соответствует современному уровню развития общественных отношений. Легально закрепленные специальные деликты не адаптированы к реальным условиям эпохи цифровых технологий, ядром которых является искусственный интеллект. К ключевым цифровым технологиям XXI в. относят беспроводной интернет, Wi-Fi 6 и 5G, беспилотные системы, в том числе автомобили, робототехнику и др. Обладая несомненными достоинствами, они приводят к повышению рисков негативных последствий их использования, в том числе к причинению вреда. Это вызывает потребность исследования проблем правового регулирования не известных ранее общественных отношений. В доктрине активно обсуждается возможность специального правового регулирования при причинении вреда нарушением: а) цифровых прав¹; б) роботами², в том числе беспилотными транспортными средствами³; в) искусственным интеллектом⁴ и т.д.

¹ Василевская Л.Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 2. С. 2–5.

² Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 63–72; Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11. URL: <http://e.korpurist.ru/article.aspx?aid=599113> (дата обращения: 17.10.2024).

³ Ли Ч., Менг С. Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49–56; Федоров Д.В. Безвиновная ответственность за причинение вреда при эксплуатации высокоавтоматизированного и полностью автоматизированного транспортного средства как источника повышенной опасности // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 191–211.

⁴ Гайворонская Я.В., Гальчун Е.А. Вред, причиненный искусственным интеллектом: аспекты ответственности и правосубъектности // ADVANCES IN LAW STUDIES. 2021. Т. 9, № 4; Никитенко С.В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта //

Сложность возмещения вреда, причиненного в таких случаях, заключается в том, что вред в цифровом пространстве чаще проявляется не в наличном вреде жизни, здоровью или имуществу, а в убытках в денежной форме. Такие убытки, если они не являются результатом нарушения сторонами договора, возмещению не подлежат. Предусмотренные гл. 59 ГК РФ отдельные виды деликтов определяют особые условия возмещения только *физического вреда*, причиненного жизни, здоровью или вещам, при котором нарушаются абсолютные гражданские права. Суды, как правило, отказывают в возмещении таких убытков.

Очевидно, что условия их возмещения обладают особенностями, которые находятся за пределами гражданско-правового поля. В такой ситуации вряд ли можно надеяться на достаточность правового инструментария деликтного права. По мнению некоторых авторов, необходимо закрепление в ГК РФ ещё одного специального деликта¹. Поддерживая данную позицию, считаю, что правовое регулирование предлагаемого специального деликта должно отличаться существенными особенностями, направленными на ограничение его применения: 1) основанием возмещения причиненных убытков должно признаваться правонарушение с полным составом; 2) не должен действовать принцип генерального деликта, противоправность поведения третьего лица должна быть доказана истцом; 3) следует согласиться с авторами, которые считают, что ответственность должна строиться только на началах вины с возложением бремени её доказывания на потерпевшего; 4) пределом возмещения убытков должно выступать правило о недопустимости неосновательного обогащения потерпевшего и др.

Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156–174.

¹ Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 34; Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 54.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Е.А. Бабушкина

О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Обращение к судебной практике показывает, что все более важное значение при оценке эффективности правосудия приобретает активная деятельность суда по установлению истины по делу.

В действующей редакции ГПК РФ (ст. 56), в отличие от ранее действовавших советских кодексов 1923 г. (ст. 118) и 1964 г. (ст. 50), а также Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (ст. 18), хотя прямо не устанавливается обязанность суда по сбору доказательств по своей инициативе, но такая деятельность и не запрещается. Так, в отдельных судебных постановлениях¹ констатируется, что положения ст. 327.1 ГПК РФ, устанавливающие пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, не содержат запрета суду истребовать дополнительные доказательства по своей инициативе либо предлагать представить их лицам, участвующим в деле.

Положения о том, что доказательства представляются лицами, участвующими в деле (ст. 57 ГПК РФ), не являются безусловным основанием для отказа суда от активной роли по поиску истины при разрешении спора. При обращении к текстам постановлений Пленума ВС РФ, отдельным судебным актам становится очевидным, что

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2024 № 88-22568/2024.

действия суда должны быть направлены на сбор доказательств по делу для того, чтобы вынести справедливое, т.е. соответствующее истине, решение¹. Примечательно, что хотя в отдельных актах отмечается, что в силу действия принципа состязательности исключается активная роль суда, когда суд по собственной инициативе собирает доказательства², констатируется, что в случае процессуального бездействия стороны в части представления в обоснование своих требований и возражений доказательств, отвечающих требованиям процессуального закона, такая сторона самостоятельно несет неблагоприятные последствия своего пассивного поведения³, во многих иных судебных актах⁴ содержится положение о том, что выявление и собирание доказательств по делу является деятельностью не только лиц, участвующих в деле, но и суда, в обязанность которого входит установление того, какие доказательства могут подтвердить или опровергнуть факты, входящие в предмет доказывания.

При указанных обстоятельствах в случаях, когда по делу для установления истины необходимо использование специальных познаний, судом назначается судебная экспертиза, в том числе и при отсутствии ходатайств сторон по делу. После вынесения 20.07.2023 Конституционным Судом РФ Постановления № 43-П законодателем был подготовлен Федеральный закон от 22.07.2024 № 191-ФЗ, которым ст. 79 ГПК РФ была дополнена нормой о праве суда назначить экспертизу по своей инициативе в случае, если дело не может быть рассмотрено и решение принято на основании других представленных сторонами доказательств. Учитывая изложенные выше подходы к применению принципа истины в судебной практике, данная норма повлекла увеличение количества экспертиз, назначаемых судами по собственной инициативе. Такие экспертизы в соответствии с ч. 2 ст. 96 ГПК РФ назначаются и проводятся за счет средств бюджета.

¹ Например, п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16.

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2022 № 88-8833/2022.

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2023 № 88-7941/2023.

⁴ См., например: Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2015).

Вместе с тем такая ситуация, когда стороны уклоняются от предоставления доказательств для обоснования своей позиции, нередко действуя недобросовестно, а на бюджет безвозвратно ложатся необходимые для правильного разрешения спора расходы, не может признаваться допустимой. Так, к примеру, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ предусмотрена компенсация расходов федерального бюджета, понесенных на оплату труда защитника, предоставляемых подсудимому бесплатно (ст. 132 УПК РФ). Основы подобного механизма можно усмотреть и в сфере гражданского процессуального регулирования¹. Кроме того, в ст. 103 ГПК РФ установлено, что понесенные судом издержки взыскиваются с проигравшей стороны и зачисляются в доход бюджета, за счет средств которого они были возмещены. При установленных обстоятельствах не имеется противоречий с ранее сформированными позициями в судебной практике, включая Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2318-О, Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 03.08.2020 № 45-КГ20-8-К7 и иные аналогичные по содержанию судебные акты, поскольку, как следует из положений ст. 96 ГПК РФ, сначала оплата экспертному учреждению производится за счет средств бюджета, а в последующем уже понесенные бюджетом расходы, в соответствии с положениями ст. 103 ГПК РФ, взыскиваются с проигравшей стороны в доход бюджета.

Таким образом, из изложенного следует вывод, что в случае назначения судом экспертизы по своей инициативе (когда дело не может быть рассмотрено и решение принято на основании других представленных в материалы дела доказательств) при вынесении судом решения должен быть разрешен вопрос о взыскании расходов, понесенных бюджетом на проведение экспертизы, с проигравшей стороны. При этом, с учетом положений ч. 3 ст. 96 ГПК РФ, суд может освободить гражданина, принимая во внимание его имущественное положение, от уплаты таких расходов или уменьшить их размер. Как представляется, доказательства имущественного положения могут быть представлены гражданином, а при их недостаточности либо отсутствии собраны судом самостоятельно. Также при

¹ Например, в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1.

распределении расходов подлежат учету нормы об освобождении отдельных категорий истцов от уплаты судебных расходов (например, работник при обращении в суд с иском по требованиям, вытекающим из трудовых отношений).

Е.П. Войтович

О КРИТЕРИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

Основу международной подсудности в трансграничных семейных спорах в Российской Федерации составляют правила международных договоров и национального законодательства. Первые преимущественно базируются на критериях связи субъектов спорного материального правоотношения с территорией государства-суда, вторые обусловлены связью стороны процессуального отношения с форумом. Каков характер этой связи? Обеспечивает ли она рассмотрение спора в «удобном» суде? Учитывает ли корреляцию с коллизионными предписаниями?

Международная подсудность основывается преимущественно на личной связи стороны с форумом, в отдельных случаях – территориальной. Первая имеет значение лишь в момент возбуждения гражданского дела, что не позволяет передавать дело в суд другой страны на том основании, что иностранный форум является более подходящим для судебного разбирательства; вторая имеет строго ограниченные пределы применения.

Очевидно, что назначение института международной подсудности заключается в обеспечении доступного форума. В то же время строгая обязательность существующих предписаний не позволяет обратиться к «удобному» суду, сконцентрировать различные по своему характеру семейные споры в одной юрисдикции. Следствием такого подхода являются ограниченный доступ к правосудию, повышенные судебные расходы, рассмотрение связанных семейных исков в судах различных государств.

В российском законодательстве нормы о подсудности отделены от коллизионных предписаний, что объясняется их природой и назначением. «...в отечественной литературе подчеркивается, что процессуальные правила о международной подсудности и коллизионные привязки, несмотря на их внешнее сходство, – это различные правовые категории, которые тесно связаны между собой, и существует необходимость их совместного рассмотрения»¹.

Последнее обуславливает выстраивание параллельных решений при определении применимого права и международной подсудности. Успешным примером такой взаимной зависимости уже объявляются бракоразводные процессы², в то время как другие трансграничные семейные споры (о разделе супружеского имущества, осуществлении родительских прав и др.) таких оценок не получили.

Анализ Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам и двусторонних договоров России о правовой помощи свидетельствует о том, что критерии определения подсудности спора и применимого права в большинстве случаев совпадают. Исключение сделано лишь для требований о признании брака недействительным, установлении (оспаривании) отцовства (материнства), международного усыновления.

Национальная модель предлагает схожие решения, которые делают выбор компетентного суда ожидаемым, упрощают защиту стороны, позволяют прогнозировать признание и исполнение судебного акта. Критерии определения суда и применимого материального права коррелируют друг другу. Несовпадение процессуальных и коллизионных решений имеет место лишь при признании брака недействительным, в супружеских и детско-родительских спорах, в том числе о взыскании алиментов, установлении (оспаривании) отцовства (материнства), усыновлении.

¹ Гетьман-Павлова И.В. Процессуальные коллизионные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 94.

² Цит. по: Левина Д.А. *Lex propria in foro proprio*: параллелизация критериев определения применимого права и международной подсудности для договорных обязательств // СПС «Гарант».

Международные и национальные инструменты тем не менее обнаруживают «отставание» критериев подсудности от конфликтных норм, демонстрирующих большую динамику. На практике это приводит к тому, что коллизионные нормы используются для определения применимого права¹.

Очевидно, что в настоящее время существует потребность в расширении критериев международной подсудности. Введение санкционных ограничений еще четче ее обозначило. «Дружественный» форум необходим не только субъектам экономической деятельности², но и членам трансграничных семей³.

Адекватным ответом санкциям могли бы стать правила, предусматривающие разрешение спора в российском суде, при условии, что спорное правоотношение имеет тесную связь с территорией Российской Федерации. Пример такого нормативного решения уже сформулирован в п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, а его толкование позволяет учитывать различные обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела⁴.

Такая модель способна не только противостоять санкциям и иным подобным ограничениям, но и обеспечивать сторонам рассмотрение спора в суде, который они считают для себя оптимальным.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 5-КГ18-325 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 декабря 2023 г. № Ф05-21600/2023 по делу № А40-35862/2023; Решение Арбитражного суда Калужской области от 30 сентября 2024 г. по делу № А23-2768/2024 // СПС «Гарант».

³ Постановление Конституционного Суда от 26.03.2024 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко» // СПС «Гарант».

⁴ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «Гарант».

ПРИЧИНЫ ФИКТИВНОЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН В ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ СТАЦИОНАР

Достаточно детальный механизм порядка рассмотрения административных дел, связанных с недобровольной госпитализацией граждан в психиатрический стационар, регламентированный гл. 30 КАС РФ, не решает проблемы весьма формального подхода к их рассмотрению. Нельзя не учитывать, что по своей правовой природе принудительная госпитализация является разновидностью лишения свободы и международным законодательством¹ приравнивается к заключению под стражу. «Будучи госпитализированным в психиатрический стационар в недобровольном порядке, лицо принудительно отбывает в ограниченном пространстве, изолировано от общества и семьи, не может выполнять свои служебные обязанности и не в состоянии свободно передвигаться и общаться с неограниченным кругом лиц»². Следовательно, качество судебного контроля за действиями психиатрического учреждения и врачей-психиатров в течение всего периода до и после госпитализации лица должно гарантировать таким лицам возможность защитить свои права в независимом органе судебной власти³. Вместе с тем на практике имеются серьезные проблемы с обеспечением реализации права личного участия гражданина в судебном заседании по делу о его недобровольной госпитализации, которое предусмотрено в ч. 4 ст. 277 КАС РФ, в ч. 2 ст. 34 Закона РФ «О психиатрической помощи и га-

¹ В подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод как одно из оснований, которое может быть установлено законом для лишения свободы, значителен законное заключение под стражу душевнобольных.

² Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 544-О-П.

³ Определения Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1806-О, от 29 сентября 2020 г. № 2330-О.

рантиях прав граждан при ее оказании». Информацию о психическом состоянии гражданина и его возможности лично участвовать в судебном заседании суд получает от заинтересованного в исходе дела административного истца (п. 3 ч. 4 ст. 275 КАС РФ). В нарушение принципа состязательности гражданин лишен возможности каким-либо образом оспорить данную позицию¹. Ситуация усугубляется тем, что будучи изолированным от общества гражданин не имеет реальной возможности ознакомиться с материалами дела, собирать и представлять доказательства, выбирать себе представителя, заявлять ходатайства и т.д. Нарушение права на личное участие в рассмотрении дела также проявляется в том, что гражданин часто не извещается надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания; удаляется из зала судебного заседания после формального разъяснения ему прав и обязанностей; лишается возможности давать объяснения, участвовать в исследовании доказательств, судебных прениях. Между тем, исходя из активной роли суда по нормам КАС РФ, суд обязан принять меры к выяснению всех юридически значимых для рассмотрения дела обстоятельств, предусмотренных в ст. 278 КАС РФ, непосредственно удостовериться, что гражданин доступен контакту, оценить его поведение, обеспечить ему реальную возможность быть выслушанным, задать вопросы и оценить способность гражданина отвечать по существу заданных ему вопросов; выявлять и истребовать по собственной инициативе доказательства. Если пациенту психическое состояние не позволяет участвовать в судебном заседании в помещении суда, предусмотрена обязанность суда по проведению выездного судебного заседания в помещении психиатрического стационара. Наличие профессионального мнения врачей-психиатров не должно снимать с суда ответственности за принимаемое решение. Указанное заключение подлежит проверке по общим правилам исследования и оценки доказательств в совокупности с другими, поэтому суд вправе поставить его под сомнение и принять иные меры для установления обстоятельств дела. К сожалению, судьи редко вызывают свидетелей, которые мо-

¹ На что указывал Конституционный Суд РФ в Определении от 05.03.2009 № 544-О-П.

гут подтвердить (или, наоборот, поставить под сомнение) адекватное психическое состояние госпитализируемого (соседи, коллеги, друзья). Крайне редко исследуются судом письменные доказательства, свидетельствующие о том, что гражданин работает, обеспечивает свой быт, ведет общественную деятельность и др.

Важной гарантией защиты интересов административного ответчика по исследуемой категории административных дел является предусмотренная ч. 6 ст. 54 КАС РФ обязанность суда назначить ему адвоката. По задумке законодателя роль такого представителя не должна быть «декоративной»¹, он должен действовать добросовестно и защищать права и интересы доверителя: знакомиться с материалами дела, выявлять действительные обстоятельства дела, встречаться с гражданином, уточнять его позицию по делу, подвергать сомнению немотивированное заявление врачей-психиатров, заявлять ходатайства, в том числе о проведении судебно-психиатрической экспертизы, вызове свидетелей, подавать замечания на протокол судебного заседания, участвовать в прениях, не оставлять разрешение многих вопросов на усмотрение суда, при наличии оснований обжаловать решение суда и др. На практике же формальный подход адвоката к участию в деле зачастую выражается в согласии с госпитализацией своего доверителя, лишении последнего возможности эффективно отстоять свою позицию, что приводит к нарушению его прав. В связи с чем остро стоит вопрос о повышении стандартов участия адвокатов по делам о недобровольной госпитализации в целях повышения качества оказания юридической помощи лицам, подвергшимся недобровольной госпитализации. Оказание квалифицированной юридической помощи адвокатами видится в качестве важной гарантии справедливого судебного разбирательства путем создания равных условий для состязательности.

¹ Аргунова Ю.Н. Недобровольная госпитализация лица с психическим расстройством // Правовые вопросы в здравоохранении. 2010. № 5.

А.М. Кальяк

ИММУНИТЕТ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ДОЛЖНИКА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В соответствии со ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (часть первая), должник наделяется защитой от взысканий в отношении его единственного места жительства с момента его официальной регистрации. Эта норма действует с момента вступления в силу кодекса, но до сих пор порождает неоднозначные интерпретации в юридической среде¹.

В 2004 г. законодательство претерпело изменения, касающиеся признания единственного жилья залогом по ипотечному кредиту². Эта поправка была внесена для гармонизации п. 1 ст. 446 ГПК с требованиями Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»³.

В 2015 г. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее – Закон о банкротстве) был дополнен положениями, регулирующими банкротство физических лиц⁵. Это подчеркнуло важность как общего принципа неприкосновенности единственного жилья должника, так и исключений, связанных с недвижимостью, находящейся в залоге.

¹ Например: Нахова Е.А., Волков Д.В. Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2 (60). С. 162–175.

² См.: Федеральный закон от 29.12.2004 № 194-ФЗ «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 20.

³ См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁵ См.: Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3945.

Единственное жилье в особенности имеет высокую ценность для российских граждан. Его потеря может привести к существенным проблемам для должника. Учитывая значимость этого имущества, применение соответствующих правовых норм в процедурах банкротства требует особого внимания.

Как указано в Определении Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 года № 305-ЭС22-9597¹, в случае отсутствия просрочки по обеспеченному обязательству взыскание с заложенного имущества может привести к нарушению равновесия прав и обязанностей сторон, участвующих в разбирательстве.

В случае своевременного исполнения обеспеченного залогом долга третьей стороной (или наличия лица, готового взять на себя эту обязанность) суд рекомендует сторонам достичь соглашения о мировом порядке (разработать индивидуальный план реструктуризации) в отношении единственного жилья должника.

При этом взыскание на данное имущество не накладывается, однако должник не освобождается от обязательств перед кредитором даже после завершения процедуры банкротства. При этом погашение обеспеченного долга не может осуществляться за счет активов должника, которые также находятся под прецеденцией других кредиторов.

Кредитор не имеет права необоснованно отказывать в подписании мирового соглашения (особенно, если его финансовое состояние не ухудшается по сравнению с ситуацией до начала банкротства). В противном случае суд имеет право утвердить индивидуальный план реструктуризации, следуя принципам, изложенным в п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве.

В августе 2024 г. в законодательство о банкротстве была добавлена ст. 213.10-1², предоставляющая сторонам возможность заключить отдельное соглашение, которое, разумеется, требует взаимного согласия. Это, в свою очередь, делает судьбу единственного жилья должника в процедуре банкротства зависимой от позиции банка.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 4994.

Учитывая значительный рост стоимости недвижимости за последний год, кредиторы, как правило, заинтересованы в реализации залогового имущества, что обычно полностью удовлетворяет их требования.

Тем не менее указанная норма ст. 213.10-1 не исключает возможности утверждения судом по инициативе должника локального плана реструктуризации в отношении ипотечного обязательства при условии соблюдения требований, изложенных в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2023. Именно этот подход сейчас преобладает в арбитражной практике¹.

Д.В. Князев

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ ПРИМИРЕНИЯ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

Одна из задач гражданского судопроизводства – содействие мирному урегулированию (ст. 2 ГПК РФ), при этом гражданское судопроизводство осуществляется на началах состязательности. В российском цивилистическом процессе сложилась модель состязательности, отличная от таковой в гражданском процессе стран общего права, где обязанность по доказыванию целиком и полностью возлагается на стороны. По выражению А.Ф. Воронова, российский законодатель стремится сохранить «правильный баланс между состязательностью сторон, независимостью и активностью суда. Этот баланс пронизывает весь Кодекс [ГПК РФ] (примеч. моё. – Д.К.)... нормы о процессуальной активности сторон... и суда взаимодействуют друг с другом, дополняют друг друга»¹. Но означает ли это

¹ Например, см.: Определение Арбитражного суда Вологодской области от 17.12.2024 по делу № А13-11104/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9d79a0a6-44ee-41a4-80fa-8dc0fee332cc/bd937316-85ee-4a13-8a8a-5c9686e8c73e/A13-11104-2020_20241217_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

¹ Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 361.

то, что максимальная процессуальная активность в ходе подготовки дела должна возлагаться на суд, а не на стороны? Должны ли стороны быть пассивны в попытках найти путь к соглашению в ходе подготовки дела? Думается, что нет.

Между тем нормы о подготовке дела к судебному разбирательству в гражданском процессе (гл. 14 ГПК РФ), как представляется, не соответствуют названной задаче судопроизводства. Законодатель не устанавливает конкретных обязанностей сторон предпринимать какие-либо усилия для урегулирования конфликта. Согласно ст. 150 ГПК РФ, судья в ходе подготовки выясняет обстоятельства дела, опрашивает стороны, предлагает им представить доказательства, привлекает к участию в деле новых субъектов, принимает меры по примирению сторон и проч. При этом перечисленные в ст. 149 ГПК РФ действия сторон при подготовке дела в основном касаются обмена документами, представления доказательств и уточнения позиций (что это, вообще, означает?). Фактически закон не обязывает стороны как-либо взаимодействовать для поиска компромисса, от сторон не требуется демонстрировать суду, что они пытались (и пытаются) урегулировать спор, что стороны исчерпали возможности для урегулирования спора до обращения в суд или в ходе подготовки дела. В результате наблюдается парадоксальная ситуация, когда реализация состязательности и задачи примирения в ходе подготовки дела сводится к лишь формальному обмену сторонами документами, а судья оказывается в роли очень активного модератора процедуры разрешения отдельных процессуальных вопросов, нацеленных на подготовку к будущему судебному разбирательству.

Но почему законодатель не требует активности сторон на стадии подготовки дела? Активности не только в плане убеждения суда в собственной правоте (что, надо сказать, также мало просматривается в действующем регулировании), но активности в попытках урегулирования спора. Такой подход, как представляется, прямо противоречит принципу состязательности, предполагающему равную активность и самостоятельность именно сторон, а не суда. Кроме того, действия сторон в ходе подготовки дела *de lege lata* совсем не направлены на решение заявленной в ст. 2 ГПК РФ задачи примирения.

Вместе с тем этап подготовки дела к судебному разбирательству, безусловно, должен быть подчинён не только подготовке к будущему судебному разбирательству, но в большей степени служить решению задачи примирения сторон. Именно на этапе подготовки создаются наиболее благоприятные условия для того, чтобы стороны осознали слабые и сильные стороны своих позиций, заранее выявили круг спорных вопросов, приблизились к пониманию перспектив дела. Это, в свою очередь, значительно облегчило бы последующее судебное разбирательство либо вообще позволило его избежать за счёт окончания дела соглашением.

Именно идея активного поиска компромисса должна стать самостоятельной задачей стадии подготовки дела. С учетом современных реалий выглядит архаичной позиция о подчиненности этапа подготовки, что «лишь в совокупности с возбуждением дела и судебным разбирательством подготовка дела способна создать правовой эффект, необходимый сторонам»¹. Современный законодатель должен уходить от этой парадигмы. Подготовку дела нужно рассматривать как самостоятельную стадию процесса (и, возможно, менять ее название, ибо как корабль назовешь, так он и поплывет), на которой стороны должны быть ориентированы, не на подготовку к судебному разбирательству, а на поиск возможности его избежать. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы повысить ответственность сторон за исход конфликта, уменьшить количество бессмысленных судебных процессов и поощрить поиск компромиссных решений, удовлетворяющих обе стороны.

В частности, *de lege ferende* на стадии подготовки стороны должны представить суду доказательства того, что они действительно пытались урегулировать возникший спор и продолжают предпринимать такие попытки; они обменялись (и продолжают обмениваться) информацией с собственным изложением различных аспектов спора. Стороны должны четко обозначить свои позиции в ходе подготовки по всем аспектам дела: выявить оспариваемые факты, доказательства, выявить возможное несовпадение правовой квалификации отношений, толкования применимого права. Возможно,

¹ Михайлова Е.В. Подготовка дела к судебному разбирательству в системе цивилистического судопроизводства // *Мировой судья*. 2024. № 10. С. 25–30.

требуется введение более внятной обязанности по раннему раскрытию ключевых доказательств. Не должно оставаться без внимания суда уклонение сторон от конструктивного диалога – игнорирование, фактическое уклонение, создание лишь видимости реакции на заявленные требования или возражения. Возможные процессуальные санкции – это возложение судебных расходов, наложение штрафа, ограничение в дальнейшем права ссылаться на те или иные доводы.

Названные меры, как представляется, помогут снизить нагрузку на судебную систему, повысить эффективность правосудия и сформировать более уважительное и ответственное отношение к суду и процессу в целом.

А.Н. Кукарцева

О НЕКОТОРЫХ РИСКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

В последние пять лет термин «цифровизация» все активнее используется в политико-правовых документах, нормативном и научном обороте¹. К сожалению, в официальных источниках легальное толкование указанного термина не дается, да и в научной среде также нет его единого понимания. В большинстве случаев ученые просто используют этот термин, характеризуя современные условия общественного развития, не раскрывая его содержание².

Цифровизация действительно стала насущной необходимостью цивилистического процесса в контексте текущих вызовов (например, пандемия, ускорение технологий, потребность в улучшении доступа к правосудию)².

¹ Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 1 августа 2018 г. № 428 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2025).

² Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 25.

² Моисеенко Ю.П. Цифровизация права и правосудия: перспективы и вызовы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12, № 3. С. 151.

В этой связи следует согласиться с В.Г. Халиным и Г.В. Черновой в том, что «цифровизация представляет собою главный современный тренд развития экономики и общества, основанный на переходе к цифровому формату представления информации, который направлен на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни»¹. Однако цифровая трансформация сопряжена с комплексом правовых рисков.

Идея цифровой трансформации цивилистического процесса ориентирована на воплощение конкретных социально значимых результатов: повышение доступности правосудия, его качества и эффективности, снижение нагрузки на судебную систему. Рост нагрузки судов, несмотря на введение новых инструментов оптимизации, свидетельствует о повышении информированности общества и востребованности правовых инструментов защиты.

Риск – состояние с неопределённым исходом, необходимо предполагающее возможность негативных последствий. Правовым риском можно назвать предполагаемую вероятность реализации негативных правовых последствий, возникающих в связи с воздействием права на общественные отношения². В контексте цифровизации правовые риски приобретают особую специфику. В работе предпринята попытка выделить основные риски, которые сопровождают цифровизацию в цивилистическом процессе.

Технологии часто собирают и анализируют большие объемы персональных данных, актуализируя вопросы, связанные с конфиденциальностью и безопасностью данных. Возможные юридические и технические недостатки в цифровых системах ставят под угрозу защиту персональных данных участников судебного процесса.

Цифровизация судопроизводства, несмотря на свои преимущества, сталкивается с системной проблемой: цифровая среда зачастую скрывает процессы принятия решений и базовую логику технологий. Это ведет к повышению недоверия к ним.

¹ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 49–50.

² Ромашов Р.А. Субъекты правового риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 316.

По мере того, как технологии становятся все более сложными, растут риски, связанные с их использованием, и потенциальная возможность злоупотребления. Непрозрачность алгоритмов усугубляется монополизацией технологий, что создаёт риски доминирования в разработке технологий со стороны небольшого числа крупных корпораций. Это может усугубить цифровое неравенство и ограничить разнообразие в применяемых технологиях.

К правовым рискам можно отнести большое количество одновременно действующих различных по статусу документов, регламентирующих цифровизацию государственного управления; отсутствие единства нормативно закреплённых целей, задач, а также мероприятий по их достижению в базовых документах.

Контент, созданный искусственным интеллектом (например, дипфейк), способствует распространению ложной информации, которая может быть положена в основание судебного акта. Любые достаточно большие системы из-за своей сложности и отсутствия человеческого контроля могут демонстрировать неожиданное поведение или принимать решения с непредвиденными последствиями.

Все это позволяет сделать вывод, что крайне важно разработать новые правовые рамки и правила для решения возможных проблем и вызовов, возникающих в связи с применением цифровых технологий в гражданском процессе. Правовые системы должны развиваться, чтобы идти в ногу с технологическими достижениями и защищать права каждого. Важно не просто «догонять» технологии, а прогнозировать риски и закладывать правовые гарантии на законодательном уровне.

А.С. Кучин

ДОГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО (К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ)

Решение суда по делу основывается на доказательствах, представленных сторонами. Поэтому крайне важно, чтобы доказательства отвечали тем требованиям, которые к ним устанавливает процессуальное законодательство. И уж точно они не могут быть подложными, это искажает всю суть судебного разбирательства и судебной защиты прав и законных интересов. Но, к сожалению, на практике судам и участникам процесса приходится сталкиваться с таким явлением.

В целях противодействия представлению подложных доказательств есть как процессуальный инструментарий, так и уголовно-правовой (ст. 303 УК РФ). Уголовно-правовые механизмы противодействия преступлениям против правосудия не входят в предмет настоящей статьи, рассмотрим меры, предусмотренные процессуальным законодательством.

В ст. 161 АПК РФ предусмотрен такой инструмент, как заявление о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле. Подача заявления о фальсификации доказательства допускает исключение из числа доказательств по делу оспариваемого доказательства по волеизъявлению лица, представившего его, т.е. как законную ответную реакцию противной стороны на сделанное заявление. И в данном случае суд не дает оценку данному доказательству. Если же оспариваемое доказательство не исключается, то суд проверяет обоснованность заявления о фальсификации. Способом проверки обоснованности выступают экспертиза, истребование других доказательств, иные меры.

Работает данный механизм только при условии подачи участником процесса заявления о фальсификации доказательства. Если такого заявления нет, то суд осуществляет оценку доказательства на общих основаниях. При этом судебное усмотрение позволяет и без поданного заявления о фальсификации поставить достоверность доказательства под сомнение и дать ему соответствующую оценку.

Проблемным моментом данного процессуального механизма является то, что его применение ограничено только теми документами, которые изготовлены (подделаны) специально для представления в суд¹. Так, арбитражный суд отклонил заявление о фальсификации доказательства в связи с тем, что спорная редакция дополнительного соглашения была представлена на государственную регистрацию за год до начала судебного процесса, т.е. не изготавливалась специально для предоставления в суд². Тем не менее судом была назначена экспертиза (которая подтвердила наличие признаков подделки документа), заслушаны свидетели, учтены другие доказательства. В результате суд признал данное дополнительное соглашение недействительным (истцу пришлось заявить дополнительное исковое требование). Но, правда, это не повлекло за собой инициирование уголовного преследования, как это должно было бы быть при установлении фальсификации доказательства.

Представляется, что возможность заявить о фальсификации доказательства должна быть распространена на все доказательства по принципу, что раз представлено в суд, то может быть и оспорено в указанном порядке независимо от того, специально для судебного разбирательства документ подделан или он изначально сфабрикован в других целях.

В целом проблема с подложными договорами на практике вызывает много вопросов. С точки зрения доктрины гражданского права подложный договор не порождает правовых последствий. Это незаключенный договор, и суд просто не должен его принимать во внимание. Однако на практике установить, что такого договора на самом деле не было, может оказаться незаурядной задачей. Например, в упомянутом деле подписи и печати на дополнительном соглашении были настоящими (подлог был совершен путем печати текста на другой стороне листа – изначально текст располагался на двух листах с односторонней печатью).

Особенно интересно получается, когда договор не мог породить правовые последствия, но все-таки породил (как в приведенном при-

¹ См. п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. 2022. 14 янв.

² См. дело № А67-843/2023.

мере – была осуществлена государственная регистрация). И это плохое решение – пойти еще оспаривать государственную регистрацию дополнительного соглашения и там снова доказывать, что не было никакого дополнительного соглашения. Но и признание сделки недействительной, хоть и решает на практике задачу, не выглядит столь уж безупречным с точки зрения доктрины.

В этом плане установление фальсификации договора могло бы быть решением. Договор не заключен, судом установлен факт фальсификации, это, в свою очередь, влечет уголовно-правовые последствия, но главное – факт подделки установлен судом, и это универсальный инструмент для защиты своих прав добросовестным участником оборота.

А.А. Лана

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ГПК РФ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ («МАТЕРИАЛОВ»), НЕ СВЯЗАННЫХ С РАЗРЕШЕНИЕМ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ

Процедура рассмотрения судами юридических дел в первой инстанции предусмотрена прежде всего для дел, разрешаемых по существу. Раздел 2 ГПК РФ («Производство в суде первой инстанции») структурирован по видам производств по делам, рассматриваемым по существу. В этом разделе имеются вкрапления, предусматривающие порядок рассмотрения отдельных вопросов, не связанных с разрешением дела по существу (в частности, ст. 141, 203.1). Процедура рассмотрения вопросов, связанных с исполнением судебных постановлений, урегулирована в разд. 7 ГПК РФ.

Один из столпов гражданского процесса – гражданская процессуальная форма. Она «определяет не только содержание процессуального поведения, но и его логику, т.е. последовательность совершения или несовершения процессуальных действий»¹.

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. 3-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 109.

Какие же неблагоприятные последствия создает отсутствие урегулированной процедуры рассмотрения дел («материалов»), не связанных с разрешением дела по существу?

Элементами гражданской процессуальной формы, присущими любой из стадий гражданского процесса, являются возбуждение дела, подготовка дела к судебному разбирательству и судебное разбирательство дела.

Что касается дел, разрешаемых по существу, ГПК РФ четко регламентирует эти этапы. А вот с рассмотрением дел («материалов»)¹, не связанных с разрешением дела по существу, такой ясности нет.

Должны ли по таким «материалам» быть полноценные этапы возбуждения дела (т.е. с полномочиями судьи оставить заявление без движения, возвратить его, отказать в принятии), подготовки дела к судебному разбирательству?

Законодатель не дает ответы на эти вопросы. Применение в данной ситуации ч. 4 ст. 1 ГПК РФ (анalogии закона, аналогии права) для суда первой инстанции возможно, но влечет риски ввиду отсутствия единообразия в судебной практике.

Так, в одном из кассационных определений содержатся следующие выводы: «Доводы кассационной жалобы о том, что действующим законодательством не предусмотрено оставление заявления без движения при разрешении вопроса о принятии заявления о процессуальном правопреемстве по аналогии с частью 1 статьи 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не могут служить поводом для отмены судебных постановлений, поскольку основаны на ошибочном толковании ее автором норм процессуального права, которые, в свою очередь, судами применены правильно»².

¹ Мы используем термин «материал», закрепленный в подзаконных нормативных правовых актах, в частности, в п. 3.1.3 «Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде», утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 11.10.2024).

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2024 № 88-35133/2024 по делу № 2/3-340/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

В то же время имеет место и противоположный подход. Так, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» указано, что законодательством о гражданском судопроизводстве «не предусмотрены оставление заявления о принятии обеспечительных мер без движения, его возвращение или отказ в принятии. Соответствующие заявления рассматриваются по существу»¹.

Изложенная позиция Верховного Суда РФ, на наш взгляд, может быть обусловлена тем, что законодатель установил для рассмотрения большинства «материалов» 10-дневный срок, соблюсти который иначе как путем безусловного принятия к производству суда всех таких заявлений невозможно.

Нам представляется, что по всем «материалам» должен быть полноценный этап возбуждения дела (т.е. с полномочиями судьи оставить заявление без движения, вернуть его, отказать в принятии). Иначе, следуя логике, изложенной в упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, судам придется рассматривать по существу заявления, которые, например, им неподсудны; их содержание не позволяет установить существо заявления; тождественные заявления и т.п.

А вот стадия подготовки дела к судебному разбирательству по «материалам», на наш взгляд, учитывая, что большинство из них не представляют сложности, могла бы быть факультативной (по усмотрению судьи).

Не решен в настоящее время в ГПК РФ и вопрос о представлении, собирании доказательств, распределении бремени доказывания, степени активности суда в доказательственной деятельности по «материалам».

Указанные проблемы должны быть урегулированы законодательно. Одновременно должен быть пересмотрен подход к срокам рассмотрения «материалов». Безусловно, что по «материалам», для рассмотрения которых необходимо вызвать лиц, участвующих в

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 07.06.2023. № 123.

деле, при условии полноценной стадии возбуждения дела необходимо хотя бы месячный срок для их рассмотрения.

Одним из вариантов решения указанных проблем, на наш взгляд, могло бы стать внесение в ГПК РФ небольшой дополнительной главы «Производство по материалам, не связанным с разрешением дела по существу».

А.С. Назаров

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТОРГОВ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Принудительная реализации имущества и имущественных прав путем проведения торгов в рамках исполнительного производства является важным механизмом на пути к исполнению судебных решений, а также защиты прав и законных интересов взыскателей.

Одним из ключевых принципов проведения торгов выступает состязательность. И.В. Хмиль и И.В. Ясина отмечают, что принцип состязательности выражается в конкуренции при заключении договора, формируя особенности проведения торгов. К ним относятся публичные извещения о проведении процедуры, подача заявок на участие, внесение задатка участниками, а также обязательное заключение договора с победителем, которым становится лицо, предложившее наивысшую цену¹.

Однако в рамках процедуры проведения торгов неизбежно возникают ситуации, когда реализации подлежит имущество с низкой ликвидностью. В ситуациях, когда покупатель все же проявляет интерес к торгам, его участие может быть ограничено законодательными требованиями, направленными на обеспечение принципа состязательности торгов. При отсутствии других претендентов создается искусственный барьер для принудительной реализации имущества должника, что влияет на эффективность исполнительного производства в целом.

¹ Хмиль И.В., Ясина И.В. Актуальные вопросы торгов как института гражданского права // Colloquium-Journal. 2020. № 5-8 (57). С. 29.

Таким образом, возникает необходимость пересмотра отдельных аспектов регулирования торгов для обеспечения баланса между формальным соблюдением требований закона и достижения цели исполнительного производства. В исполнительном производстве приоритетно не столько обеспечение принципа состязательности торгов, сколько надлежащее и своевременное исполнение требований взыскателей.

На наш взгляд, решение данной проблемы возможно путем смягчения требований к количеству участников повторных торгов (назначаемых после того, как первичные торги признаны несостоявшимися). Это позволит избежать ситуаций, вынужденного понижения стоимости в процедуре реализации (на 25% от первоначальной цены с предложением взыскателю оставить нереализованное имущество себе в счет долга), а также обеспечит баланс интересов сторон исполнительного производства.

В последние годы процедура проведения торгов претерпела ряд изменений. В частности, был сделан значительный шаг в сторону цифровизации торгов в исполнительном производстве.

На этом фоне ряд авторов, в частности, В.Е. Малышева и А.А. Михалёва, не исключают, что при таких изменениях представится возможность предусмотреть более короткие сроки реализации и внести соответствующие изменения в законодательство¹.

Однако следует согласиться с позицией К.С. Морковской, что быстрота и дешевизна исполнительного производства не должны достигаться в ущерб эффективности².

¹ Малышева В.Е., Михалева А.А. Способы реализации арестованного имущества в Российской Федерации // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты : материалы XVII Всероссийской студенческой научно-практической конференции : в 2 ч. Челябинск, 25–26 апреля 2019 года / отв. ред. С.В. Нечаева. Ч. 1. Челябинск : Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019. С. 132.

² Морковская К.С. Гражданские процессуальные средства повышения эффективности исполнительного производства. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 157.

Оценивая целесообразность сокращения сроков принудительной реализации имущества должника, следует обратиться к статистическим исследованиям, проведенным auto.ru – одной из крупнейших площадок объявлений по продаже автомобилей. Так, самая продаваемая модель автомобиля реализуется приблизительно за 29 дней. В среднем для продажи ликвидного автомобиля потребуется 45 дней¹.

Согласно исследованиям, проведенным Домклик-онлайн, сервисом купли-продажи недвижимости, сроки реализации недвижимого имущества еще больше. Так, быстрее всего продаются однокомнатные квартиры в среднем за 52 дня².

Приведенная выше статистика демонстрирует, что даже заинтересованные лица, такие как собственники, риэлтерские организации, автосалоны и иные лица, не способны обеспечить продажу большинства объектов в сроки, которые предусмотрены Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» для реализации имущества должника. В исполнительном производстве торгами занимаются незаинтересованные субъекты (орган принудительного исполнения и Росимущество, а также привлекаемые последним частные субъекты), которым не столь важно, состоятся ли торги и по какой стоимости будет продано имущество.

За столь ограниченный период крайне сложно обеспечить надлежащую реализацию имущества должника. Это зачастую приводит к тому, что включенные в опись объекты реализуются по заниженной цене либо не реализуются вовсе. В обоих случаях страдают интересы как взыскателей, так и должников, снижается эффективность исполнительного производства.

Таким образом, необходимо пересмотреть существующие сроки реализации имущества должника в исполнительном производстве в сторону их увеличения.

¹ Савостьянич Д. В России растёт количество машин в перепродаже: исследование. URL: https://auto.ru/mag/article/v-rossii-rastyot-kolichestvo-mashin-v-pereprodazheissledovanie/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F

² Тихонова Ю. Сколько дней занимает продажа квартир на вторичном рынке в крупнейших регионах РФ: исследование Домклик. URL: <https://blog.domclick.ru/nedvizhimost/post/skolko-dnej-zanimaet-prodazha-kvartir-na-vtorichnom-rynke-v-krupnejshih-regionah-rf-issledovanie-domklik>

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Трансформация современного российского права обусловлена различным уровнем вызовами, которые по вектору направленности условно можно разделить на внешние (международная повестка, политическая ситуация¹), внутренние (поиск национальной идентичности, степень «внедрения» иностранных моделей, механизмов²), отраслевые (формирование вектора развития судебной системы³, кадровый вопрос⁴, нагрузка судей⁵, качество судебных актов⁶, цель и задачи процесса⁷) и др.

Многими учеными анализируются не только благие достижения внешнего западного влияния права в результате глобализации, интеграции, европеизации, конвергенции, но и негативные последствия

¹ См.: Уханова Ю.В. Внутренние и внешние вызовы развития российского общества в оценках экспертов // *Society and Security Insights*. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-i-vneshnie-vyzovy-razvitiya-rossiyskogo-obschestva-v-otsenkah-ekspertov> (дата обращения: 17.04.2025).

² См.: Волков С.Ю., Помелова Ю.П. Национальная идентичность как научная категория // *Огарёв-Online*. 2018. № 6 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-kak-nauchnaya-kategoriya> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Ярков В.В. Проект процессуальной реформы: quo vadis? // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. № 12. С. 10–14.

⁴ Глушков А.И., Федосов Г.А. Кадровое обеспечение деятельности судебной системы: особенности, проблемы, перспективы. URL: <https://scilead.ru/article/4297-kadrovoye-obespechenie-deyatelnosti-sudebnoj-s>

⁵ Прокудина Л.А. Научно-практическое заключение на проект Верховного Суда Российской Федерации по реформированию процессуального законодательства в целях снижения нагрузки судей // *Администратор суда*. 2018. № 1. С. 49–54.

⁶ Шаповалова Я.В. Дефекты судебных актов: понятие, сущность, последствия // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/defekty-sudebnyh-aktov-ponyatie-suschnost-posledstviya> (дата обращения: 17.04.2025).

⁷ См.: Самсонов Н.В. Цели и задачи цивилистического процесса // *Современное право*. 2017. № 11. С. 24–29.

таких процессов¹. Все чаще в науке акцентируется внимание на поиске национальных смыслов, определении национальной идентичности, особенностей российского права, осознании собственного вектора развития². Соответственно, сам термин «национальный» активнее внедряется в терминологический оборот, правовое пространство, законодательные акты.

Перед учеными и практиками возникают вопросы: каков вектор дальнейшего развития судебной системы России и судопроизводства? Что выбирает общество и государство: формирование судебной системы с учетом специализации судов (арбитражные суды, суд по интеллектуальным правам, административные суды) или универсальность судов? Сохраняется ли необходимость принятия единого Гражданского процессуального кодекса или данный вопрос себя исчерпал? Подобного рода вопросы и отсутствие на них четких ответов позволяют ученым утверждать об этапе переосмысления сущности гражданского судопроизводства, поиска своих национальных особенностей и национальной идентичности³.

Сегодня наблюдается эффект, когда точечные, множественные изменения и редакции процессуального законодательства имеют «щипковый характер», не позволяющий достичь положительного эффекта, формируется «мнимая» динамика гражданских процессуальных отношений⁴. Хаотичные изменения законодательства, регулярные обновления редакций нормативного материала блокируют

¹ См.: Гуляков А.Д. Итоги европейской интеграции и их значение для евразийского государственно-правового пространства (сравнительный государствоведческий анализ) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 145–154. doi: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.145-154

² Сахнова Т.В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 13–27.

³ См.: Сахнова Т.В. О современном значении гуманитарных ценностей цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 13–26.

⁴ См.: Ярков В.В. Новеллы ГПК РФ: «новое вино в старые меха»? // Юридическая газета. 2011. № 1-2. С. 1–34; Vadis? Qua Vadis нотариат? // Нотариальный вестник. 2021. № 4.

устойчивое развитие судебной системы. Стабильность гражданского процессуального закона не стоит воспринимать исключительно как негативное, застойное, консервативное, отрицательное явление, а динамизм – исключительно как позитивное, положительное, прогрессивное явление со знаком «+». Следует подчеркнуть, что стабильность и динамизм не являются взаимоисключающими понятиями.

Количественные и постоянные изменения норм ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, частые обновления редакций процессуальных кодексов не всегда свидетельствуют о положительной динамике гражданского процессуального закона, демонстрируют развитие цивилистических процессуальных отношений. Высока вероятность, что действующие на период подготовки данной статьи редакции АПК РФ (ред. от 01.04.2025), ГПК РФ (ред. от 01.04.2025), КАС РФ (ред. от 01.04.2025) будут изменены на дату выхода данной публикации.

Зачастую такие коррективы процессуального закона носят фрагментарный, точно изменяя какое-то слово, термин, пункт, категорию. Представляется, что законодательные изменения должны носить системный характер, влечь существенные коррективы. Отдельные правоприменительные пробелы могут восполняться путем выработки разъяснений Верховным Судом РФ в виде постановлений Пленума Верховного суда РФ, Обзоров судебной практики. Функции судебного надзора, руководства судебной практикой – прерогатива Верховного Суда РФ как высшего органа в судебной иерархии судебной системы России. В.В. Момотов отмечает: «Перед Верховным Судом РФ ещё более остро встает проблема обеспечения единообразия судебной практики. Высший суд должен на регулярной основе вести работу по выявлению противоречий в практике кассационных судов и реагировать на них путём принятия конкретных решений и путем дачи разъяснений в постановлениях Пленума и обзорах судебной практики»¹. В таких условиях наиболее ярко высветивается особая миссия Верховного Суда РФ в формировании единства судебной практики и национальных приоритетов.

¹ Выступление 28 марта 2025 г. председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на II Международной научно-практической конференции «Судебная

Отдельного внимания заслуживает проблема смешения, подмены понятий, размывание границ терминов и категорий. Изучая предлагаемые в науке и периодической печати исследования принципов гражданского процессуального права, складывается впечатление, что принципы «рождаются» ежегодно в геометрической прогрессии. Во-первых, регулярны попытки исследователей предложить свое авторское определение понятия «принцип права»², что само по себе является положительным для науки, риски кроются в применении новых близких по смыслу терминов понятий, что неизбежно влечет конкуренцию и необходимость четкого ранжирования в целях исключения коллизий. Так, в литературе используются такие близкие категории: аксиомы, базисы, институции, максимы. Во-вторых, отдельная группа исследователей идет дальше и стремится предложить и обосновать свой (авторский) принцип, стремясь отчасти попасть в историю процессуальной науки. Обусловлено это предложить такой принцип, о котором еще активно не писали в науке или писали мало. Количество таких «новых принципов» предлагается десятками.

Бесконечность данного списка «новых принципов» удивляет. Если можно было бы присваивать новым принципам имена ученых, их открывших, по типу обозначения открытых в сфере медицины болезней или штаммов вирусов – болезнь Боткина, болезнь Бехтерева, болезнь Альцгеймера, вирус Эпштейна-Барр, палочка Коха, то гражданская процессуальная наука за кратчайшие сроки пополнилась бы огромнейшим количеством именных принципов.

Действительность высветила проблему, на которую важно обратить внимание, – частая подмена в научных работах теоретических понятий, размывание границ правовых явлений, граней соотношения юридических конструкций; возникшая потенциальная угроза «слома» целостности системы принципов гражданского процессуального права как фундамента всей охранительной отрасли. Иначе

власть и судоустройство», которая состоялась в РУДН им. Патриса Лумумбы в г. Москве. URL: <https://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/56762>

² См.: Опанасенко А.С. Понятие и сущность принципов права // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 33–38.

говоря, вызывают некоторые сомнения конструкции, которые авторы называют в качестве принципов. Насколько они таковыми являются?

Так, весьма спорно называть аналогию закона (права) принципом права, поскольку это юридико-технический прием (способ) восполнения пробелов в праве¹. Так же ошибочно рассматривать «свободную оценку доказательств» в качестве принципа, поскольку представить обратную ситуацию, когда суд руководствуется «несвободной оценкой доказательств», абсолютно невозможно. Если даже «свободная оценка доказательств» выступает в качестве апологета стандарта доказывания, ее можно рассматривать лишь как элемент доказательственного процесса, требование к деятельности суда по оценке доказательств, гарантию гражданской процессуальной формы.

Спорно называть принципом категории, составляющие сущность иных процессуальных явлений: принцип исполнимости судебного решения, поскольку «исполнимость» представляет собой свойство законной силы судебного решения; принцип *estoppel* как запрет (блокировка) противоречивого поведения стороны, который применяется в качестве правила (приема, механизма), блокирующего действия недобросовестной стороны.

Многие из предлагаемых авторами принципов вообще не имеют в своей основе гражданской процессуальной характеристики, существенных процессуальных оснований, поскольку носят технический, организующий характер. Например, популярный принцип процессуальной экономии скорее выступает правилом реализации действий участников в суде и критерием в судебной деятельности при осуществлении правосудия. Такое правило стало популяризироваться в последние 30 лет, но и в прошлые периоды своего исторического развития (Устав гражданского судопроизводства 1964 г., ГПК РСФСР 1923 г., ГПК РСФСР 1964 г.) происходила реализация правосудия, судебная защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов осуществлялась в рамках «неэкономного» гражданского судопроизводства. Однако от этого сущность гражданского судопроизводства и, главное, его цель, указанная в ст. 2 ГПК РФ (защита

¹ Кашанина Т.В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 395–400.

нарушенных прав и охраняемых законом интересов), не изменились. Соответственно, процессуальная экономия есть признак современного судопроизводства, одна из задач гражданской процессуальной формы – сделать процесс экономным с точки зрения использования процессуальных средств, форм, способов, но не более того.

Соответственно:

1) не все гражданские процессуальные явления, называемые в науке принципами, таковыми являются в действительности, возможно, они представляют собой часть иного правового явления, признак другой процессуальной конструкции, функцию отдельного правового института;

2) количество принципов отрасли не может быть бесчисленным и бесконечным. Очевидно, что небольшое число принципов (2–3 принципа) недостаточно для выделения отрасли в качестве самостоятельной, но и слишком великое число принципов, их дробление (50–100 принципов) не является положительным критерием, поскольку дестабилизирует соответствующую группу отношений;

3) система принципов – явление пластичное, под воздействием различных факторов и исторических условий трансформируется, устаревшие принципы «умирают», появляются новые, преобразуются действующие. Такой процесс не носит массового характера, исчисляемого десятками принципов, это единичные (штучные) коррективы;

4) развитие отрасли неизбежно связано с развитием и преобразованием системы принципов. Ввиду трансформации общественных отношений невозможно и бессмысленно препятствовать «зарождению» новых и преобразованию действующих принципов. Целесообразно упорядочить и систематизировать принципы гражданского процессуального права, придерживаться правил четкого разграничения различных правовых категорий, исключая их смешение и поглощение.

Отсутствие четкого вектора развития, признаки диффузной идентичности, «мнимая» динамика гражданского процессуального закона, частные изменения и редакции норм процессуальных кодексов, отрицание опыта прошлых лет и попытки отказа от институтов, характерных для российского гражданского процесса (участие прокурора, органов государственной власти, статус слабой, менее защищенной стороны процесса, исключение надзорного производства,

отказ от установления истины в процессе, нивелирование принципа справедливости в пользу чистой состязательности), влекут необходимость выработки решений по следующим блокам проблем: нужна национальная концепция развития судебной системы, назрела необходимость судебной реформы. Следует интенсивнее решать вопрос разгрузки судов путем введения обязательного досудебного (административного) порядка, перераспределения судебной нагрузки, исключения части дел из судебной юрисдикции. Сохранить и усилить то, что свойственно гражданскому процессу России: участие прокурора (ст. 45 ГПК РФ) и государственных органов (ст. 46–47 ГПК РФ), надзорное производство, защиту слабой стороны процесса. Не нужно принужденно внедрять то, что отторгается системой (медиация, судебное примирение, стандарты доказывания и др.).

Главная задача – осознать, что цель судопроизводства – защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов (ст. 2 ГПК РФ), куда гармонично впишутся и принцип справедливости, и принцип судебной истины. Сильная и справедливая судебная власть – сильное и справедливое государство!

М.А. Розе

ОГРАНИЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА

Конституционный принцип доступности правосудия предопределяет наличие необходимых условий и механизмов по беспрепятственной реализации права на судебную защиту. В научной доктрине и в правоприменительной практике Конституционного Суда РФ данный принцип обычно раскрывается через призму отдельных процессуальных гарантий судебной защиты. По мере развития концепции «пропорционального правосудия»¹ формулируется позиция

¹ О концепции «пропорционального правосудия» см.: Фетисов А.К. Справедливость – принцип отправления правосудия. Часть вторая: справедливость в процедурах электронных автоматизированных порядков // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 8.

о неабсолютном характере права на доступ к правосудию: его ограничение допустимо в случаях, предусмотренных законом, и требует регулирования государством, при этом данное регулирование динамично и может корректироваться исходя из интересов и потребностей общества и отдельно взятых лиц¹.

Анализируя позицию Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), Л.Б. Абхадеева и П.В. Шумов² отмечают, что при разрешении вопроса об ограничении доступности правосудия должны быть соотнесены цель законодателя и цель заявителя для достижения баланса частных и публичных интересов между оптимизацией процедуры разрешения спора и гарантированности соблюдения процессуальных прав и законных интересов участвующих в деле лиц. Однако ЕСПЧ не допускает полного лишения права на доступ к правосудию, что противоречило бы п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³. В этой связи позицию об ограничении доступности правосудия можно трактовать как допускающую разумные и оправданные барьеры в доступе к правосудию, исключаящую любое умаление этого права, не находящегося в прямой зависимости от действий заявителя⁴.

Принцип доступности правосудия включает в себя компоненты, совокупное действие которых направлено на создание необходимых организационных, финансовых, процессуальных и иных условий для защиты и восстановления нарушенных прав, что не исключает возможности ограничения действия одного из них при определенных обстоятельствах. Л.А. Терехова обосновывает допустимость уменьшения процессуальных прав и *de facto* ограничения доступности защиты

¹ Постановление ЕСПЧ от 17.01.2012 по делу «Станев (Stanev) против Болгарии» (жалоба № 36760/06) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 7.

² Абхадеева Л.Б., Шумов П.В. Ограничение доступа к правосудию (на основе практики судов общей юрисдикции Российской Федерации) // Российский судья. 2022. № 4. С. 57.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Вилкова Т.Ю. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве: правовые позиции Европейского суда по правам человека // Lex Russica. 2019. № 12. С. 62.

права по мере продвижения дела в инстанционном порядке, т.е. снижение доступности осуществляется «по нисходящей»¹. Соглашаясь с данной позицией, добавим, что, исходя из целей и средств, установленных процессуальным законом для конкретной стадии цивилистического процесса, не только изменяется соотношение компонентов принципа доступности правосудия, но и при определенных обстоятельствах один из компонентов может вовсе не приниматься в расчет для достижения сбалансированного механизма защиты прав и законных интересов (как для заинтересованных лиц, так и для государства, на котором лежит обязанность обеспечить восстановление нарушенных прав).

Представляется, что в отсутствие нормативно закрепленных пределов ограничения доступности правосудия следует выделить **критерий**, при применении которого ограничение доступа к правосудию осуществляется пропорционально и направлено на достижение правомерной цели – **получение более эффективного механизма защиты права**. Выделение такого критерия основано на концепции эффективности правосудия, раскрываемой С.А. Курочкиным как реальное достижение целей судебной защиты и законных интересов с минимально необходимыми издержками².

Например, при ограничении процессуальной формы в рамках упрощенного и приказного производств в сравнении с ординарным иском заявителю получает надлежащую защиту в сокращенный срок и с меньшими расходами, а государство – процессуальную экономию по рассмотрению требований, основанных на простом фактическом составе и не предусматривающих широкий спектр выбора способов защиты³, без умаления интересов заявителя. По мере инстанционного обжалования ограничение территориальной доступности обращения в суды проверочных инстанций ком-

¹ Терехова Л.А. Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 47.

² Курочкин С.А. Эффективность гражданского судопроизводства. М. : Статут, 2020. С. 271–273.

³ Трезубов Е.С. Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 293.

пенсруется возможностью применения технологий ВКС, веб-конференции, подачей процессуальных документов в электронном виде через личный кабинет сервисов «Мой Арбитр», ГАС «Правосудие».

Ограничение компетенции, связанное с исключением из первичной юрисдикции суда споров, рассматриваемых финомбудсменом¹, обеспечивает усиление **доступности собственно защиты права и законных интересов** за счёт безвозмездности процедуры рассмотрения требования потребителя, простого порядка подачи обращения, сокращенных сроков рассмотрения, возможности принудительного исполнения решения уполномоченного и др., что является очевидными преимуществами для граждан-потребителей перед ordinарной судебной защитой.

В заключение обозначим тезис о том, что само по себе ограничение доступности правосудия не свидетельствует о нарушении права на судебную защиту, если при этом создаются условия для более эффективного механизма защиты прав и законных интересов заинтересованного лица при минимальных издержках.

А.В. Рябусова

ПОНЯТИЕ «ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЕДИНСТВА ТЕРМИНОЛОГИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В процессуальных кодексах и в юридической науке отсутствует единый термин, обозначающий акты, выносимые судебными органами государственной власти².

¹ Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

² Джур В.В. Правовые акты органов судебной власти // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 11–18.

В свете поставленных задач исследования требуется детальное изучение понятий «судебный акт», «судебное постановление», поскольку посредством этих родовых понятий можно сформулировать дефиницию «определение суда» в гражданском и арбитражном судопроизводстве, не раскрытую должным образом в процессуальных кодексах (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ, ч. 1 ст. 224 ГПК РФ, ч. 1 ст. 15 АПК РФ, ч. 1 ст. 184 АПК РФ).

Ряд представителей общей теории государства и права справедливо предлагают рассматривать понятие «судебный акт» как правоприменительный акт (А.В. Пастельняк¹; В.С. Нерсесянц²).

Рассуждая о свойстве обязательности судебного акта, заслуживающей внимания является позиция С.К. Загайновой, полагающей, что судебный акт является актом индивидуального регулирования³.

Гражданское процессуальное законодательство в качестве родового понятия использует термин «судебные постановления». В арбитражном процессуальном законодательстве в качестве родового термина используется «судебный акт».

Резюмируя суждения ученых, являющихся представителями общей теории государства и права, процессуалистов, безусловно, можно говорить о том, что «судебный акт», «судебное постановление» являются актами индивидуального правоприменения. На данном этапе развития законодательства имеется проблема единства терминологии в процессуальных кодексах, которая заключается в неоправданном включении различных родовых понятий «судебный акт», «судебное постановление», имеющих аналогичное содержание. Нельзя не отметить, что проблема понятийного аппарата является причиной невозможности сформулировать универсальную де-

¹ Пастельняк А.В. Проблема понимания термина «судебный акт» // Общество и право. 2013. № 1(43). С. 55–57.

² Нерсесянц В.С. Теория права и государства. М. : Норма Инфра-М, 2013. 263 с.

³ Загайнова С.К. Развитие учения о законной силе судебных актов в гражданском и арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2024. № 3. С. 78–111.

финицию каждого вида судебного акта. Вследствие этого, как справедливо отмечалось Д.Б. Абушенко¹, могут возникнуть трудности, связанные с действием различных межотраслевых институтов, например, норм, касающихся преюдиции (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ), отказа в принятии искового заявления, заявления (ст. 127.1 АПК РФ).

Проблема единства терминологии неразрывно связана с не менее важным аспектом необходимости учета правил инстанционной самостоятельности судебных актов, поскольку определение суда – это как промежуточный, так и итоговый судебный акт в судах проверочных инстанций.

Дефиниции «судебный акт», включающие в себя различное по объему содержание, предложены законодателем в ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Особо обращено внимание на то, что термин «судебный акт» определяется посредством различных понятий.

При этом Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» оперирует понятием «судебное постановление» (ст. 6).

Вместе с тем авторами справедливо отмечено, что существующая неупорядоченность приводит к невозможности правоприменения норм межотраслевых институтов (в частности, института преюдиции, так как делает процесс освобождения от доказывания трудоёмким, отличным от идеи, заложенной законодателем); межотраслевой несогласованности в системе судебных актов; несоблюдению правил инстанционной самостоятельности судебных актов. Более того, наличие различных родовых понятий «судебный акт», «судебное постановление» лишает возможности законодательного закрепления единого для гражданского и арбитражного судопроизводства видového понятия «определение суда».

¹ Абушенко Д.Б. Отказ в принятии искового заявления в арбитражном процессе: размышления над процессуальной новеллой // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 71–96.

Будучи индивидуальными актами правоприменения и формой выражения воли суда, судебные акты (акты суда) обладают одинаковым набором признаков. Следовательно, целесообразно использование в качестве унифицированного понятия «судебный акт» для указанных процессуальных отраслей в качестве родового термина. Понятие «судебное постановление» следует использовать для обозначения судебных актов проверочных инстанций.

Изменения должны коснуться ч. 1 ст. 224 ГПК РФ, ч. 1 ст. 184 АПК РФ.

В таком случае понятие «определение суда» необходимо сформулировать, оперируя единым понятием «судебный акт»: определение суда – это судебный акт, выносимый судом в случаях и порядке, предусмотренных законом, по вопросам, требующим разрешения в ходе судебного разбирательства.

А.А. Султанова

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОФОРМЛЕНИЯ МОТИВИРОВОЧНОЙ ЧАСТИ РЕШЕНИЯ СУДА

Судопроизводство в гражданском процессе своей основной целью имеет защиту нарушенных и оспариваемых прав, свобод и законных интересов (ст. 2 ГПК РФ), для арбитражного и административного процесса такая защита является задачей (п. 1 ст. 2 АПК РФ, п. 2 ст. 3 КАС РФ). Указанная цель или задача достигаются посредством вынесения решения суда, законного и обоснованного. Обоснованность решения суда содержится в его мотивировочной части и, по мнению К.А. Лебеда, «...позволяет суду проверочной инстанции прийти к выводу о том, являются ли окончательные выводы суда законными и обоснованными»¹.

Спорным элементом мотивировочной части решения суда является включение не поименованных в ч. 4 ст. 170 АПК РФ, ч. 4–4.1

¹ Лебедь К.А. Мотивировочная часть решения суда в гражданском процессе // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сборник материалов 3-й Международной научно-практической конференции, Рязань, 14 ноября 2014 года. Вып. 3. Рязань : Концепция, 2014. С. 206. EDN TRBQСJ.

ст. 198 ГПК РФ и ч. 4 ст. 180 КАС РФ ссылок на акты судов по конкретным делам. В процессуальном законе отсутствует прямой ответ на вопрос, для каких целей могут применяться ссылки на судебную практику по конкретным делам. Однако если обратиться к КАС РФ, то можно найти ответ на указанный вопрос – обеспечение единства судебной практики и законности (п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ). Используя аналогию закона, можно распространить поименованную цель на гражданский и арбитражный процессы.

Вместе с тем необходимо учитывать отсутствие преюдициального значения решения суда по делу при разрешении иного, не связанного с ним дела. Сложно согласиться и с обеспечением единства судебной практики с учетом анализа судебной статистики¹ (таблица).

Обжалование решений суда²

	Год	Всего окончено рассмотрен- ный по 1-й ин- станции	Апелляционная инстанция				
			Обжало- вано	Обжало- вано, %	Реше- ния от- менены	Реше- ния из- менены	Изме- нено/ отме- нено ре- шений, %
Суды об- щей юрис- дикции	2022	33 508 669	861 139	0,45	91 635	21 430	0,34
	2023	33 374 721	892 170	2,67	94 333	21 678	0,35
	6 мес. 2024	14 095 326	448 342	3,18	45 311	10 186	0,39
Арбит- ражные суды	2022	1 096 383	402 955	36,75	22 281	30 672	8,81
	2023	1 089 475	389 411	35,74	21 710	29 823	8,82
	6 мес. 2024	896 532	189 985	1,12	9 800	13 490	8,83

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации – 2009–2025. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.01.2025).

² Составлено автором на основании сводных статистических данных о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2022–2024 гг.

	Кассационная инстанция				
	Год	Рассмотрено	Изменено/отменено решений, всего	Изменено/отменено решений, % от рассмотренных в кассации	Изменено/отменено решений в кассации, % от рассмотренных 1 инстанцией
Суды общей юрисдикции	2022	299 349	20 826	6,96	2,42
	2023	327 459	29 063	8,88	3,26
	6 мес. 2024	118 421	4 541	5,82	2,36
Арбитражные суды	2022	140 961	0	5,82	2,36
	2023	143 470	0	5,99	2,54
	6 мес. 2024	1 597	0	17,28	0,18

Анализируя сводные статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, можно сделать вывод о том, что участники процесса достаточно часто не считают судебные акты судов первой инстанции законными и обоснованными и успешно их обжалуют.

Особенно указанная тенденция заметна в арбитражных судах, где обжалуется каждое третье решение суда первой инстанции и каждое десятое обжалование завершается изменением или отменой судебного акта суда первой инстанции. Высокий процент обжалования в арбитражных судах может быть связан с профессиональным представительством.

В указанных условиях заявлять о стабильности судебной практики не представляется возможным, количество измененных и отмененных решений суда в судах апелляционных и кассационных инстанций в России достаточно велико.

Важно учитывать, что процессуальный закон не запрещает судьям при оформлении мотивировочной части решения суда ссылаться на материалы и практику, не поименованные в ч. 4 ст. 170 АПК РФ, ч. 4–4.1 ст. 198 ГПК РФ и ч. 4 ст. 180 КАС РФ.

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге проанализировал 6,9 млн текстов судебных актов с целью выявить наличие отсылок к судебному правотворче-

ству¹ и сделал вывод о том, что 7,82% дел содержат отсылки к правовым позициям в других делах при условии, что решение не имеет преюдициального значения; в сходных обстоятельствах суды используют термин «аналогичная правовая позиция»; в судах высших инстанций «аналогичной правовой позицией» пользуются чаще.

В России единую судебную практику формирует Пленум ВС РФ, рассматривая материалы анализа и обобщения судебной практики (п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»), а также Президиум ВС РФ (п. 7 ч. 1 ст. 7 ФКЗ «О Верховном суде РФ»). Указанная роль отражена в абз. 4 п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, абз. 3 ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ и ч. 4 ст. 180 КАС РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что решение суда должно быть обоснованным и опираться на правовые аргументы, на источники, поименованные в процессуальном законе, а отсылки к судебной практике, в силу ее неустойчивости, должны быть сведены к минимуму.

Е.С. Трезубов

НОВЫЕ И УВЕЛИЧЕННЫЕ ГОСПОШЛИНЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: КАК ПРЕОДОЛЕВАТЬ НИЗКОЕ КАЧЕСТВО ЗАКОНА?

С 9 сентября 2024 г. вступили в силу изменения норм гл. 25.3 НК РФ, устанавливающие новые основания для уплаты государственной пошлины за обращение в суд, существенно увеличившие размер существующих ставок, сокращающие льготы при обращении в судебные органы². В первоначальном тексте законопроекта, внесенного Распоряжением Правительства РФ № 614-р 15.03.2024 г. в

¹ Савельев Д.А. «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов: аналитическая записка / под ред. Д.А. Скугаревского. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2021. (Аналитические записки по проблемам правоприменения. 2021. Вып. 1). С. 4.

² Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4955.

Государственную Думу и принятого в первом чтении 25.06.2024 г., не было положений, связанных с изменением указанных выше статей Налогового кодекса. Соответствующие правки, вдвое увеличившие объем законопроекта, были представлены в тексте, переданном в Госдуму для рассмотрения во втором чтении, т.е. в обход общего правила об общественном обсуждении законопроекта и вне рамок результатов обсуждения и поступивших замечаний на проект нормативного акта¹. Разработчики законопроекта, по всей видимости, так стремились пополнить бюджет отменой ряда льгот и многократным повышением размера пошлин, что совершенно упустили из виду, что отдельные положения, касающиеся оплаты госпошлины, предусмотрены еще и процессуальными кодексами, нормы которых остались неизменными.

Так, парадоксальная ситуация произошла в связи с признанием утратившим силу пп. 7 п. 1 ст. 333.36 НК РФ, которым устанавливалась льгота по оплате государственной пошлины за подачу административного иска о признании незаконными решений, действий, бездействия судебных приставов-исполнителей. Теперь при обращении с таким требованием в суд общей юрисдикции административный истец вынужден оплатить пошлину. А в арбитражном процессе в силу ч. 2 ст. 329 АПК РФ заявитель освобожден от оплаты госпошлины. Та же ситуация будет при рассмотрении жалоб (заявлений) на постановления административных органов или должностных лиц по делам об административных правонарушениях. Предусмотренная в пп. 7 п. 1 ст. 333.36 НК РФ льгота при обращении в суд общей юрисдикции была отменена, в то же время подаваемое в арбитражный суд заявление об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности госпошлиной не облагается (ч. 4 ст. 208 АПК РФ). Несмотря на то, что в ст. 333.37 НК РФ такие льготы не установлены, Верховным Судом

¹ Паспорт проекта Федерального закона № 577665-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» (в части реализации отдельных положений основных направлений налоговой политики) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

РФ в Обзоре № 2,3 за 2024 г.¹ сформулирована позиция о необходимости применения положений ст. 208 и 329 АПК РФ. Однако данная льгота распространяется только на обращение в арбитражный суд первой инстанции.

Таким образом, в одинаковых по своей сути правоотношениях ответ на вопрос о необходимости оплаты государственной пошлины будет зависеть от компетенции суда, рассматривающего дело. Разумеется, это свидетельствует лишь о непродуманности законопроекта, неудовлетворительном качестве правотворческой деятельности.

Особенности оплаты государственной пошлины предусмотрены не только приведенными выше нормами ч. 4 ст. 208 и ч. 2 ст. 329 АПК РФ, но и рядом иных статей процессуального кодекса, в связи с чем возникает вопрос о способах преодоления существующих коллизий. В частности, ч. 4 ст. 90 АПК РФ закрепляет механизм определения размера госпошлины при подаче заявления о принятии предварительных обеспечительных мер и обеспечительных мер по ходатайству стороны третейского соглашения – в размере пошлины при подаче заявления об экзекватуре арбитражного решения. В соответствии с ч. 6 ст. 230 АПК РФ, заявление об отмене третейского решения оплачивается госпошлиной в том же размере, что и заявление о его принудительном исполнении. Приведенные положения не учитывают, что в связи с изменениями, внесенными Федеральным законом № 259-ФЗ, ст. 333.19 и 333.21 НК РФ предусматривают специальный размер пошлины за подачу стороной арбитражного соглашения заявления о принятии компетентным судом обеспечительных мер, а также за рассмотрение заявления об отмене третейского решения. А с учетом введения динамической модели определения раз-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024); Вопросы применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, возникшие в связи со вступлением в силу Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» и касающиеся уплаты государственной пошлины при рассмотрении дел в судах, ответ на вопрос № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

мера пошлины в делах об экзекватуре третейского решения рассчитать размер пошлины за рассмотрение заявления о принятии предварительных обеспечительных мер по правилам ч. 4 ст. 90 АПК РФ в принципе невозможно¹.

Несовершенство правового регулирования придется преодолеть на практике, но важно помнить, что налоговое законодательство не допускает применения норм по аналогии², что означает необходимость четкого следования формулировкам Налогового кодекса. Например, если пп. 17 п. 1 ст. 333.21 НК РФ установлено требование об оплате пошлины за рассмотрение заявления *об обеспечении иска*, то все еще актуальной необходимо признать позицию Пленума ВАС РФ: гл. 25.3 НК РФ не предусмотрена уплата госпошлины при заявлении ходатайств о встречном обеспечении (ст. 94 АПК РФ), об обеспечении исполнения судебных актов (ст. 95, 100 АПК РФ), о приостановлении исполнения решения публичного органа или должностного лица (ч. 3 ст. 199 АПК РФ)³. Недопущение аналогии в применении законодательства о налогах и сборах, буквальное применение положений Налогового кодекса РФ – единственный способ борьбы с неудовлетворительным качеством внесенных изменений.

Согласно положениям ст. 90 ГПК РФ, ст. 102 АПК РФ, ст. 104 КАС РФ, основания и порядок уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки уплаты устанавливаются законодательством о налогах и сборах. Таким образом, именно Налоговый кодекс РФ должен признаваться *lex*

¹ Трезубов Е.С., Розе М.А. Обеспечительные меры в арбитражном процессе в условиях новых госпошлин // Российский судья. 2025. № 3. С. 18.

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.1999 № 41 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства, регулирующего особенности налогообложения банков». П. 7 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах». П. 27, 29 (признано не подлежащим применению в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.11.2024 № 32 «О признании утратившими силу и не подлежащими применению отдельных разъяснений по вопросам применения законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в судах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

specialis при преодолении коллизий правового регулирования. Регулирование вопросов оплаты госпошлины процессуальным законодательством является избыточным, соответствующие нормы должны быть отменены.

О.П. Шальнева

ПОВОРОТ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА

Судебный приказ выносится мировым судьей по требованиям, предусмотренным ст. 122 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ (далее – ГПК РФ), и арбитражным судом о взыскании денежных сумм по требованиям, предусмотренным ст. 229.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ² (далее – АПК РФ).

Должник может узнать о выданном судебном приказе после того, как начат процесс принудительного исполнения, т.е. за сроком подачи возражений. Такая ситуация возникает тогда, когда должник не был своевременно уведомлен о вынесенном постановлении и не получил копию судебного приказа по различным обстоятельствам (ошибка суда, смена адреса до обращения взыскателя за судебным приказом, иные причины, связанные с личностью должника).

Указав на невозможность подачи возражений своевременно (ч. 5 ст. 229.5 АПК РФ и ч. 2 ст. 129 ГПК РФ), должник имеет право подать свои возражения после окончания установленного десятидневного срока.

Главы, посвященные приказному производству в ГПК РФ и АПК РФ, не содержат норм, определяющих порядок поворота судебного приказа после отмены такого приказа. В судебной практике применяется аналогия закона по нормам, указанным в ст. 443–444 ГПК РФ и ст. 325–326 АПК РФ, предусматривающим возможность поворота

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5071.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

исполнения решения суда и порядок рассмотрения этого процессуального вопроса.

При отмене судебного приказа закон не обязывает судью самостоятельно произвести процедуру поворота исполнения данного судебного приказа. Такой поворот производится только по отдельному заявлению должника.

ГПК РФ и АПК РФ не содержат норм, не допускающих поворота исполнения при отмене судебного приказа в случае подачи иска по тем же требованиям.

При этом Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 62 от 27.12.2016 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»¹ фактически принял на себя законотворческую роль и установил, что отмена судебного приказа является самостоятельным основанием для поворота исполнения судебного приказа, если на момент подачи заявления о повороте исполнения судебного приказа или при его рассмотрении судом не возбуждено производство по делу на основании поданного взыскателем искового заявления. При этом сделав ссылки только на общие нормы рассмотрения вопроса о повороте исполнения решения (ст. 443 ГПК РФ, ст. 325 АПК РФ).

Таким образом, если судебный приказ исполнен, но отменен и подано исковое заявление по этим же требованиям, в повороте исполнения судебного приказа судья должен отказать.

Фактически отказ в повороте исполнения судебного приказа в случае подачи иска выполняет функцию обеспечительной меры до рассмотрения дела по существу и подменяет собой положения об обеспечении иска. Но возможность взыскать убытки, понесенные в связи с обеспечением иска, как предусматривает ст. 146 ГПК РФ, или убытки или компенсации по ст. 98 АПК РФ, не предусмотрена. Также у ответчика по делу отсутствует возможность взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами в порядке

¹ Постановление Пленума ВС РФ № 62 от 27.12.2016 (с изменениями от 5 апреля 2022 г. № 2). URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8535/> (дата обращения: 25.01.2025).

ст. 395 Гражданского кодекса РФ с момента отмены судебного приказа до вынесения решения об отказе в иске, поскольку у истца имелись законные основания, утвержденные в вышеуказанном Постановлении, не возвращать полученное по судебному приказу до рассмотрения требований истца по существу.

Если в гражданском деле по исковому производству после отмены судебного приказа нет информации о таком определении, нет информации об исполнении судебного приказа, то суд вынесет решение об удовлетворении требований истца. В этом случае произойдет двойное взыскание с ответчика: по отмененному судебному приказу, по которому отказано в повороте исполнения, и по решению суда, вынесенному после отмены судебного приказа. При пассивной позиции ответчика в деле (не являлся в процесс, не направил возражения на иск и т.д.) решение вступит в законную силу. Возникает еще одна правовая неопределенность – устранение последствий двойного исполнения.

Какие процессуальные действия возможно предпринять ответчику для разрешения вопроса двойного взыскания?

Первый вариант действий: повторно обратиться к судье, отменившем судебный приказ о повороте исполнения судебного приказа, в связи со взысканием по решению суда. Второй – обратиться с заявлением о пересмотре решения, вынесенного по иску по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку при вынесении решения суд должен устанавливать, произведено ли взыскание по судебному приказу полностью или в части, и указывать в решении об удовлетворении иска, но решение в исполнение не приводить в связи с ранее исполненным обязательством по судебному приказу. Третий – взыскать с истца неосновательное обогащение по исполненному судебному приказу.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Н.Г. Абрамова

К ВОПРОСУ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ УИС

Основной закон Российской Федерации устанавливает основные права и свободы человека и гражданина, в том числе в сфере защиты его прав. Развитие нашего отечества характеризуется широкомасштабной реформой общественно-политических, финансовых, общественных и правовых основ социальной жизни. Гуманные ценности, независимость, равноправие и полномочия гражданина являются приоритетными векторами развития нашего общества в целом и функционирования правоохранительных органов в частности. Успешное выполнение правоохранительных функций Федеральной службы исполнения наказаний кардинально зависит от деятельности полноштатного кадрового потенциала. Это возможно лишь в условиях обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), а также эффективного стимулирования их служебной деятельности, связанного с защитой прав и их социальных гарантий, что, безусловно, повысит уровень мотивации при прохождении службы.

Действующее законодательство декларирует многочисленные социальные гарантии сотрудников УИС, их обеспечение и защиту. Однако в условиях реального времени существуют определенные предпосылки, свидетельствующие о необходимости его совершенствования. Особого внимания заслуживают те трансформации, которые сегодня происходят в ходе проведения специальной военной операции, а также ее деструктивные последствия на территории Российской Федерации. С одной стороны, их участники становятся социально уязвимыми и требуют особого внимания и поддержки со

стороны государства, так как зачастую они лишены возможности применения своим способностям не только в силу своего физического состояния здоровья, но и отсутствия правового механизма защиты своих прав. С другой стороны, появление новых регионов, в которых с 20 октября 2022 г. Указом Президента Российской Федерации введен режим военного положения, также вносит свои коррективы в решение многих социальных аспектов. Конкретизируя это обстоятельство, точно заметим, что отнесение службы в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области к особым условиям службы сотрудников учреждений и органов УИС, а также установление предельных размеров ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия службы потребуют внесения соответствующих изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2013 г. № 95 «О ежемесячной надбавке к должностному окладу за особые условия службы сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти».

Представляется, что важнейшие направления социальной политики государства, нацеленные на установление и поддержание общественно необходимого материального и социального положения всех членов общества, в том числе сотрудников УИС, не лишены проблем защиты прав и социальных гарантий, которые находятся не только в сфере внимания их работодателей, но и ученых, занимающихся исследованием их различных аспектов¹.

¹ См.: Неустроева Н.Н. Вопросы социальных гарантий сотрудников УИС. Киров, 2020. 114 с.; Абрамова Н.Г., Волохова М.Б. Правовые основы стимулирования служебной деятельности сотрудников УИС посредством предоставления социальных гарантий // Образование и право. 2023. № 10. С. 324–327; Бочунова Б.Ш. Нормативно-правовое регулирование социальной защиты сотрудников УИС при прохождении службы в новых субъектах Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2023. № 31. С. 11–17; Ковалев О.Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы в свете реализации закона о прохождении службы в УИС // Образование и право. 2024. № 3. С. 545–548.

Д. Ван

ОБ ОСНОВАНИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА СОВМЕСТИТЕЛЕЙ

За последние годы не предпринималось каких-либо значительных изменений в правовом регулировании труда по совместительству, однако анализ правоприменительной практики демонстрирует либо недостатки действующего законодательства, либо распространенные ошибки в его толковании, в том числе судебными органами¹. Актуальность проблемы также связана с распространенностью как внутреннего, так и внешнего совместительства. Судебная практика показывает, что работодатели зачастую принимают по совместительству работника без наличия основной работы, так как для них привлекательно дополнительное основание прекращения трудового договора по ст. 288 ТК РФ (в связи с приемом работника, для которого данная работа станет основной). Само наличие подобного основания неоднократно подвергалось критике в научной литературе².

Не углубляясь в дискуссию об обоснованности закрепления в ТК РФ самого дополнительного основания увольнения, отметим, что практика приема на работу по совместительству лиц без основной работы абсолютно незаконна и при выявлении в суде признается

¹ См., например: Довгань К.Е., Губернаторова Э.В., Коваленко Н.Е. Особенности правового регулирования прекращения трудовых отношений с совместителями // *Кадровик*. 2021. № 8. С. 71–77; Ершова Е.А. Правовое регулирование трудовых правоотношений по совместительству и совмещению // *Российское правосудие*. 2020. № 8. С. 75–87; Офман Е.М. Механизм осуществления субъективного права работодателя на заключение трудового договора и формирование его содержания // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2023. № 48. С. 138–148.

² Ершова Е.А. Правовое регулирование трудовых правоотношений по совместительству и совмещению... С. 81–83; Кичигин С.В. О правовой природе института совместительства и обоснованности дифференциации его нормативного регулирования // *Антиномии*. 2021. Т. 21, № 1. С. 86–87.

основной занятостью. Но если отношения с основным работодателем прекращены после трудоустройства по совместительству, ситуация после этого ничем не будет отличаться от первой. Следовательно, нет оснований для отказа в исключении из трудового договора с бывшим совместителем информации о том, что он заключен по совместительству.

В литературе¹ и судебной практике сложилось иное мнение: работодатель не обязан, а имеет право изменять условие о совместительстве у работника после утраты его основной занятости. Такая практика опирается на Письмо Роструда от 22 октября 2007 г. № 4299-6-1, где разъяснено, что «автоматически» договор о работе по совместительству не модифицируется. Однако, во-первых, письма органов исполнительной власти не источники права, а его разъяснения, а во-вторых, из этого письма не следует, что работодатель имеет право отказать работнику, заявившему о необходимости изменить тип договора после лишения основной работы.

Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность ст. 318 ТК РФ, также указал, что «по смыслу ч. 4 ст. 282 ТК во взаимосвязи с его ст. 72 – договор... при отсутствии соглашения сторон об изменении его условий не может быть признан трансформированным в договор об основной работе, поскольку в формально-юридическом смысле он сохраняет свое прежнее правовое значение. Тем самым ... до внесения изменений в трудовой договор о работе по совместительству такая работа юридически не может признаваться для работника основной, даже если после его увольнения она становится единственной и будет оставаться таковой» (п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2024 г. № 54-П/2024).

Представляется, такой подход исходит из неправильной оценки характера причин, служащих основанием для особого регулирования. Такие причины заключаются в специфике работника – он имеет основную работу, что допускает снизить уровень его юридической защиты. Между тем в литературе чаще указывают, что особенности

¹ Петров А.Я. Совмещение профессий и совместительство: трудовая правовая сторона // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 190–194.

правового регулирования совместительства вытекают из объективных факторов (особенность правовой связи сторон)¹. Однако в самой правовой связи нет никаких особенностей, кроме следующих из наличия основной работы, т.е. необходимости ограничить рабочее время и предоставить возможность использования отпуска.

Соглашаясь с Ю.А. Михайленко и другими авторами², считаем, что совместительство не особенность работы, а свойство работника. При его утрате (потере основной работы) он автоматически утрачивает статус совместителя. С этого момента специальные правила о совместительстве не могут к нему применяться, также как нельзя применять нормы о труде несовершеннолетних к работнику, который в период работы достиг восемнадцати лет. Но в отличие от информации о возрасте работника информация об утрате основной занятости второму работодателю неизвестна, поэтому согласимся также, что юридическое значение должно придаваться факту сообщения об этом работником работодателю³. Как указывает Е.М. Офман, желательна закрепление в ТК РФ правила, что «защите подлежат только те права, о которых предварительно было заявлено управомоченным лицом»⁴. Таким образом, при сообщении работником второму работодателю об утрате статуса «занятый по основной работе» он обязан сразу отразить это в трудовом договоре, а также в трудовой книжке и сведениях о трудовой деятельности. С этого момента у работника нет права на предоставление отпуска одновременно с основной работой, а у работодателя права уволить его со ссылкой на ст. 288 ТК РФ, также не действуют ограничения количества рабочего времени. Следовательно, стороны вправе, но уже по соглашению сторон, изменить рабочее время с неполного на нормальное. Таким образом, после информирования второго работодателя, но без такого дополнительного соглашения договор с бывшим

¹ Педченко Л.А. Особенности правового регулирования труда лиц, работающих по совместительству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12–13.

² Михайленко Ю.А., Парубов А.И., Шаханина С.В. Теоретические подходы к основаниям дифференциации в трудовом праве // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 2. С. 153–162.

³ Там же. С. 158.

⁴ Офман Е.М. Механизм осуществления субъективного права работодателя на заключение трудового договора и формирование его содержания. С. 140.

совместителем ничем не отличается от договора о работе на неполное рабочее время.

Ц. Ван

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ КАК ПРИЗНАКЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Традиционно основным критерием определения трудовых отношений в России является юридическая зависимость работника от работодателя. Эти нормы развивались в советский период¹ и до сих пор занимают неотъемлемое место в современной российской правовой системе. С течением времени появляются новые формы занятости, такие как телеработа и работа на цифровых платформах, и иные формы труда, которые заставляют по-новому взглянуть на работника как на традиционного субъекта трудовых отношений¹. На этом фоне значение экономической зависимости в определении трудовых отношений становится все более заметным.

На Россию также повлияла международная тенденция включения экономической зависимости в качестве характеристики трудовых отношений в Рекомендацию Международной организацией труда № 198 «О трудовых отношениях» 2006 г. Несмотря на то, что Верховный Суд РФ неоднократно ссылался на критерии МОТ, подчеркивая и важность экономической зависимости, в прошлом она была менее вероятным ключевым фактором при разрешении дел судами низшей инстанции².

¹ Михайленко Ю.А. Основные тенденции развития трудового законодательства в условиях цифровизации общественных отношений // Правоприменение в публичном и частном праве. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 140–144.

² Михайленко Ю.А., Прасолова И.А. Оценка судами юридической и экономической зависимости при признании отношений трудовыми // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 9–13.

В Китае разграничение трудовых договоров в основном основывается на Законе о труде Китайской Народной Республики¹ и Законе о трудовых договорах Китайской Народной Республики². Трудовые отношения имеют значительный подчиненный характер, что является ключевым фактором, позволяющим отличить их от отношений по гражданскому договору. Подчинение охватывает три аспекта: подчинение личности, экономическое подчинение и организационное подчинение. Личностная подчиненность проявляется в том, что работники должны строго соблюдать правила и нормы, установленные работодателем, безоговорочно принимать организацию труда и управление работодателем, полностью подчиняться его указаниям и распоряжениям в процессе работы. Экономическое означает, что основным источником дохода для работника является вознаграждение, выплачиваемое работодателем, и что тот в значительной степени зависит от работодателя и полагается на этот доход для поддержания своих собственных и семейных повседневных расходов. В силу организационного подчинения работник становится неотъемлемой частью организационной системы работодателя, работает в соответствии с установленной им организационной структурой и рабочим процессом, а также тесно сотрудничает с другими работниками для достижения деловых целей работодателя.

В китайской судебной практике при определении характера договора суд уделяет особое внимание субординационным характеристикам трудовых отношений. Руководящие и типичные дела, изданные Верховным народным судом КНР, сыграли важную роль в руководстве судами всех уровней при рассмотрении аналогичных дел. Например, в споре между работником и платформой доставки, все стороны проанализировав необходимость строгого соблюдения работником правил доставки, установленных платформой, строгие

¹ Принят на 8-м заседании Постоянного комитета ВСНП восьмого созыва 5 июля 1994 г. // Всекитайское собрание народных представителей. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/97d3605c8d1440989932799850d3d796.shtml>

² Принят на 28-м заседании Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва 29 июня 2007 г. // Всекитайское собрание народных представителей. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201212/496759288c694830a266925795789c66.shtml>

ограничения на рабочее время со стороны платформы, а также тот факт, что доход в основном складывался из вознаграждения платформы за доставку заказов, суд пришел к выводу о наличии трудовых отношений между работником и платформой. В других спорах о временных трудовых договорах между физическими лицами, если одна сторона лишь время от времени оказывает услуги другой стороне, между ними отсутствуют отношения управления и руководства, а выплата вознаграждения не является регулярной, суд обычно приходит к выводу, что такие договоры являются гражданско-правовыми договорными отношениями.

С бурным развитием интернет-экономики отношения между работниками и работодателями становятся расплывчатыми и сложными. Например, в случае с онлайн-такси существуют различные формы договоров между водителями и платформами, и трудно четко разграничить степень автономии водителя и степень управления со стороны платформы, что делает проблемным выявление правовой природы отношений.

В связи с вышеуказанными проблемами России необходимо доработать критерии экономической зависимости, уточнить, как научно и обоснованно определить основной источник дохода работника в случае наличия нескольких источников дохода. В то же время следует усилить оперативное руководство для нижестоящих судов, стандартизировать распределение бремени доказывания и обеспечить справедливость и точность судебных решений.

Китай, со своей стороны, должен и далее совершенствовать правила определения субординационных характеристик с учетом особенностей новых форм занятости. С учетом конкретных обстоятельств и практических особенностей различных отраслей следует разработать более целенаправленные и действенные стандарты вынесения решений. Кроме того, обеим странам следует укреплять сотрудничество между судебными органами и департаментами трудовой администрации, создать эффективный механизм обмена информацией, а также оперативно и надлежащим образом решать различные проблемы, возникающие в процессе определения трудовых отношений при новой форме занятости.

Е.В. Гаврилов

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН, БОЛЬНЫХ ФЕНИЛКЕТОНУРИЕЙ, В СУБЪЕКТАХ РФ

Фенилкетонурия – это генетическое заболевание, в основе которого лежит нарушение метаболизма аминокислот, характеризующееся повышенным содержанием фенилаланина в крови и приводящее к тяжелому нарушению нервно-психического развития.

Основным методом лечения фенилкетонурии является соблюдение специальной диеты с использованием специализированных продуктов лечебного питания. Диета пациента основывается на использовании продуктов питания с низким содержанием фенилаланина в сочетании с аминокислотными смесями. Зачастую такая диета является достаточно затратной, поэтому гражданам, больным фенилкетонурией, и (или) их родителям, законным представителям, необходимы меры социальной поддержки.

В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, сохранение и укрепление общественного здоровья; социальная защита, включая социальное обеспечение, относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ. Этому корреспондируют положения Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Согласно ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», органы государственной власти субъекта РФ вправе устанавливать за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением финансовых средств, передаваемых из федерального бюджета бюджету субъекта РФ на осуществление целевых расходов) дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан... *вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право.*

Во многих субъектах РФ гражданам, больным фенилкетонурией, и (или) их родителям, законным представителям, установлены меры социальной поддержки. При этом изучение регионального законодательства (по состоянию на 01.02.2025) показало, что меры социальной поддержки, категории получателей и уровень нормативного закрепления мер поддержки отличаются.

Так, в большинстве субъектов РФ, предусматривающих меры социальной поддержки больным фенилкетонурией, предоставляются *ежемесячные денежные выплаты (пособия)* (например, в Республике Адыгея, Республике Коми, Республике Мордовия, Белгородской, Брянской, Вологодской, Иркутской, Ленинградской, Мурманской, Нижегородской, Новосибирской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Саратовской, Челябинской областях) в размере от 583 руб. (в Новосибирской области) до 24 тыс. руб. (в Республике Коми).

В некоторых регионах представляется возмещение расходов на оплату малобелковых продуктов питания (в Республике Дагестан, Оренбургской области) либо бесплатно предоставляются белковые гидролизаты, специальное питание (продуктовый набор), т.е. используется натуральная форма поддержки (в Республике Бурятия, Пермском, Приморском, Ставропольском краях).

Кроме того, во всех субъектах РФ детям-инвалидам, больным фенилкетонурией, предоставляются специализированные лечебные продукты питания (см. Перечень специализированных продуктов лечебного питания для детей-инвалидов, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 11.12.2023 № 3551-р). Так, например, в Красноярском крае все дети, больные фенилкетонурией, за исключением 5 человек, имеют статус ребенка-инвалида. Они получают меры социальной поддержки, полагающиеся для инвалидов, а в отношении 5 человек, не относящихся к категории «ребенок-инвалид», специализированные продукты лечебного питания закупаются КГБУЗ «ККМГЦ» за счет средств краевого бюджета в рамках государственной программы Красноярского края «Развитие здравоохранения», утвержденной постановлением Правительства Красноярского края от 30.09.2013 № 516-п.

В субъектах РФ получателями мер поддержки являются либо граждане старше 18 лет, больные фенилкетонурией, и родители (за-

конные представители) детей, больных фенилкетонурией (например, в Мурманской, Саратовской областях), либо только сами больные (например, в Астраханской области), либо, как в большинстве субъектов РФ, только *родители (законные представители) больных детей* (например, в Белгородской, Брянской, Вологодской, Иркутской, Нижегородской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Челябинской областях).

Меры социальной поддержки больных фенилкетонурией установлены либо *законами субъектов РФ* (например, в Республике Адыгея, Республике Коми, Астраханской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Иркутской, Ленинградской, Новосибирской, Пензенской, Ростовской, Саратовской, Челябинской областях), либо постановлениями высшего исполнительного органа субъекта РФ (например, в Приморском крае, Мурманской, Нижегородской, Оренбургской, Псковской областях), либо указом высшего должностного лица субъекта РФ (в Республике Мордовия). В некоторых случаях инициатива принятия указанных нормативных правовых актов исходила от органов прокуратуры¹.

Таким образом, изучение регионального правового регулирования мер социальной поддержки граждан, больных фенилкетонурией, показало, что указанные меры, категории получателей и уровень нормативного закрепления мер социальной поддержки в субъектах РФ отличаются.

¹ См., например: Игонина Н.А. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Уроки пандемии // Социальное и пенсионное право. 2021. № 2. С. 14–19; Торговченков В.И. Реализация полномочий прокурора в нормотворческом процессе как один из наиболее эффективных способов защиты интересов граждан // Законность. 2024. № 4. С. 3–6.

К.В. Гранкин

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ

В научной литературе государственную социальную помощь часто рассматривают как организационно-правовую форму социального обеспечения¹, вид социального обеспечения² или источник его финансирования³. Тщательный анализ этих подходов позволяет утверждать, что они не отражают подлинной юридической природы не только государственной социальной помощи, но и более широкой категории – социально-обеспечительной помощи в целом.

Социально-обеспечительная помощь не является организационно-правовой формой. Ключевым системообразующим критерием организационно-правовой формы в праве социального обеспечения выступает способ аккумуляирования финансовых средств. В соответствии с этим выделяются две основные формы: 1) обязательное социальное страхование и 2) обеспечение за счет бюджетных ассигнований. Предложения некоторых ученых о выделении «смешанной» формы представляются необоснованными, так как в этом случае отсутствует единый способ формирования финансового источника; имеет место лишь одновременное применение двух самостоятельных механизмов финансирования к одной категории граждан. Социально-обеспечительная помощь не обладает собственным, уникальным способом формирования финансовых источников, а реализуется через обе указанные формы. Ее проявления можно обнаружить как в сфере обязательного социального страхования (например, пособия по вре-

¹ См., например: Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 449 с.

² См., например: Сулейманова Г.В. Право социального обеспечения: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 430 с.

³ См., например: Право социального обеспечения : учебник для академического бакалавриата / под ред. В.Ш. Шайхатдинова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 717 с.

менной нетрудоспособности, по беременности и родам), так и в системе бюджетного финансирования (региональные пособия на ребенка, адресная помощь малоимущим, многие виды социальных услуг). Следовательно, помощь не отвечает ключевому признаку формы – собственному способу аккумуляции средств, а «растворяется» в существующих финансово-правовых механизмах.

Социально-обеспечительная помощь не является видом социального обеспечения. В теории права социального обеспечения вид – это конкретное, индивидуализированное материальное благо (денежная выплата, услуга, льгота в натуральной форме), которое передается нуждающемуся в качестве объекта правоотношения¹. Помощь же представляет собой систему (совокупность) таких разнородных предоставлений, объединенных единой функциональной (целевой) направленностью – оказанием материальной поддержки. Она не является тем объектом (пенсией, пособием и т.д.), который переходит к получателю. Напротив, она воплощается в предоставлении множества таких объектов. Законодательное определение государственной социальной помощи как «предоставления... социальных пособий, субсидий, услуг...» подтверждает этот вывод: помощь – это деятельность (система мер) по предоставлению, а не сам передаваемый объект. Таким образом, помощь выступает классификационным, собирательным понятием, объединяющим несколько видов обеспечения на основе общей цели.

Социально-обеспечительная помощь не является источником финансирования. Высказываемые в литературе идеи о том, что помощь можно рассматривать как финансовый источник, основаны на терминологической неточности. Правильнее говорить не «средства социальной помощи», а «средства, выделяемые на финансирование социальной помощи». Помощь как система мер сама требует финансового обеспечения извне – либо за счет страховых взносов, либо за счет бюджетных ассигнований. На это прямо указывает множество законодательных норм, детально регулирующих вопросы разграничения расходных обязательств между федеральным

¹ См., например: Право социального обеспечения России : учебник / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев, Е.И. Бутенко и др. ; под ред. Д.В. Агашева, В.С. Аракчеева. Томск, 2015. 508 с.

и региональным уровнями при финансировании различных поддерживающих мер¹.

Следовательно, подлинная юридическая природа социально-обеспечительной помощи заключается не в том, как она финансируется или что конкретно предоставляется, а зачем это делается. Она выражает одну из двух фундаментальных целей (функций) всей системы социального обеспечения – цель оказания материальной поддержки для преодоления временной, дополнительной или частичной нуждаемости. Вторая цель – это предоставление социально-обеспечительного содержания как основного и постоянного источника средств к существованию (прежде всего, через пенсии). Помощь носит вспомогательный, дополнительный, часто временный характер, что отличает ее от содержания. Эта целевая установка служит главным критерием для объединения в единое понятийное поле самых разнородных видов обеспечения (пособий, компенсаций, льгот, отдельных услуг), направленных именно на поддержку, а не на полное жизнеобеспечение.

Место в системе права социального обеспечения. Как системообразующая целевая установка социально-обеспечительная помощь должна получить нормативное закрепление в Общей части права социального обеспечения, в рамках основного института, определяющего цели, задачи и принципы отрасли.

Непосредственное правовое регулирование отношений по оказанию помощи осуществляется нормами Особенной части, которые группируются в различные правовые институты (например, институт пособий, льгот, социальных услуг). Однако совокупность этих норм не образует единого института или подотрасли, поскольку регулируемые отношения слишком разнообразны по субъектам, объектам и юридическим фактам и лишены необходимой степени однородности. Помощь остается научной категорией, сквозным целевым ориентиром, пронизывающим несколько самостоятельных институтов Особенной части.

¹ См., например, ст. 4 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

Н.В. Демидов

РАСШИРЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ КАТЕГОРИЙ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДИТЬСЯ (ст. 234 ТК РФ)

Действующее законодательство России о труде закрепляет ряд оснований материальной ответственности работодателя перед работником. Одним из оснований является незаконное лишение работника возможности трудиться. Статьей 234 ТК РФ в нее включены следующие конкретные случаи:

- незаконное отстранение работника от работы;
- незаконное увольнение;
- незаконный перевод на другую работу;
- неисполнение решения органа по рассмотрению трудовых споров или государственного правового инспектора труда о восстановлении работника на работе;
- задержка работодателем выдачи работнику трудовой книжки, предоставления сведений о трудовой деятельности, внесения в трудовую книжку, в сведения о трудовой деятельности неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения.

Представленный перечень обладает единой характеристикой: нарушения прав и законных интересов работника носят формальный, документированный характер. Отстранение, увольнение, перевод и проч. оформляются соответствующими актами, достаточно легко выявляются юрисдикционными и надзорными органами. В отсутствие документационного оформления увольнение или отстранение вообще нельзя считать состоявшимися, и в таких случаях следует вести речь о простом, нежели об увольнении или переводе.

Действующий список ст. 234 ТК РФ имеет устоявшийся характер и закреплен в кодексе с момента его принятия, в 2019 г. претерпел некоторую редакцию лишь абзац о нарушениях, связанных с трудовой книжкой.

Между тем практика реальных трудовых отношений демонстрирует неполноту имеющегося перечня. Помимо указанных оснований, реальные трудовые отношения между работником и работодателем знают форму незаконного лишения возможности трудиться,

не связанную с надлежащим документационным оформлением и не известную кодексу. Таково фактическое непредставление работы или воспрепятствование в ее осуществлении.

Фактическое непредставление работы может выражаться в различных внешних проявлениях. Работнику может быть прекращен доступ к корпоративной электронной почте, корпоративной телефонии и электронным мессенджерам, посредством которых он осуществляет трудовую деятельность и не имеет возможности действовать без них – в частности, при дистанционной работе¹. Работодатель может также прекратить физический доступ работника на территорию организации, аннулировать ему электронный пропуск или дать распоряжение службе безопасности не пропускать работника через пункт контроля².

Важно, что работник лишается прежней работы фактически, без оформления увольнения или перевода. При этом он теряет как возможность трудиться, так и заработную плату, однако для него не существует перспектив сослаться на ст. 234 ТК РФ в защите своих прав. Зачастую работник находится в состоянии фактического увольнения, однако не может заявить иски о восстановлении на работе – формально увольнение не совершалось.

Действующее законодательство позволяет квалифицировать такое состояние работника как простой и воспользоваться нормами об оплате простоя, закрепленными в ст. 157 ТК РФ. Между тем простой оплачивается в ограниченном размере. Подобный подход видится не вполне обоснованным: неясно, почему оформленное увольнение влечет выплату заработка в полном объеме, а неоформленное – в размере 2/3 заработной платы.

С учетом изложенного видится правильным дополнить перечень ст. 234 ТК РФ основанием в виде незаконного непредоставления работнику работы или воспрепятствования работнику в осуществлении трудовой деятельности.

¹ Решение Ленинского районного суда г. Томска от 23.05.2023 г. по делу № 2-116/2023.

² Решение Ленинского районного суда г. Томска от 21.08.2020 г. по делу № 2-299/2020.

Д.В. Егоров

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ ТРАНСПОРТА

Транспортная отрасль в Российской Федерации имеет важное значение для экономики страны, поскольку именно большая сеть автодорог соединяет между собой населенные пункты, промышленные и иные объекты, позволяя обеспечивать все звенья производственной цепочки необходимыми материалами, сырьем и готовыми товарами. В этой связи представляется необходимым выделить имеющиеся проблемы правового регулирования труда основного массива работников в данной сфере, а именно водителей транспортных средств.

В настоящее время с целью уменьшения своих расходов многие как организации, так и индивидуальные предприниматели стремятся избегать трудовых отношений со своими фактическими работниками, либо вообще никак документально не оформляя взаимоотношения с этими лицами, либо подменяя их фиктивными гражданско-правовыми отношениями. На практике такие недобросовестные работодатели зачастую используют комбинацию из договора возмездного оказания услуг и договора аренды транспортного средства без экипажа, таким образом и оформляя хозяйственные взаимоотношения с таким лицом, и создавая правовое основание пользования транспортным средством.

Работники соглашаются на подобные уклонения от заключения трудового договора зачастую из-за страха перед работодателем, связанного с риском потери этой работы и проблемами с дальнейшим поиском новой в силу различных факторов. При этом большинство таких лиц не осознают все потенциально возможные негативные последствия своего выбора, поскольку лишаются всех гарантий, предоставляемых трудовым законодательством, и, в частности, гарантий, связанных с привлечением работника к материальной ответственности.

Нередко в процессе выполнения своей трудовой функции водитель может становиться участником дорожно-транспортных проис-

шествий (ДТП), вызванных нарушением им Правил дорожного движения Российской Федерации¹. В связи с частым возникновением разногласий относительно стоимости восстановительного ремонта транспортного средства лицо, которому был причинен вред в результате ДТП вследствие действий работника, обращается в суд за взысканием соответствующей суммы причиненного ущерба.

Трудовым законодательством, по общему правилу, предусматривается, что за причиненный ущерб работник несет материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами (ст. 241 ТК РФ). Дополнительно установлено, что материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба возлагается на работника в случае причинения ущерба в результате административного правонарушения, если таковое установлено соответствующим государственным органом (п. 6 ч. 1 ст. 243 ТК РФ).

По действующему законодательству работодатель несет обязанность по возмещению третьим лицам вреда, причиненного его работником при исполнении им трудовых обязанностей, и для возмещения такого вреда работодатель имеет право регрессного требования к своему работнику в размере выплаченной денежной суммы (ст. 1068, 1081 ГК РФ).

Однако Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях многие нарушения ПДД РФ не являются составом административного правонарушения и не влекут привлечение к административной ответственности (например, наезд на стоящее транспортное средство).

Как дополнительно разъяснил Верховный Суд РФ, полная материальная ответственность (возмещение причиненного ущерба в полном размере) может быть возложена на работника только в случае вынесения в отношении него постановления о назначении административного наказания или о прекращении производства по делу об

¹ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026836>

административном правонарушении в связи с его малозначительностью¹.

Таким образом, при наличии оформленных надлежащим образом трудовых отношений в случае причинения ущерба в результате ДТП и отсутствия факта привлечения к административной ответственности материальная ответственность работника ограничена средним месячным заработком. При отсутствии же трудовых отношений вышеуказанный случай возмещения ущерба будет регулироваться уже гражданским законодательством, по которому размер регрессных требований от владельца транспортного средства как источника повышенной опасности к причинителю ущерба не ограничен².

С учетом сказанного, а также сложившейся в настоящее время судебной практики видится необходимым при рассмотрении судами дел о взыскании в качестве регресса стоимости ущерба с лица, управлявшего транспортным средством, в пользу лица, являющегося владельцем этого транспортного средства, более подробно исследовать вопрос наличия либо отсутствия между данными лицами фактических трудовых отношений, поскольку только данным способом при существующем правовом регулировании возможно обеспечить защиту интересов работника как более слабой стороны трудовых правоотношений.

А.В. Жугин

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ

Применение к работнику любого из дисциплинарных взысканий требует необходимости учета работодателем тяжести совершенного проступка и обстоятельств, при которых он был совершен (ст. 192

¹ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю».

² Глава 59 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ТК РФ). Верховный Суд в целях реализации общеправовых принципов юридической ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм, также обязал работодателя представить доказательства, что при наложении взыскания им учитывались предшествующее поведение работника и его отношение к труду¹. Конституционный Суд, в свою очередь, указал на необходимость руководствоваться общими принципами юридической ответственности (в частности, такими, как справедливость, соразмерность, законность)² и оценивать предшествующее поведение работника, его отношение к труду и другие обстоятельства. Использование терминов «в частности» и «другие обстоятельства» свидетельствует об открытости перечня принципов и обстоятельств, имеющих значение для дела. Например, в общей теории права выделяют принцип индивидуализации ответственности (наказания), предполагающий учет особенностей личности нарушителя³. Данный принцип фактически применяется в судебной практике посредством учета семейного и материального положения работника⁴.

В своей системной связи принципы соразмерности, справедливости, гуманизма и индивидуализации ответственности теоретически порождают необходимость их учета применительно к тяжести наказания. Существует ли дифференциация тяжести взысканий в настоящее время?

Оценка увольнения как наиболее тяжелой меры ответственности не вызывает сомнений с позиции юридических последствий для работника. Между тем в формально-юридическом смысле не усматри-

¹ Пункт 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2010 № 1091-О-О.

³ Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017. С. 250–270; Иванов А.А. Индивидуализация в системе принципов юридической ответственности // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 72.

⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2022 по делу № 88-9504/2022.

вается возможность разграничения по тяжести выговора и замечания. Невзирая на это, суды признают замечание более мягким видом дисциплинарного взыскания¹. В отдельных решениях прямо отмечается, что замечание назначается лишь за незначительные нарушения². Вопреки суждениям арбитров, ч. 1 ст. 192 ТК РФ ограничивается перечислением замечания и выговора без определения их конкретного содержания. С точки зрения лексического толкования термины «замечание» и «выговор» тождественны и взаимозаменяемы³. В таких условиях решающим аргументом выступает и то обстоятельство, что п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ для формирования признака неоднократности неисполнения обязанностей требует наличия любого дисциплинарного взыскания как достаточного для увольнения, чем фактически уравнивает оба взыскания по юридической силе. В этой связи потенциальная возможность существования дифференциации не свидетельствует о возможности выявления более или менее тяжелого наказания в условиях действующего регулирования. Учитывая, что существование двух равнозначных взысканий не имеет смысла, а необходимость дифференциации вытекает из принципов юридической ответственности, видится возможным нормативное закрепление какого-либо соотношения замечания и выговора.

Второй аспект дифференциации взысканий – это проверка судами соответствия наказания конкретному проступку. Так, увольнение за появление на работе в состоянии опьянения признается несоизмеримым проступку, поскольку ранее по этому основанию работник к ответственности не привлекался, а нарушение имело место незадолго до конца рабочего дня в пятницу⁴. В другом деле работник, уволенный за драку, повлекшую несчастный случай на производ-

¹ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 13.11.2014 по делу № 33-9566/2014; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2024 № 88-12419/2024.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.02.2024 по делу № 33-2036/2024.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <https://www.slovarozhegova.ru/>

⁴ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 № 88-22581/2022.

стве, был восстановлен на работе в том числе ввиду раскаяния и последующей помощи пострадавшему¹. Драка в подземной шахте, где на стенах имеются выступы горной породы, не является поводом к увольнению, поскольку не свидетельствует об угрозе наступления последствий². Работник систематически уходил с работы раньше и был уволен за неоднократное неисполнение обязанностей. Аналогично восстановлен на работе в том числе по причине отсутствия неблагоприятных последствий для работодателя³.

Последствия такого подхода судов более чем существенны для отрасли трудового права. В науке выделяется ее воспитательная функция, которая, в частности, направлена на устранение и предотвращение нарушений, допущенных работником⁴. В.М. Лебедевым выдвигалась концепция, согласно которой именно работодателю отводилась значимая роль в формировании правомерного поведения исполнителя (работника). Это обусловливается тем, что социально-трудовые нормы аккумулируют в себе социальные нормы и в условиях вертикально-ориентированной парадигмы трудовых отношений позволяют работодателю напрямую влиять на процесс воспитания работника и его самовоспитания⁵. Чрезмерная же благосклонность судов к работнику фактически приводит к утрате воспитательных начал в трудовом праве и отказу от реализации принципов справедливости и неотвратимости ответственности.

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 № 88-3273/2022.

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 № 88-14945/2023 по делу № 2-2065/2022.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 по делу № 88-15856/2024.

⁴ Миронов В.И. Трудовое право : учебник для вузов. М. : Проспект, 2020. С. 37.

⁵ Лебедев В.М. Трудовое право и акрибология (Общая часть). Томск, 2000. С. 7–46.

А.Ю. Зеленина

ЮРИДИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В теории права социального обеспечения постулируется, что для реализации материальных регулятивных норм права социального обеспечения необходимо совершение ряда последовательных действий, предусмотренных процедурными нормами: обращение уполномоченного лица с заявлением и необходимыми документами в компетентный орган, принятие заявления компетентным органом, проверка компетентным органом наличия основания и условий для получения определенного вида социального обеспечения, на которое претендует обратившийся субъект, вынесение компетентным органом решения (удовлетворение или отказ в удовлетворении заявления).

Такой набор юридических фактов до недавнего времени представлял собой классический юридический состав, обеспечивающий реализацию практически всех материальных регулятивных норм права социального обеспечения.

Между тем за последние несколько лет в регулировании социально-обеспечительных правоотношений произошли значительные изменения, результатом которых стало закрепление усеченных юридических составов, обусловленных внедрением практики беззаявительных механизмов реализации социально-обеспечительных прав. Такие изменения обусловлены развитием информационных технологий, спровоцировавшим расширение межведомственного взаимодействия органов социального обеспечения посредством использования электронного документооборота.

Изначально институт беззаявительных процедур появился в рамках пенсионного права. Первоначально в беззаявительном порядке стали осуществлять перерасчет размера страховой пенсии по возрасту в случае, если после ее назначения страхователем будут представлены сведения индивидуального (персонифицированного) учета

в отношении периодов работы, которые имели место до назначения пенсии и влекут увеличение ее размера, а также в связи с увеличением после назначения пенсии величины индивидуального пенсионного коэффициента; перерасчет размера фиксированной выплаты к страховой пенсии в связи с достижением пенсионером 80-летнего возраста либо при установлении группы инвалидности, которая дает право на более высокий размер пенсии.

В дальнейшем практика беззаявительных механизмов реализации была значительно расширена. Так, с 1 января 2022 г. пенсии по инвалидности назначаются также в беззаявительном порядке, при этом сведения о признании лица инвалидом поступают из Федерального реестра инвалидов. Таким образом, для назначения пенсии по инвалидности лицу, претендующему на ее получение, не нужно подавать заявление о назначении указанной пенсии, в данном случае материальное социально-обеспечительное правоотношение возникает из усеченного юридического состава. Представляется, что исключение из юридического состава, являющегося основанием назначения пенсии по инвалидности, факта подачи заявления на назначение пенсии, обусловлено особым статусом инвалидов, признанием государством объективной и априорной нуждаемости указанной категории граждан.

Кроме того, беззаявительный механизм был апробирован и используется для осуществления разовых выплат пенсионерам¹.

В отношении пенсий по старости необходимость подачи заявления на назначение пенсии сохранена.

Помимо пенсионных отношений, изменения коснулись также отношений по обеспечению пособиями.

Так, с 1 января 2022 г. без подачи соответствующего заявления назначается на основании электронного листка нетрудоспособности

¹ Так, автоматически в беззаявительном порядке были произведены единовременные денежные выплаты пенсионерам в соответствии с Федеральным законом от 22.11.2016 № 385-ФЗ «О единовременной денежной выплате гражданам, получающим пенсию». Также автоматически были осуществлены единовременные выплаты в соответствии с Указом Президента РФ от 24.08.2021 № 486 «О единовременной денежной выплате гражданам, получающим пенсию».

пособие по временной нетрудоспособности, при этом электронный листок нетрудоспособности формируется медицинской организацией и размещается в информационной системе Социального фонда России.

Также работникам не нужно писать заявления на получение пособия по беременности и родам и единовременного пособия при рождении ребенка. Фонд сам инициирует процедурные правоотношения по назначению этих выплат на основании электронного листка нетрудоспособности – в отношении пособия по беременности и родам и на основании записи в реестре ЗАГСа о рождении ребенка – в отношении единовременного пособия при рождении ребенка.

Таким образом, усеченные составы, являющиеся основанием возникновения социально-обеспечительных правоотношений, которые изначально появились как исключение из общего правила, постепенно расширяют сферу своего использования, затрагивая все больше социально-обеспечительных правоотношений, что, возможно, в ближайшем будущем именно усеченные юридические составы станут общим правилом реализации социально-обеспечительных прав.

Уже сейчас можно констатировать, что влияние развития информационных технологий на право социального обеспечения выразилось в трансформации макропроцедур, обслуживающих материальные регулятивные нормы права социального обеспечения, в микропроцедуры, инициируемые уполномоченными органами: ныне реализация многих материальных норм права социального обеспечения достигается посредством упрощенной (усеченной) процедуры, что, несомненно, свидетельствует о повышении гарантированности социально-обеспечительных прав граждан, учитывая, что данная процедура снимает риск нереализации социально-обеспечительных прав по причине неосведомленности или юридической неграмотности.

В.С. Максимов

ПРОФСОЮЗНАЯ ЗАЩИТА РАБОТНИКА ОТ НЕЗАКОННОГО УВОЛЬНЕНИЯ (ст. 374 ТК РФ)

Нередко оказывается, что фактическая защита трудовых прав работников профсоюзами ограничивается номинальным участием в соответствующих процедурах, выражающихся в предоставлении мотивированного мнения по тому или иному вопросу или предоставлении предложений для государственных органов о принятии законов и иных нормативных правовых актов, касающихся социально-трудовой сферы.

Стоит рассмотреть конкретные примеры гарантирующих функций профсоюзов и их реализацию на практике.

Так, ст. 374 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусматривает механизм защиты прав работника, который является руководителем выборного коллегиального органа профсоюзной организации, при его увольнении по соответствующим основаниям (п. 2, 3 ст. 81 ТК РФ). Данная норма подразумевает, что неполучение согласия профсоюза препятствует принятию окончательного решения об увольнении такого работника. Работодателю необходимо обращаться в суд с заявлением о признании отказа профсоюзной организации необоснованным. Такой механизм потенциально является действенной гарантией защиты прав работников отдельной категории.

Советским районным судом г. Брянска рассматривалось дело № 2-3033/2023¹ по иску ООО «Нестле Россия» о признании такого отказа органа профсоюза необоснованным. ООО «Нестле Россия» в связи с сокращением штата планировало уволить соответствующего работника и обратилось в профсоюзный орган за предварительным согласием на увольнение. Профсоюз ответил отказом, мотивировав его фактами дискриминации.

¹ Решение Советского районного суда г. Брянска от 14 июля 2023 г. № 2-3033/2023.

Суд удовлетворил требования работодателя и признал отказ профсоюза необоснованным, указав, что соответствующий профсоюзный орган по делам рассматриваемой категории обязан доказать обоснованность отказа в даче согласия на увольнение работника объективными обстоятельствами, дискриминационный характер увольнения, чего сделано якобы не было, несмотря на то, что профсоюзом приводились факты необоснованного расширения трудовых обязанностей работника, ограничения доступа в офис, лишения работающей техники после участия сотрудника организации в деятельности профсоюза.

Суд в ответ на эти доводы указал, что данные факты не доказывают дискриминационный характер непосредственного увольнения, а лишь указывают на нарушения трудовых прав работника в период осуществления трудовой деятельности и не могут рассматриваться в рамках настоящего спора.

К аналогичным выводам приходят вышестоящие суды¹.

При таких обстоятельствах представляется, что рассматриваемая норма фактически лишь заставляет работодателя соблюсти дополнительную формальность по обращению в суд с целью признания отказа профсоюза необоснованным, так как в обратном случае работник сможет обжаловать увольнение и восстановиться на работе, что также находит подтверждение в судебной практике (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.08.2023 по делу № 88-19852/2023).

Практика в пользу работника по данной категории дел складывается, например, при проведении сокращения вовсе без какого-либо логического обоснования, которое бы отвечало интересам хотя бы самого работодателя. Так, решением Миасского городского суда Челябинской области от 07.11.2023 г. по делу № 2-2951/2023 в удовлетворении требований работодателя о признании необоснованным решения профсоюза было отказано по причине неисполнения работодателем обязанности о предложении иных имеющихся у него вакансий. В таком случае профсоюзом гарантирующая функция была

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.12.2022 по делу № 88-28531/2022, Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 по делу № 88-20376/2022, Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2024 № 88-14393/2024.

выполнена в полном объеме. Тем не менее подобная практика встречается редко, а данное решение вовсе не обжаловалось.

Профсоюзная защита прав работника в целом на сегодняшний день видится малоэффективной. В качестве причин неэффективности стоит указать на отсутствие действенных и реальных механизмов по защите прав работников профсоюзами. Существующие механизмы по защите прав работников, на примере ст. 374 ТК РФ, не всегда выполняют свою функцию в полном объеме. Об эффективности деятельности профсоюзов также справедливо пишет Л.И. Филющенко: «Несовершенство законодательного обеспечения прав профсоюзов отрицательно сказывается на эффективности их деятельности»¹. Тем не менее трудовое правосознание всех участников трудовых правоотношений не может развиваться вовсе при условии отсутствия делегирования полномочий нормотворчества и регулирования отношений непосредственно субъектами этих правоотношений, что характерно для отрасли трудового права.

Представляется, что отсутствие реальных полномочий профсоюзов также связано с уходом в публично-правовую сферу отрасли трудового права в целом. При этом социальное партнерство должно быть инструментом, который позволяет работникам и работодателю урегулировать складывающиеся между ними отношения самостоятельно, избежать грубого централизованного регулирования возникающих вопросов.

¹ Филющенко Л.И. Некоторые проблемы правового регулирования отношений с участием профсоюзов // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-s-uchastiem-profsoyuzov> (дата обращения: 15.01.2025).

Р.Р. Назметдинов

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НЕТИПИЧНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современный рынок труда сталкивается с глубокими изменениями, вызванными цифровизацией экономики, развитием платформенной (гиг-) экономики, а также стремлением работников к гибкости и свободе выбора форм занятости.

Специалисты Международной организации труда выделяют четыре нестандартные формы занятости:

1. Временная занятость (срочные трудовые договоры, включая договоры для работ в рамках проекта или разовых заданий, сезонную работу; единичные работы, включая работы на один день).

2. Работа на условиях неполного рабочего времени (включая работу по запросу, а также договоры «с нулевым рабочим временем»).

3. Трудовое отношение более чем с двумя сторонами (заемный труд, субконтракты и др.).

4. Скрытая занятость или зависимая самозанятость (трудовые отношения, выдаваемые за гражданско-правовые, и др.)¹.

С развитием гибких форм занятости на рынке труда появляются новые модели нетипичных трудовых отношений, в том числе трудовые договоры с нулевым рабочим временем (zero-hours contracts). Эта форма вызывает значительный интерес со стороны работодателей, стремящихся к минимизации издержек.

Трудовой договор с нулевым рабочим временем – это соглашение между работодателем и работником, при котором работодатель не гарантирует определенного объема рабочего времени, а работник, соответственно, не имеет гарантированного дохода. Работа предоставляется эпизодически, по мере необходимости работодателя.

Основными признаками данного вида работ являются: отсутствие фиксированного графика работы, оплата только за фактически отработанное время, возможность как одностороннего отказа от работы, так и привлечения работника без предупреждения, нестабильность дохода.

¹ ILO. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. Geneva : International Labour Office, 2016. P. XXII.

Следует подчеркнуть, что действующее трудовое законодательство не позволяет заключать трудовые договоры без указания продолжительности рабочего времени работников, поскольку данное условие трудового договора является обязательным.

Большинство новых форм нетипичных трудовых отношений преследует цель сокращения затрат работодателей на оплату труда. В связи с этим «традиционные» трудовые отношения, предусматривающие полную занятость работников, становятся менее привлекательными для работодателей, стремящихся оптимизировать свои расходы на оплату труда. Это влечет за собой лишение работников многих гарантий, предусмотренных трудовым законодательством.

Г.Г. Паškова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Вопрос совершенствования понятийного аппарата ряда отраслей российского права постоянно находится в сфере внимания специалистов, обсуждается в научных кругах. В частности, многие специалисты в области права социального обеспечения неоднократно заявляли о несовершенстве и законодательных предписаний, и уязвимых доктринальных понятий¹. Более того, выявилась и все более обостряется проблема реализации многих положений действующего законодательства в системе здравоохранения. В частности, это выражается в отсутствии некоторых легальных понятий, в наличии нечет-

¹ См.: Благодир А.Л. К вопросу о понятиях и категориях как структурных элементах науки права социального обеспечения // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 8. С. 605–614; Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 1997. С. 19; Аракчеев В.С. Основополагающие понятия и категории права социального обеспечения Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Томск, 2019. С. 65–67.

ких, громоздких определений и терминов, что вызывает определенное беспокойство о состоянии правового обеспечения этой важнейшей сферы жизни общества.

В рамках данного исследования рассматривается один частный вопрос – отсутствие легального понятия врачебной ошибки. Термин «врачебная ошибка» используется не только в медицинских и юридических кругах, он фигурирует и в средствах массовой информации, «на слуху» в среде пациентов, их родственников и просто в обиходе у населения. Однако раскрывается это понятие только в медицинской литературе, но даже в этих источниках врачебная ошибка трактуется далеко не однозначно. Четкое понимание сущности и легального определение необходимы, в первую очередь, для правильной правовой оценки этого явления, определения мер ответственности за последствия, возникающие в результате врачебной ошибки.

Количество врачебных ошибок достаточно велико во всех странах и отличается в зависимости от уровня развития здравоохранения и многих других объективных и субъективных факторов. По данным Института медицины США, от врачебных ошибок в год умирает от 45 000 до 97 000 человек. Общие издержки за врачебные ошибки в судебном порядке исчисляются в размере от 30 млрд долл.¹ Официальной статистики врачебных ошибок в России не ведется. По примерным подсчётам различных общественных организаций, ошибки медиков уносят ежегодно жизни 50 тыс. человек². По некоторым опубликованным данным, врачебные ошибки и непрофессионализм медицинских работников приводят к более 70 тыс. случаев осложнений ежегодно³.

¹ См.: Артеменко Н.А., Тарасова О.Е., Николаева Е.А. Уголовно-правовая оценка врачебной ошибки в истории российского законодательства // Медицинское право. 2023. № 4. С. 15.

² Поцелуев Е.А., Горбунов А.Е. Медицинская ошибка и преступление: равнозначные понятия? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2017. Т. 5. № 1 (17). URL: <http://esj.pnzgu.ru>

³ Такую статистику озвучил на заседании совета ректоров медицинских вузов глава Минздрава Михаил Мурашко, не раскрывая точных цифр по смертности пациентов. URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/08/ohh/>

В медицинской литературе приводится более 60 различных понятий врачебной ошибки. В частности, по мнению одних специалистов, врачебная ошибка говорит об избрании опасных для жизни или здоровья пациента методов и средств диагностики и лечения, которые являются следствием незнания или самонадеянного игнорирования специальных требований профессионального поведения в данной конкретной ситуации¹.

Другие авторы рассматривают врачебную ошибку как факт отрицательного результата лечения из-за несоблюдения утвержденных клинических протоколов, рекомендаций в условиях халатности, небрежности и неисполнения должностных инструкций². Кроме того, есть и такая точка зрения, что врачебная ошибка – это результат заблуждения в процессе осуществляемой медицинской деятельности из-за наличия объективных и субъективных факторов, способных повлечь неверную диагностику заболевания, определение средств и методов лечения (например, недостаток врачебного опыта, неисправность медицинского оборудования, редкость заболевания, анатомические особенности организма и др.)³.

Однако при всем существующем разнообразии мнений наиболее приемлемым в медицинском сообществе считается понятие, сформулированное И.В. Давыдовским еще в 1941 г. Он определял врачебную ошибку как следствие добросовестного заблуждения врача при выполнении им профессиональных обязанностей. И.В. Давыдовский считал, что «главное отличие ошибки от других дефектов врачебной деятельности – исключение умышленных преступных действий (небрежности, халатности, невежества)⁴. Кратко, но

¹ Кудakov А.В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 4, 7.

² Садчиков Д.В., Клоктунова Н.А. и др. Методология понятия и определения врачебной ошибки // Медицинский алфавит. 2018. № 38, т. 4: Неотложная медицина.

³ Иванова Н.А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 9.

⁴ Цит. по: Косолапова Н.В. Медицинское право России : учебник. М. : Юстиция, 2021. С. 150; Давыдовский И.В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3. С. 3–10.

вполне понятно и доступно для применения на практике, в отличие от других нечетких и громоздких определений.

В настоящее время легального понятия врачебной ошибки в российском законодательстве не представлено. Хотя в ранее действовавшей редакции Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» врачебной ошибкой считалось нарушение качества оказанных медицинских услуг, которое не всегда происходило по вине лечебного учреждения и его сотрудников. Кроме того, понятие врачебной ошибки присутствует в проекте закона «Об обязательном страховании пациентов при оказании медицинской помощи», однако этот закон до настоящего времени не принят. В указанном законопроекте врачебная ошибка определяется как «действие либо бездействие медицинской организации, а равно действие либо бездействие ее медицинского работника, повлекшее, независимо от вины медицинской организации и ее медицинского работника, причинение вреда жизни и здоровью пациента при оказании ему медицинской помощи»¹. Вполне возможно признать эту позицию приемлемой, и такое определение врачебной ошибки тоже имеет право на существование. С точки зрения закона расплывчатые, нечеткие определения порождают серьезные затруднения в применении, в попытке доказать или опровергнуть наличие или отсутствие именно врачебной ошибки.

Аналогичная проблема с определением врачебной ошибки существует не только в России, но и в зарубежных странах. Тем не менее в уголовном законодательстве некоторых государств содержатся нормы о врачебной ошибке, хотя законодательство Австрии, Германии, Франции, ОАЭ наказуемой признает только грубую врачебную ошибку. Согласно ст. 122-3 УК Франции, «не подлежит уголовной ответственности лицо, если оно представило доказательства того, что в силу ошибки относительно права, которой оно не могло избежать, оно полагало, что имеет законное основание совершить действие»². В данной статье ошибка рассматривается как неправильное

¹ URL: <https://minzdrav.gov.ru/open/discuss/projects/archive/39>

² URL: <https://kachestvo-kontrol.med.cap.ru/press/2017/11/14/915564>

представление лица о юридических свойствах совершенного действия, т.е. о юридической ошибке. Норма о фактической ошибке содержится в параграфе 16 Уголовного кодекса ФРГ¹.

В ОАЭ внедрена и достаточно успешно функционирует система компенсации за врачебную ошибку, основной целью которой является обеспечение того, чтобы пациенты получали справедливую компенсацию за любой ущерб, возникший в результате медицинской халатности². Эта система основана на принципе «отсутствия вины», что означает, что пациент, чтобы получить указанную компенсацию, не должен доказывать халатность, допущенную медицинским работником.

Российское законодательство, как уже отмечалось, врачебную ошибку не упоминает. Поэтому, привлекая медицинских работников к уголовной ответственности в связи с причинением вреда жизни и здоровью пациентов, суд руководствуется ст. 109, 118, 122–124 УК РФ. Законодатель исходит из того, что в случае, если допущенные ошибки обусловлены внешними, объективными факторами, то они не влекут уголовной ответственности, а субъективные ошибки предполагают привлечение к уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. После длительных дебатов и обсуждений на различных уровнях Федеральным законом от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ приняты поправки в 238-ю статью УК РФ, в которой говорится об ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. В соответствии с этими поправками, действия медицинских работников не будут расцениваться как «услуга», а, значит, положения ст. 238 не будут касаться медицинской помощи. Несомненно, это очень своевременное и правильное решение. Тем не менее следует, по-видимому, на законодательном уровне все-таки закрепить понятие врачебной ошибки, определить ответственность медицинского учреждения перед пациентом за совершение его работниками врачебной ошибки, ответственность за моральный вред, причиненный пациенту в результате врачебной ошибки. Кроме того, необходимо, наконец, принять законы об обязательном страховании и пациентов, и медицинских работников при оказании медицинской помощи.

¹ URL: <https://kachestvo-kontrol.med.cap.ru/press/2017/11/14/915564>

² URL: <https://ru.hamdanlegalgroup.ae/2023/09/16>

А.Ю. Рожкова

ПРАВО НА БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УИС ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Декларативно права человека незыблемы в любой правовой системе независимо от социального статуса, занимаемой должности лица, где права детерминируют человека как гражданина и члена цивилизованного общества. Для уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) особенно институт защиты прав (ст. 32 № 5473-1 Закона РФ)¹ актуален в силу специфики взаимодействия сотрудников с представителями преступного мира при участии в перевоспитании, когда по обе стороны участники пенитенциарных отношений нуждаются в защите прав в особенном порядке.

Конечно, институт защиты прав предусматривает юрисдикционную форму процессуального порядка по восстановлению нарушенных прав и законности в процессе судопроизводства. Однако мы предлагаем несколько шире оперировать институтом защиты прав в контексте обеспечения личной безопасности (абз. 1 ст. 33 № 5473-1 Закона РФ) и отстаивания прав в форме соблюдения норм законодательства (абз. 2 ст. 26 № 5473-1 Закона РФ) и принципов международного права, где «законность закона» отвечает балансу публичных и частных прав.

В данном рассуждении отметим ряд особенностей разных правовых систем зарубежного опыта по стандартизации обеспечения и защиты прав в отношении должностных лиц, несущих государственную службу.

Например, закреплён порядок защиты прав на безопасность сотрудников УИС (ст. 5 № 197-ФЗ)¹. В отношении должностных лиц

¹ Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 № 5473-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/ (дата обращения: 18.01.2025).

¹ Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Рос-

правоохранительных органов также декларируется порядок защиты прав на безопасность, которому посвящен Закон¹ № 45-ФЗ от 20.04.1995. Последнее положение имеет происхождение международного права, а именно нормы указанного закона утверждены Межпарламентской ассамблеей СНГ, основанные на принципах Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Европы, что для большинства стран постсоветского пространства, например, в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, заложило фундамент законотворчества об институте защиты прав должностных лиц государственной деятельности, где декларируется защита безопасности государственной службы.

Очевидно такое понимание о недопустимости нарушения законности исполняемых должностных полномочий должностными лицами, так и правонарушений иных и третьих лиц, когда сотрудники УИС осуществляют пенитенциарные отношения с осужденными в законном порядке как детерминирующий фактор безопасности правоохранительной деятельности УИС, сотрудников и осужденных в целях соблюдения и защиты прав.

Тем не менее обозначим немецкий опыт и иных европейских стран континентальной правовой системы по обеспечению безопасности сотрудниками полиции конфиденциальности персональных данных свидетелей при условии ими оговорки о наличии или отсутствии обязательств перед третьими лицами, например кредиторами, в целях недопустимости нарушения прав. Так, в ходе возбуждения уголовного дела и оперативно-розыскной деятельности сотрудником законодательно предусмотрено соблюдение норм безопасности всех фигурантов дела в законном порядке.

Далее, англосаксонская (общепреcedентная) правовая система демонстрирует опыт действия службы маршалов юстиции и Канад-

сийской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302867/ (дата обращения: 29.11.2024).

¹ Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 29.11.2024).

ской королевской конной полиции, где у сотрудников наряду с правовыми формируются социально-психологические компетенции, связанные с пониманием инклюзивной педагогики, возрастной, экспериментальной психологии в целях обеспечения правопорядка «на улицах» и взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми лицами¹, что позволяет осознанно мотивировать законопослушное поведение, собственную безопасность и законность правоохранительной системы.

Интересен японский опыт, где пенитенциарная система находится под защитой правоохранителей только в заявительном порядке, где законодательно не закреплён регламент безопасности (защита прав) должностных лиц, кроме премьер-министра и императора Японии².

Вернемся в российскую практику правотворчества, где наряду с собственной безопасностью УИС прокурорский надзор выступает внешним институтом безопасности государственной системы органов (ст. 22 УИК РФ) в целях соблюдения норм законодательства, баланса публичных и частных прав – наблюдаем имплементацию схожих признаков «надинституциональности» с общей правовой системой.

Резюмируем, право на защиту прав тесно корреспондирует с порядком обеспечения безопасности как публично, так и при правосознательном поведении должностного лица в условиях законности закона в любой правовой системе.

¹ Шувалов А.П., Сидоров А.В., Фасхутдинова А.В. Актуальные вопросы формирования психологической компетентности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях // Закон и право. 2024. № 4. С. 255–260.

² Кенешбекова Б.К. Кадровая политика на государственной службе Японии // Вестник КРСУ. Юридические науки. 2020. № 3, т. 20. С. 88–91.

Ю.В. Тюрина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ

По данным федеральной налоговой службы, в России на конец марта 2025 г. лиц, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее – самозанятый), было более 13 млн человек¹.

Основные правовые нормы, регулирующие деятельность таких лиц, содержатся в Федеральном законе от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима» и определяют специфику статуса самозанятого – относительно налоговых, гражданских, трудовых и социально-обеспечительных правоотношений².

Сравнительно несложный порядок регистрации статуса самозанятого и налоговой отчетности привлекательны для все большего количества людей, занимающихся тем или иным видом предпринимательской деятельности, однако лишь часть из них обеспокоена вопросами своего пенсионного обеспечения, возможностью получения пособий или медицинского обслуживания.

Законодательство не предусматривает обязательных страховых отчислений для участников эксперимента по установлению специального налогового режима в Социальный фонд РФ, в связи с этим если самозанятый добровольно не вступает в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию, периоды его деятельности не будут засчитываться в страховой стаж, также не будет формироваться необходимое количество пенсионных баллов, что –

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 04.04.2025).

² О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима : Федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 04.04.2025).

наряду с достижением установленного возраста – является необходимыми условиями для назначения страховой пенсии по старости¹.

Если к моменту достижения пенсионного возраста самозанятый не сумеет сформировать необходимое количество лет страхового стажа (с 2024 г. не менее 15 лет) и пенсионных баллов (не менее 30), то пенсионное обеспечение такого лица будет – социальная пенсия по старости. Размер такого социального предоставления в 2025 г. составил 8 824,08 руб.², в то время как прожиточный минимум пенсионера установлен на уровне 15 000 руб.

Таким образом, через некоторое время в стране может резко вырасти процент малоимущего населения – пенсионного возраста достигнут самозанятые, которые не вступали в добровольные правоотношения по обязательному пенсионному страхованию.

Избежать этого можно, если на законодательном уровне обязать лиц, имеющих статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», производить обязательные страховые отчисления за периоды, в течение которых они осуществляли предпринимательскую деятельность (в отличие от индивидуальных предпринимателей, которые обязаны ежегодно производить страховые отчисления вне зависимости от того, осуществлялась предпринимательская деятельность или нет).

Размер отчислений может быть установлен исходя из доходов самозанятого за месяц, если такого не было – отчислений не предусматривать.

¹ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : Федер. закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/ (дата обращения: 04.04.2025).

² О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : Федер. закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 28.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (дата обращения: 04.04.2025).

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПРАВО

А.П. Анисимов

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Законодательство по защите прав потребителей впервые возникло в конце XIX – начале XX в. в промышленно развитых странах (США, Великобритания и др.), хотя отдельные элементы защиты прав потребителей можно найти даже в римском праве, где существовали нормы о запрете обмана в торговле и иных подобных недобросовестных действий. Причин формирования в разных странах мира законодательства о защите прав потребителей (в его современном понимании) на рубеже XIX–XX вв. было несколько: промышленная революция (появилось намного больше товаров, произведенных не вручную, а с использованием станков и иного оборудования, что увеличило риск покупки некачественных товаров); усилились тенденции урбанизации (появились новые рынки сбыта товаров, но усложнился контроль за их качеством, что привело к росту мошенничества и продажи поддельных товаров); у потребителей часто отсутствовала информация о покупаемых товарах (производителе, месте производства, потребительских качествах, рисках для здоровья и т.д.); происходит формирование монополий, что сильно ухудшает конкуренцию, и т.д. Один из первых законов о защите прав потребителей (Закон о продаже товаров) был принят в Великобритании в 1893 г. (Sale of Goods Act 1893). Закон установил основные принципы в отношении договоров купли-продажи товаров, включая подразумеваемые условия о качестве и пригодности товаров. Несколько

позже в США был принят Закон о чистых пищевых продуктах и лекарствах 1906 г. (Pure Food and Drug Act) в ответ на общественное возмущение по поводу недобросовестных практик в пищевой и фармацевтической промышленности. Закон запретил продажу фальсифицированных или неправильно маркированных продуктов и лекарств. В дальнейшем уже к середине XX в. (а особенно в 1960-х гг.) движение за права потребителей набрало современные обороты. В 1962 г. президент США Джон Ф. Кеннеди представил «Билль о правах потребителей», который включал четыре основных права: право на безопасность; право на информацию; право на выбор; право быть услышанным¹. Эти принципы легли в основу многих последующих законов о защите прав потребителей по всему миру. Вскоре возникло и международное сотрудничество по данному вопросу: в 1985 г. ООН приняла Руководящие принципы для защиты интересов потребителей, которые предоставили рамочную основу для национальных законодательств и подчеркнули важность защиты прав потребителей на глобальном уровне. Таким образом, появление законодательства по защите прав потребителей было обусловлено необходимостью реагировать на вызовы индустриализации и глобализации. Рост производства и торговли требовал установления правил, обеспечивающих безопасность и справедливость на рынке, защищая потребителей от рисков и злоупотреблений. Сегодня защита прав потребителей является неотъемлемой частью правовых систем большинства стран, способствуя повышению качества товаров.

В этом процессе Россия не является исключением. В нашей стране уже много лет действует Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей», определяющий права и обязанности потребителя и продавца, механизм защиты прав потребителей при продаже им товаров и услуг.

Однако сегодня перед российским законодательством о защите прав потребителей стоят новые задачи в связи с переходом РФ к «зеленой» экономике:

¹ Болтуев У.С. К вопросу об истории становления института защиты прав потребителей // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2011. № 4. С. 24.

1) Законодательство недостаточно эффективно регулирует вопросы электронной торговли и оказания цифровых услуг (например, при покупке цифрового контента, использовании онлайн-сервисов и электронных платформ); существующие нормы плохо учитывают особенности дистанционной торговли¹. В частности, споры могут возникнуть при несоответствии заказанного по каталогу товара ожиданиям потребителя; задержке доставки; сбоях сайтов; недоверии к электронным платежам; отказе продавца принять возвращаемый товар. Необходимо улучшить правовое регулирование сервисов каршеринга, аренды жилья через онлайн-платформы; требует регламентации массовое использование искусственного интеллекта в ходе производства различных видов товаров и услуг (что может привести к новым рискам для потребителей, включая принятие решений на основе алгоритмов без человеческого вмешательства). Необходимо установить стандарты безопасности для VR/AR-технологий, обеспечить информирование их потребителей о возможных рисках. Рост онлайн-транзакций увеличивает также риск совершения киберпреступлений (кража персональных данных и финансовые мошенничества, что требует разработки эффективного механизма реагирования на киберугрозы, специального обучения потребителей).

2) Защита прав потребителей и охрана окружающей среды взаимосвязаны по нескольким направлениям, поскольку они ориентированы на движение к устойчивому развитию и ответственному потреблению. Между тем их гармоничному сочетанию часто препятствует «зеленый камуфляж» – практика распространения ложной или вводящей в заблуждение информации об экологичности продукции предприятия². Это может проявляться в использовании вводящей в заблуждение рекламы или маркетинговых тактик, чтобы убе-

¹ Григорян С.А. Проблемы правового регулирования дистанционной торговли товарами и услугами в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 12. С. 94–96.

² Солдатова Н.Ф. Практика применения технологии «зеленого камуфляжа» в маркетинге и защита прав потребителей // Евразийская адвокатура. 2024. № 4. С. 173–176.

дить общественность в том, что продукция, цели и политика компании являются экологически безопасными. Кроме рекламы и публичных сообщений в средствах массовой информации, такую информацию могут распространять и недобросовестные блогеры в социальных сетях. Передаваемые таким образом недостоверные сведения сообщают потребителю о том, что определенный товар или услуга оказывают положительное воздействие на окружающую среду или не оказывают никакого воздействия на нее, наносят меньший ущерб окружающей среде, чем конкурирующие товары и услуги. Это может быть связано с составом такого товара, способом его изготовления, технологиями утилизации, с ожидаемым снижением энергопотребления или загрязнения окружающей среды в результате его использования. Конкретные проявления такой рекламы могут варьировать от простого изменения названия или этикетки продукта (чтобы сделать его более натуральным, даже если он содержит вредные химические вещества) вплоть до сложных и дорогостоящих кампаний, дающих оценки действий предприятий, сильно загрязняющих окружающую среду, как, наоборот, экологически чистых.

М.П. Имекова

СТАНДАРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАК НОРМАТИВНЫЕ СРЕДСТВА СТРОИТЕЛЬСТВА

Основным нормативным средством правового регулирования общественных отношений по строительству (далее – нормативным средством строительства) являются нормы гражданского законодательства¹. Данные нормы предусматривают три модели поведения

¹ При проведении исследования использовался такой метод исследования, как инструментальный подход. Данный подход представляет собой основу инструментальной теории – специально-юридической теории, позволяющей рассматривать право как специфическую систему правовых средств, объединяемых на отдельных участках правового регулирования в своеобразные правовые

субъектов в сфере строительства, такие как вещная, договорная и корпоративная. Причем для каждой из названных моделей в гражданском законодательстве предусмотрены свои нормы. Так, для вещной модели – это нормы о приобретении права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество, для договорной модели – нормы о договорах и об обязательствах, для корпоративной модели – нормы, регулирующие корпоративные отношения.

Особое значение для предусмотренных нормами гражданского законодательства моделей поведения в сфере строительства, несмотря на их публично-правовую природу, имеют нормативные акты технического регулирования (правила безопасности, руководящие документы, строительные нормы и правила (СНиПы), санитарные, гигиенические, экологические и иные нормативы, национальные стандарты)¹ и акты саморегулируемых организаций в сфере строительства². Перечисленные акты устанавливают требования к качеству строительных работ, соответственно, в этом аспекте определяют права и обязанности субъектов в рамках той или иной модели строительства. И в первую очередь речь идет о таких правах и обязанностях, как право заказчика на качество строительных работ и корреспондирующая ему обязанность подрядчика выполнить эти работы качественно (см. ст. 754–757 Гражданского кодекса РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (далее – ГК РФ))³. Производным от этих прав является, к примеру, право заказчика осуществлять контроль и надзор за выполнением работ подрядчиком (см. ст. 748, 749 ГК РФ).

режимы, механизмы регулирования, по-разному обеспечивающие решение социально-экономических, организационных, политических задач в зависимости от специфики правового регулирования, его типов и способов (см. подробнее: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 36).

¹ См. подробнее: Болтанова Е.С. Эколого-правовые основы регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. С. 121–141.

² См. ст. 4 ФЗ от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076); гл. 6.1 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) (СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16).

³ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Необходимость взаимодействия норм гражданского законодательства с публично-правовыми средствами в вопросе определения качества строительных работ обусловлена тем, что данные работы относятся «к зоне особого риска»¹. В связи с этим их качество, включая в том числе и их безопасность², определяется не только в соответствии с условиями договора, обычаями или обычно предъявляемыми требованиями, но и в соответствии с требованиями нормативных актов технического регулирования и актов саморегулируемых организаций в сфере строительства (ст. 721 ГК РФ).

Если правовая природа нормативных актов технического регулирования очевидна и их следует признавать нормативными средствами строительства³, предмет дискуссии составляет вопрос о правовой природе актов саморегулируемых организаций в сфере строительства. В частности, все ли они являются нормативными средствами строительства?

Как известно, саморегулирование с обязательным членством было введено в качестве альтернативы государственному контролю

¹ Болтанова Е.С. Эколого-правовые основы регулирования застройки земель зданиями... С. 196.

² В соответствии с действующим законодательством качество товара, работы, услуги означает соответствие свойств товара, работы, услуги, характеризующих их потребительскую стоимость, требованиям, установленным условиями договорами, либо требованиям, установленным в порядке и способами, которые предусмотрены законами, другими правовыми актами, обычаями или обычно предъявляемыми требованиями (п. 4 ст. 421, 469, 721 ГК РФ). Безопасность товаров, работ, услуг является одним из элементов их качества и представляет соответствие товара, работы, услуги установленным требованиям, при котором исключается или сводится к обоснованному минимуму риск причинения вреда. Требуемое соответствие обеспечивается посредством достижения и поддержания соответствующих показателей, устанавливаемых в порядке и способами, которые предусмотрены законами, другими правовыми актами, либо договором (см.: Панова А.С. Правовое обеспечение качества и безопасности товаров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 14).

³ Как справедливо отмечает Е.С. Болтанова, в таких актах содержатся как технические нормы (правила обращения людей с техникой, орудиями и инструментами труда, с силами и объектами природы), так и нормы права (см.: Болтанова Е.С. Указ. соч. С. 129).

(лицензированию)¹. В этой связи создаваемые в целях саморегулирования организации (в нашем случае – саморегулируемые организации в сфере строительства (далее – СРО в сфере строительства)) обладают двойным правовым статусом: с одной стороны, они являются субъектами гражданского права, с другой – субъектами, призванными выполнять публичные функции², такие как контрольная, регулирующая (нормотворческая), обеспечительная, информационная³. И именно необходимость контроля за деятельностью членов СРО (в нашем случае – в сфере строительства) предопределила специфику принимаемых ими актов. Причем речь идет не о всех актах СРО в сфере строительства, а только о стандартах деятельности членов СРО⁴. Данные стандарты призваны регламентировать строительную деятельность застройщиков с позиции обеспечения ее качества и безопасности⁵. В случае их нарушения СРО вправе применить к нарушителям – членам СРО меры дисциплинарного воздействия,

¹ Аналогичной точке зрения придерживаются и другие ученые (см., например: Болтанова Е.С. Указ. соч. С. 137).

² Двойной правовой статус СРО признается Конституционным Судом РФ (см. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого п. 1 ст. 20 ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335).

³ См.: Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2014. № 3. С. 2.

⁴ Нормы ст. 55.5 ГрК РФ закрепляют два вида актов (внутренних документов) СРО в сфере строительства: 1) акты, которые СРО в сфере строительства обязана разработать; 2) акты, которые СРО в сфере строительства имеет право разработать. К числу первых относятся следующие акты: о компенсационных фондах СРО, о реестре членов СРО, о процедуре рассмотрения жалоб на действия (бездействия) членов СРО, о проведении СРО анализа деятельности своих членов на основании информации, представляемой ими в форме отчетов; о членстве в СРО; стандарты деятельности и квалификационные стандарты.

⁵ К такому выводу позволяет прийти анализ целей деятельности СРО в сфере строительства, которые закреплены в ст. 55.1 ГрК РФ. Кроме этого, согласно ч. 9 ст. 55.5 ГрК, стандарты СРО не могут противоречить ГрК, законодательству РФ о техническом регулировании, а также стандартам, утвержденным соответствующим Национальным объединением СРО.

перечень которых установлен законом о СРО (см. ст. 10 ФЗ «О саморегулируемых организациях»). В частности, исключить нарушителей из членов СРО. Данная мера является самой строгой, поскольку членство в СРО в сфере строительства является одним из обязательных условий осуществления застройщиком строительной деятельности (п. 3 ст. 49 ГК РФ, ст. 52 ГрК РФ).

Однако стоит отметить, что стандарты деятельности членов СРО в сфере строительства являются обязательными не только для самих членов, но и для других лиц. В качестве примера можно привести заказчиков по договору строительного подряда, которые в ходе строительной деятельности, осуществляемой подрядчиком, оказываются вовлеченными в общественные отношения по строительству, охваченные саморегулированием. Либо членов жилищно-строительного кооператива, которые также в ходе строительной деятельности, осуществляемой жилищно-строительным кооперативом, оказываются вовлеченными в общественные отношения по строительству, охваченные саморегулированием. Заказчики и члены жилищно-строительных кооперативов вправе предъявлять требования к подрядчику или жилищно-строительному кооперативу как к застройщикам, связанные с качеством и безопасностью выполняемых или выполненных ими строительных работ, руководствуясь стандартами деятельности, утвержденными СРО для таких застройщиков как своих членов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что из числа актов СРО в сфере строительства только стандарты деятельности членов СРО являются нормативными средствами строительства.

Р.М. Кочетов

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПЛАНИРУЕМОГО РАЗМЕЩЕНИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ДОРОГИ В СООТВЕТСТВИИ С ДОКУМЕНТАМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Разработка документов территориального планирования, в том числе генеральных планов, осуществляется в целях планирования

долгосрочного и устойчивого развития территорий (ч. 1 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ))¹. На картах генерального плана, помимо прочего, отображаются планируемые для размещения автомобильные дороги местного значения (п. «б» п. 1 ч. 5 ст. 23 ГрК РФ).

При детальном изучении таких карт генеральных планов (например, г. Томска) можно увидеть только схематичное место для размещения автомобильной дороги. Точные границы дороги определяются при реализации генерального плана в документации по планировке территории (ч. 1 ст. 26, ч. 1, п. 5 ч. 3 ст. 41 ГрК РФ). Разработка такой документации является обязательной в случаях, когда планируется строительство или реконструкция линейных объектов, в том числе автомобильных дорог (п. 5 ч. 3 ст. 41 ГрК РФ).

Проект планировки территории предназначен для выделения элементов планировочной структуры, установления границ территорий общего пользования, границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства (ч. 1 ст. 42 ГрК РФ). Установление того, что на этой территории будет располагаться линейный объект местного значения – автомобильная дорога, приводит к ограничению в пользовании и распоряжении такой территорией (пп. 7 п. 5 ст. 27 Земельного кодекса РФ², п. 3 ч. 4 ст. 36 ГрК РФ). Однако в этом есть необходимость с точки зрения публичных интересов.

Разработка проектов планировки территории в отношении всей территории населенного пункта требует больших материальных затрат, которые муниципалитет, как правило, не готов нести. При утверждении в 2007 г. действующих Генерального плана и Правил землепользования и застройки г. Томска³ одновременно не были разработаны проекты планировки в отношении территории муници-

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Думы г. Томска от 27.11.2007 № 687 «О корректировке Генерального плана и об утверждении Правил землепользования и застройки муниципального образования «Город Томск»» // Сборник официальных материалов муниципального образования «Город Томск». 13.12.2007. № 49.1.

пального образования, улично-дорожной сети. В связи с этим возникли сложности в определении местоположения запланированных к строительству и реконструкции дорог.

В 2014 г. в Генеральный план и Правила землепользования и застройки г. Томска (далее – ПЗЗ) были внесены существенные изменения¹. В ПЗЗ была введена территориальная зона Т-4, которая была предназначена для размещения объектов инженерной и транспортной инфраструктуры с установлением точных координат такой зоны. Ориентируясь на местоположение такой территориальной зоны Т-4, можно установить, в каких границах планируется развитие транспортной инфраструктуры, на территории каких земельных участков. Этим стали пользоваться органы местного самоуправления и суды². При этом суды также ссылались на выводы Верховного Суда Российской Федерации³.

Однако спустя время уполномоченные органы начали дополнительно указывать на возможность определения местоположения планируемой дороги только на основании карты Генерального плана и своей информационной системы обеспечения градостроительной деятельности.

Так, в двух случаях уполномоченный орган при выдаче градостроительного плана земельного участка (далее по тексту – ГПЗУ) на чертеже отобразил, что на таких участках запланировано размещение дороги в соответствии с Генеральным планом при отсутствии

¹ Решение Думы города Томска от 01.07.2014 № 1049 «О внесении изменений в Генеральный план и в Правила землепользования и застройки муниципального образования “Город Томск”, утвержденные решением Думы города Томска от 27.11.2007 № 687» // Сборник официальных материалов муниципального образования «Город Томск». 10.07.2014. № 28.7.

² Например, кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 № 88А-25847/2024 (УИД 70RS0003-01-2023-006199-75) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пункт 27 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс»; Пункт 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

проекта планировки территории и пересечений участков с территориальной зоной Т-4.

По одному из объектов суды всех инстанций рассмотрели данный спор и согласились с доводами уполномоченного органа (А67-2444/2021¹). По второму объекту действия уполномоченного органа по внесению сведений в ГПЗУ оспаривались дважды, в рамках различных дел. В рамках первого дела А67-2011/2022 суды всех инстанций указали на законность таких действий муниципалитета. В ходе рассмотрения дела А67-4907/2022 по оспариванию второго ГПЗУ на этот же участок только в суде кассационной инстанции заявителю удалось доказать свою правоту. Суд в своем постановлении² сделал вывод, что если у планируемой дороги нет утвержденных красных линий в проекте планировки территории, то нет действительно установленных границ такой дороги и нет оснований указывать такую дорогу в ГПЗУ.

Для устранения возможности возникновения таких произвольных действий и толкований закона уполномоченными органами и судами полагаем необходимым ввести норму о том, что точное местоположение планируемой автомобильной дороги, подлежит определению только при подготовке документации по планировке территории, либо Верховному Суду Российской Федерации следует разработать соответствующие разъяснения положений закона.

В.Г. Мельникова

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В настоящее время проблема возмещения вреда окружающей среде стала особенно актуальной. Это обусловлено как происходив-

¹ Здесь и далее указаны номера дел в сервисе «Картотека арбитражных дел». URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.08.2024 № Ф04-3429/2024 по делу № А67-4907/2022 // Сервис «Картотека арбитражных дел». URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).

шими крупными техногенными инцидентами, так и высокой активностью органов исполнительной власти в части предъявления исков к хозяйствующим субъектам о возмещении вреда окружающей среде. По данным Росприроднадзора, за 2023 г. было предъявлено требований о возмещении вреда на общую сумму 226,8 млрд руб.¹ Возмещение вреда окружающей среде имеет ряд существенных особенностей, что неоднократно порождало интенсивные теоретические дискуссии как о правовой природе юридической ответственности за вред окружающей среде, так и по отдельным вопросам применения правовых норм, определяющих основания, порядок и суммы возмещения вреда окружающей среде².

В судебных решениях по искам о возмещении вреда окружающей среде устанавливаются наличие факта правонарушения, причинно-следственная связь данного нарушения с негативным изменением состояния окружающей среды, вина субъекта и размер вреда. В судебных решениях прослеживается учет вины причинителя вреда в зависимости от использования источника повышенной опасности. Такая позиция отражена и в Постановлении Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». В п. 8 перечислен ряд нормативно-правовых актов, в соответствии с которыми может быть обосновано отнесение объекта к источникам повышенной опасности. Представляется, что в данном случае целесообразно увязывать отнесение объекта негативного воздействия на окружающую среду к источникам повышенной опасности на основе принципа презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности и установить, объекты НВОС каких категорий будут являться источниками повышенной опасности для окружающей среды. Целесообразно закрепить правило о том,

¹ URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/da8/x8cgrbq0y6fk8ziy6cdmf51s9e09nk9q/Doklad-2023-_1_.pdf

² Болтанова Е.С. Возмещение экологического вреда: соотношение норм экологического и гражданского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8. С. 6–15; Хлуденева Н.И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среде // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 152–164.

что если вред окружающей среде причинен в результате хозяйственной деятельности на объектах НВОС 1–3-й категорий, то ответственность причинителя вреда должна наступать по правилам об ответственности владельца источника повышенной опасности.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что цель ответственности за причинение вреда окружающей среде – достижение компенсации, восстановление ее нарушенного состояния, в связи с чем истец вправе выбрать способы возмещения вреда, в том числе предусмотренные ст. 1082 ГК Российской Федерации и ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды», а суд, с учетом конкретных обстоятельств дела оценивая в каждом случае эффективность этих способов, вправе применить тот, который наиболее соответствует указанной цели; возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды¹.

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, положения ФЗ «Об охране окружающей среды» в части определения правил возмещения вреда окружающей среде имеют ряд дефектов, не позволяющих обеспечить их однозначное толкование. Так, вызывает сложности разграничение сфер применения ст. 77 и 78. При этом проблема в выборе способа возмещения вреда окружающей среде, а также в том, что положения указанных норм предусматривают разный порядок определения сумм, подлежащих взысканию. В данном аспекте важно также учитывать цели рассматриваемых норм. Необходимо четко разграничивать два этапа: определение способа возмещения вреда – первый этап – выбор способа осуществляется первоначально истцом, но суд оценивает возможность восстановления нарушенного права таким образом и принимает решение. И второй

¹ См. подробнее п. 13 и 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», п. 35 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 14.11.2018, и п. 28 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утвержденный Президиумом ВС РФ 17.07.2019.

этап – если в качестве способа возмещения вреда определена компенсация вреда окружающей среде, то необходимо определить ее размер. Здесь необходимо применить либо ч. 3 ст. 77, либо ч. 1 ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды». В практике возникает проблема в части оценки возможности восстановления нарушенного права. Если исходным нарушенным правом рассматривать общее право на благоприятную окружающую среду, то любой из указанных в законе способов приводит к восстановлению нарушенного права. Если же исходить из необходимости восстановить нарушенное состояние окружающей среды на конкретной пострадавшей территории или природном объекте, то соответствовать критерию возможности восстановления нарушенного состояния окружающей среды будет фактическое восстановление и определение размера компенсации по фактическим затратам в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ. Но в такой ситуации возникает проблема отсутствия формализованных требований к таким проектам и необходимости оценки судами таких проектов в части обеспечения при его реализации восстановления нарушенного состояния окружающей среды. Вторым сложным аспектом является учет трудновосполнимых потерь. При применении способа расчета по таксам и методикам данные сложности снимаются.

Суды в своих решениях чаще всего ссылаются на ч. 3 ст. 77 и определяют вред на основе утвержденных такс и методик¹ и лишь при их отсутствии – по фактическим затратам. Вместе с тем в отдельных судебных решениях суды применяют телеологическое тол-

¹ См. п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», Решение Верховного Суда РФ от 21.12.2011 № ГКПИ11-1934 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 22 Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утв. Приказом Минприроды РФ от 13.04.2009 № 87», Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2024 № Ф04-7750/2023 по делу № А81-2919/2023 и др.

кование и отмечают необходимость выбора способа в каждом конкретном случае на основе оценки достижимости цели¹. Вместе с тем в данном случае необходимо разграничить способ возмещения вреда и способ определения размера компенсации причиненного вреда. Размер суммы, подлежащей взысканию, может существенно отличаться при расчете по таксам и методикам и по фактическим затратам на рекультивацию и иные восстановительные работы. Поэтому для обеспечения единства судебной практики и стабильных условий осуществления хозяйственной деятельности представляется необходимым на законодательном уровне закрепить приоритет натуральной формы возмещения вреда и определения размера компенсации вреда на основе фактических затрат, необходимых для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. Если закрепить данный порядок на законодательном уровне и предусмотреть необходимость направления взысканных средств на восстановление нарушенного состояния окружающей среды именно в месте причинения вреда, то возможно обеспечить достижение заявленной цели, а расчет по таксам и методикам применять для вреда, причиненного в результате экологических правонарушений, субъекты которых не могут обеспечивать проведение рекультивационных и иных восстановительных работ (незаконная охота, незаконная рубка и т.п.).

А.А. Морозов

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Экологическое образование и просвещение населения в Российской Федерации является важным условием для защиты природной среды и жизнедеятельности общества. Критическое состояние окружающей среды, которая постоянно подвергается угрозам со стороны

¹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2024 № 11АП-19656/2023 по делу № А72-1440/2023 (позднее отменено и дело передано на новое рассмотрение).

участников экологических отношений, нуждается в поддержке государства и населения, в связи с этим информирование граждан об экологии нацелено на улучшение их отношения к природным ресурсам.

В ст. 74 Федерального закона «Об охране окружающей среды» экологическое просвещение представляет собой механизм передачи знаний и актуальной информации об экологической безопасности в регионах Российской Федерации¹. В настоящее время на законодательном уровне большое значение имеет просветительская деятельность в области экологии. Установленные программы по охране окружающей среды строятся на понимании экологической безопасности, данных о состоянии окружающей среды и использовании природных ресурсов². С целью добровольного привлечения населения к экологическим вопросам в регионах Российской Федерации уполномоченные органы на государственном и муниципальном уровнях проводят эколого-просветительскую деятельность, направленную на улучшение условий природной среды. Например, программы по защите животного мира реализуют увеличение осведомленности граждан о природной и культурной значимости животных, находящихся на грани исчезновения, заботливого к ним отношения и желания граждан добровольно оказывать помощь в охране экосистем³. Для эффективного информирования населения по экологическим вопросам проводятся тематические лекции, праздники, тем самым мотивируя участников правоотношений к участию в практической деятельности по защите природных объектов.

Государственная концепция непрерывного экологического просвещения основывается на классификации населения на группы с учетом возрастных и психолого-педагогических характеристик.

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

² Ахтырский А.А. Объективизация развития экологической культуры в России: социологический анализ // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2022. № 1(5). С. 16–24.

³ Распоряжение Минприроды России от 01.03.2022 № 7-р «Об утверждении Стратегии сохранения белого медведя в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Как утверждают представители научного сообщества, «формирование с раннего возраста системы ценностей способствует углублению понимания участия молодежи в охране окружающей среды»¹.

Следует отметить, что от родителей и педагогических работников во многом зависит формирование у ребенка ответственного отношения к природным объектам окружающей среды, основных экологических правил поведения и знаний, что положительным образом влияет на оздоровление экологии в России². Так, в настоящее время в образовательных учреждениях вводятся специальные уроки по ознакомлению детей с природой в регионе проживания, редкими животными, занесенными в Красную книгу, а также способами защиты таких видов³.

На территории Санкт-Петербурга проводятся различные мероприятия, направленные на повышение уровня экологического образования молодежи: субботники по проведению уборки территорий от мусора, озеленение районов города, выездные экологические акции и форумы, в частности, молодежная акция по охране окружающей среды «Чистый берег», в рамках которой проводится уборка прибрежной зоны Финского залива, эколого-просветительская деятельность в целях передачи знаний о состоянии экологии в условиях современной реальности⁴. Отмечается, что молодое поколение проявляет активный интерес к охране окружающей природы и стре-

¹ Морозов А.А. Защита экологических прав / А. А. Морозов // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 мая 2015 года. СПб. : Петрополис, 2015. С. 182–185.

² Закон Ленинградской области от 18 июля 2016 г. № 62-оз «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Ленинградской области» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Распоряжение Минприроды России от 19.09.2024 № 50-р «Об утверждении Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации до 2034 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Морозов А.А. Право собственности на природные ресурсы // Частное и публичное во вещном праве : сб. ст. по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 июня 2016 года. СПб. : Петрополис, 2016. С. 108–112.

мится участвовать в её защите и восстановлении, о чем свидетельствуют статистические показатели проводимой эколого-образовательной деятельности.

Однако Л.Г. Клюканова обращает внимание на следующее обстоятельство: «простой передачи и усвоения информации недостаточно для развития у граждан правовой культуры рационального природопользования»¹. И чтобы экологическое просвещение участников экологических правоотношений осуществлялось эффективно, необходимо обозначить конкретную цель, а именно – ответственное отношение к природе как важнейшему достоянию человечества.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что преодоление экологического кризиса возможно лишь при создании нового типа взаимодействия между человеком и природой, которое исключает разрушение и ухудшение природной среды. Это также включает в себя достижение благополучия общества через обеспечение права каждого на здоровую окружающую среду². Осознавая юридическую сущность экологической культуры и значимость жизни в здоровой окружающей среде, путем преодоления правового нигилизма субъекты экологических правоотношений будут более ответственно подходить к использованию природных ресурсов.

¹ Клюканова Л.Г. Экологическое просвещение как научно-образовательный, управленческий и информационный ресурс современного общества // Образование и право. 2018. № 5. С. 261–269.

² Морозов А.А. Правовая природа преимущественных прав в корпоративных отношениях // Право и политика. 2024. № 4. С. 61–68.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамова Наталья Геннадьевна – начальник кафедры Псковского филиала Университета ФСИН России.

Александрина Мария Александровна – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Анисимов Алексей Павлович – профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института ТГУ, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор.

Бабушкина Елена Анатольевна – доцент кафедры теории и истории государства и права НГУЭУ, кандидат юридических наук, судья Советского районного суда г. Новосибирска.

Багрова Наталия Владиславовна – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Баришпольская Татьяна Юльевна – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Белецкий Даниил Александрович – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Ван Динцян – аспирант кафедры трудового и экологического права Юридического института ФГБОУ ВО «АлтГУ».

Ван Цзюань – аспирант кафедры трудового и экологического права Юридического института ФГБОУ ВО «АлтГУ».

Витовская Евгения Сергеевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», кандидат юридических наук.

Войтович Елена Павловна – заведующая кафедрой гражданского права и процесса Сибирского института управления-филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

Высоцкая Наталья Анатольевна – директор Центра исследования семейных отношений и судебной психологической экспертизы (ЦИСОиСПЭ).

Гаврилов Е.В. – советник юридического отдела экспертно-правового управления Законодательного собрания Красноярского края.

Галковская Наталья Георгиевна – заведующая кафедрой гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент.

Гончарова Валерия Андреевна – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Гранкин Константин Владимирович – старший преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета.

Демидов Николай Вольтович – заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дорожинская Елена Анатольевна – доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Егоров Денис Валерьевич – ассистент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета.

Жугин Анатолий Владимирович – соискатель кафедры трудового права и права социального обеспечения Томского государственного университета.

Зеленина Анна Юрьевна – судья Арбитражного суда Томской области, кандидат юридических наук.

Имекова Мария Павловна – и.о. заведующего кафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Калашникова Виктория Ильинична – аспирант, ассистент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета.

Кальяк Андрей Михайлович – судья Арбитражного суда Новосибирской области, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

Князев Дмитрий Владимирович – заведующий кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Томск), кандидат юридических наук, доцент.

Копылов Андрей Юрьевич – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, аналитик научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Кочетов Роман Михайлович – ассистент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета.

Кузьмин Сергей Викторович – начальник отдела закупок Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры уголовного права Юридического института Томского государственного университета.

Кузьмина Ирина Дмитриевна – профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Кукарцева Александра Николаевна – аспирант, старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета.

Кучин Алексей Сергеевич – заведующий кафедрой корпоративной юридической практики Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, заместитель председателя правления по правовым вопросам и корпоративному управлению АО «Сибagro».

Лапа Александр Анатольевич – доцент кафедры гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Томск).

Максимов Владислав Сергеевич – аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета.

Мельникова Валентина Григорьевна – доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Морозов Андрей Александрович – доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева», кандидат юридических наук.

Назаров Андрей Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Кемеровского государственного университета.

Назметдинов Рустем Рафисович – доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Пашкова Галина Георгиевна – доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Рехтина Ирина Владимировна – заведующая кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», доктор юридических наук, доцент.

Рожкова Анна Юрьевна – доцент Псковского филиала Университета ФСИН России.

Розе Михаил Андреевич – аспирант кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Кемеровского государственного университета.

Рябусова Анастасия Владимировна – преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Юридического факультета ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского».

Стебо Федор Сергеевич – практикующий юрист.

Сулейменова Алия Рустемовна – юрисконсульт правового направления ФКУ «ЦХиСО МВД по Республике Алтай».

Султанова Анна Александровна – доцент кафедры гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Томск), кандидат философских наук.

Таскаев Павел Сергеевич – старший преподаватель кафедры ИННЛС ПОД УИС, ФКУ ДПО Томского ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы.

Титов Николай Дмитриевич – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Толмачева Ксения Евгеньевна – ассистент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета.

Трезубов Егор Сергеевич – доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Тюменцев Иван Александрович – аспирант кафедры гражданского права Института философии и права Новосибирского государственного университета (НГУ).

Тюрина Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета.

Хлебников Александр Викторович – доцент кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Шальнева Ольга Петровна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета.

Шахаев Александр Васильевич – старший преподаватель кафедры гражданского права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета.

Швец Лев Викторович – аспирант Юридического института Томского государственного университета.

Шепель Тамара Викторовна – профессор кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Александрина М.А. Выбор применимого права: проблемы дефиниции	3
Багрова Н.В. Крупные сделки хозяйственных обществ: подходы законодательства и судебной практики.....	6
Баршпольская Т.Ю. Объекты обязательственных правоотношений	9
Белецкий Д.А. О возможности использования конструкции лицензионного договора или договора об отчуждении исключительных прав для целей осуществления авторского надзора	12
Витовская Е.С. К вопросу о категории «государственные и муниципальные нужды»	14
Высоцкая Н.А. Актуальные проблемы участия психолога в спорах, связанных с воспитанием детей	16
Гончарова В.А. Современное состояние и перспективы развития отечественного учения о нематериальных благах	19
Дорожинская Е.А. Проблемы совершения экстраординарных сделок в практике российских корпораций	22
Калашникова В.И. Совместная деятельность в сфере высшего образования и науки: историко-правовой аспект	25
Копылов А.Ю. Имущественная ответственность перевозчика за просрочку доставки груза: вопросы теории и практики	28
Копылов А.Ю. Творчество в авторском праве: вопросы теории и практики	31

Кузьмин С.В. Корпоративные закупки: проблемы применения федерального законодательства и положения о закупке	34
Кузьмина И.Д. Категория добросовестности в вещном праве	37
Сулейменова А.Р. Совершенствование правового регулирования совершения электронных сделок на веб-сайте	39
Таскаев П.С. К вопросу об удержании неустойки из суммы оплаты по государственному контракту учреждениями УИС РФ	42
Титов Н.Д. К вопросу о дозволительной направленности гражданско-правового регулирования общественных отношений	45
Толмачева К.Е. Соотношение ст. 716 и 719 ГК РФ. Подходы судебной практики	48
Тюменцев И.А. Санкционная оговорка как способ преодоления односторонних ограничительных мер	51
Хлебников А.В. О порядке исчисления срока приобретательной давности	54
Шахаев А.В., Стебо Ф.С. К вопросу о суррогации в частном праве	57
Швец Л.В. Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных	60
Шепель Т.В. о необходимости расширения перечня специальных деликтов в Гражданском Кодексе РФ	63

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Бабушкина Е.А. О практике назначения экспертиз за счет средств федерального бюджета	66
Войтович Е.П. О критериях международной подсудности для разрешения трансграничных семейных споров	69

Галковская Н.Г. Причины фиктивной состязательности по административным делам о принудительной госпитализации граждан в психиатрический стационар	72
Кальяк А.М. Иммунитет единственного жилья должника в делах о банкротстве: современные проблемы	75
Князев Д.В. Решение задачи примирения в ходе подготовки дела к судебному разбирательству	77
Кукарцева А.Н. О некоторых рисках цифровизации цивилистического процесса в России	80
Кучин А.С. Договор, которого не было (к вопросу о фальсификации доказательств)	83
Лапа А.А. Проблемы регулирования в ГПК РФ рассмотрения дел («материалов»), не связанных с разрешением дела по существу	85
Назаров А.С. Способы повышения эффективности проведения торгов в исполнительном производстве	88
Рехтина И.В. Гражданский процесс в эпоху перемен	91
Розе М.А. Ограничение доступности правосудия как средство достижения эффективности защиты права	97
Рябусова А.В. Понятие «определение суда» в контексте проблем единства терминологии в гражданском и арбитражном судопроизводстве	100
Султанова А.А. Отдельные аспекты оформления мотивировочной части решения суда	103
Трезубов Е.С. Новые и увеличенные госпошлины в цивилистическом процессе: как преодолевать низкое качество закона?	106
Шальнева О.П. Поворот исполнения судебного приказа	110

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Абрамова Н.Г. К вопросу социальной защиты сотрудников УИС	113
Ван Д. Об основаниях дифференциации правового регулирования труда совместителей	115
Ван Ц. Об экономической зависимости как признаке трудовых отношений	118
Гаврилов Е.В. О правовом регулировании мер социальной поддержки граждан, больных фенилкетонурией, в субъектах РФ	121
Гранкин К.В. Юридическая природа и структура социально-обеспечительной помощи	124
Демидов Н.В. Расширение перечня категорий незаконного лишения возможности трудиться (ст. 234 ТК РФ)	127
Егоров Д.В. Проблемы правового регулирования труда работников транспорта	129
Жугин А.В. Дифференциация дисциплинарных взысканий	131
Зеленина А.Ю. Юридический состав как основание возникновения социально-обеспечительных правоотношений: тенденции развития	135
Максимов В.С. Профсоюзная защита работника от незаконного увольнения (ст. 374 ТК РФ)	138
Назметдинов Р.Р. Особенности отдельных видов нетипичных трудовых отношений	141
Пашкова Г.Г. К вопросу о понятийном аппарате законодательства в сфере здравоохранения	142
Рожкова А.Ю. Права на безопасность сотрудников УИС при исполнении служебных обязанностей: Международный аспект	147
Тюрина Ю.В. Некоторые проблемы пенсионного обеспечения самозанятых	150

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПРАВО

Анисимов А.П. Защита прав потребителей при переходе к «зеленой» экономике: история и современность	152
Имекова М.П. Стандарты деятельности членов саморегулируемых организаций в сфере строительства как нормативные средства строительства	155
Кочетов Р.М. Проблема определения местоположения планируемого размещения автомобильной дороги в соответствии с документами территориального планирования ...	159
Мельникова В.Г. Возмещение вреда окружающей среде: вопросы судебной практики	162
Морозов А.А. Современное экологическое просвещение как фактор обеспечения благополучия населения	166
Наши авторы	170

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 100

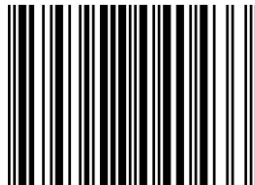
Сборник статей

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 09.02.2026 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 11,2. Усл. печ. л. 10,4. Тираж 500 экз. Заказ № 6679.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>

ISBN 978-5-908040-43-3

9 785908 040433 >